

ГОРБИ GORBY

№ 1

30.08.2023

Год без Горбачева.
Вы можете положить цветы сюда,
на обложку первого номера журнала,
который называется «Горби».
Журнала про то, как останавливать войны

ГОРБАЧЕВЫ

РАИСА МАКСИМОВНА

5·I·1932
20·IX·1999

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

2·III·1931
30·VIII·2022

МЕНЕДЖМЕНТ МИРА

«АФГАНСКИЙ ТРИЛЛЕР»

Как при Брежневе вводили советские войска в Афганистан и как Горбачев их оттуда выводил: документы, свидетельства и оценки

Владимир СНЕГИРЕВ. **Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить.** Документальная повесть очевидца и участника событий. Публикуется впервые. **стр. 3**

Андрей ЛИПСКИЙ. **Кто начал войну в Афганистане.** **стр. 24**

Обсуждения на Политбюро ЦК КПСС проблем вывода войск из Афганистана. Документ. **стр. 26**

«Никакая мораль нас не оправдывает. Каждая жизнь — это жизнь». Из выступления Горбачева на встрече с группой секретарей обкомов 18 апреля 1988 года. Документ. **стр. 30**

Афганистан и его уроки. Текст статьи, подготовленной М.С. Горбачевым к 10-летию вывода советских войск из Афганистана (1999 г.). **стр. 32**

Андрей РЯБОВ. **Катастрофический провал.** Последствия афганской авантюры для интересов СССР на международной арене. **стр. 34**

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ. **Не критично, но очень больно.** Как отреагировали на войну в Афганистане советская экономика и общество. **стр. 40**

Ольга ТИМОФЕЕВА. **В основе Афганской войны была ложь. А на лжи бескорыстного братства не построить.** Беседа с писателем Алексеем Ивановым. **стр. 46**

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Алексей ЛЕВИНСОН. **Путинские сигналы.** Почему российское общество так охотно и массово на них откликается. **стр. 50**

Татьяна БРИЦКАЯ. **Prigozhin Story.** Как продавец сосисок с уголовным прошлым стал опричником, которому прощается даже мятеж. Сценарная разработка для Тарантино. **стр. 56**

Павел ГУТИОНТОВ. **Шпионские мосты.** Краткая история обменов: агенты, диссиденты, хулиганы, будущие министры и даже баскетболистка. Пополнение «обменного фонда» продолжается. **стр. 60**

РИФМЫ: рубрика Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО. **Перестройка: веерное отключение.** **стр. 68**

О ЧЕМ ДУМАЮТ В РОССИИ: Социологическая рубрика. **Кому доверять, а кому — нет?** **стр. 72**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Андрей КОРТУНОВ. **Деглобализация отменяется.** Мир, несмотря на пандемию, конфликты и идеологические спекуляции, как был, так и остается глобальным. **стр. 74**

Андрей КОЛЕСНИКОВ (признан в РФ «ино-агентом»). **Нужны инвестиции в российский**

К читателю

Вы открыли первый номер журнала «Горби». Что значит для нас «журнал нового мышления»? О чем он? Для кого? И зачем?

Время Горбачева — это прекращение холодной войны и сведение на нет ядерной угрозы. Это преодоление чреватого конфликтами раскола мира. Это попытка перехода от соперничества к сотрудничеству. Это построение общеевропейского дома. Это, наконец, выход нашей страны из кровавой войны в Афганистане. Роль самого Горбачева — Горби, как почти семейному его называли повсюду, — в этом менеджменте мира ключевая. А опыт этот бесценен.

«Горби» — это не журнал глорификации Горбачева. Он про другое.

В нынешней действительности запрос на успешный менеджмент мира и ненасилия невероятно высок. И наверняка будет расти и дальше. Горбачевское «новое мышление» обретает сегодня все большую значимость. Как отчаянный призыв к отходу от все более опасных для человечества архаических воззрений и «геополитических» конструкций, практическое воплощение которых уже принесло массу жертв и разрушений и чреват катастрофой планетарного масштаба. И, конечно, к прекращению насилия и политики репрессий внутри страны.

Мы хотим, чтобы в этом журнале были истории и сюжеты гуманистиче-

ских попыток избавить мир от всякого рода насилия. И чтобы они сочетались с пристальным взглядом на современность и будущее.

Важная цель журнала — демифологизация истории, действительности и, по возможности, будущего. Он должен противостоять нарастающему идейному и политическому мракобесию во всех его формах. Противостоять наукообразной сервильности, оправдывающей любые действия власти. Противостоять попыткам навязать единственный «правильный» подход к оценке истории, современной действительности и перспектив развития.

Для кого этот журнал? Мы решили, что в первую очередь, видимо, для учителей и преподавателей, которых все решительнее загоняют в рамки «дозволенного». В условиях прогрессирующих ограничений всех видов свободы, в том числе интеллектуальной, нужна площадка для пополнения воздуха в легких теми, кто в этом нуждается и не желает участвовать в навязанных сверху коллективных ритуалах.

Есть и еще один важный мотив создания нового проекта. Нам — его редакторам и авторам, тем, кто его придумал и начал над ним работать, — просто очень интересна эта затея.

С уважением,
Андрей ЛИПСКИЙ,
главный редактор «Горби»

народ, а не в государство. Беседа с профессором Стивеном Коткиным. **стр. 78**

Кирилл ФОКИН. **Новый миф о Горбачеве.** Имя Горбачева — символ. Скажи мне, как человек относится к Горбачеву, и я скажу тебе — кто он. **стр. 84**

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Лариса МАЛЮКОВА. **Дом для книг, который построил Федорченко.** Рассказ об уникальной коллекции книг и артефактов жертв сталинских репрессий, которую собирает известный кинорежиссер-документалист. **стр. 88**

Евгений БУНИМОВИЧ. **Поэзия — это власть? Случай в ДК «Дукат».** Рассказ о деятельности клуба «Поэзия», существовавшего с середины 80-х до середины 90-х годов. **стр. 96**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Никита КОНДРАТЬЕВ. **Что читать во времена несвободы.** Обзор произведений о жизни во время и после войн и диктаторских режимов. **стр. 100**

Никита КОНДРАТЬЕВ. **Немцы убеждали себя: кроме войны, выхода нет.** Автор мирового бестселлера «Мобилизованная нация» Николас СТАРГАРДТ — в интервью для «Горби». **стр. 102**

МЕНЕДЖМЕНТ МИРА

КАК ПРИ БРЕЖНЕВЕ
ВВОДИЛИ СОВЕТСКИЕ
ВОЙСКА В АФГАНИСТАН
И КАК ГОРБАЧЕВ ИХ ОТТУДА
ВЫВОДИЛ: ДОКУМЕНТЫ,
СВИДЕТЕЛЬСТВА
И ОЦЕНКИ

«Афганский триллер»

*Документальная повесть
очевидца и участника событий.
Публикуется впервые*

Reuters

Владимир

Снегирев,

кандидат исторических наук

Став в марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС, а фактически — полновластным руководителем огромной страны под названием СССР, Михаил Горбачев получил в наследство от своих предшественников кучу самых разных проблем.

И одной из тех, с которой предстояло разбираться незамедлительно, было советское военное присутствие в Афганистане, противостояние нашего более чем стотысячного контингента с местными партизанами и поддерживавшими их иностранными спонсорами.

К тому времени всем стало окончательно ясно, что мы угодили в смертельно опасный капкан, что победить в этой войне невозможно, а потери в ней — репутационные, человеческие, экономические и прочие — серьезно подрывают мощь государства, негативно сказываются на многих сторонах советской жизни.

Но прежде чем рассказать, как принималось решение о выводе из Афгана «ограниченного

контингента» и как оно осуществлялось на деле, есть смысл вернуться к тем событиям, которые стали поводом к нашему военному вторжению в соседнее государство.

Хочу сразу предупредить: все изложенное ниже — это плод моих многолетних изучений архивных и иных источников, встреч и бесед с непосредственными участниками тех далеких событий, а также личных наблюдений, сделанных за Амударьей и в высоких московских кабинетах.

1

«Интернациональная
ПОМОЩЬ»

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

Ловушка-79

Итак, 25 декабря 1979 года, в 15.00 по московскому времени части спешно сформированной 40-й армии сразу с двух направлений пересекли афгано-советскую границу и вторглись на территорию сопредельного государства. Началась крупная военная операция, цель которой до конца не была известна никому — ни членам Политбюро, принявшего о ней совсекретное постановление, ни маршалам в Минобороны, которым приказ пришлось выполнять, ни руководителям Афганистана, по чьим настоятельным просьбам войска перешли понтонный мост через Амударью и наступали по шоссе в районе Кушки.

Престарелые советские вожди были настолько не уверены в разумности задуманной акции, что свое решение оформили лишь в одном экземпляре, написанном от руки лично К.У. Черненко, стыдливо назвав этот уникальный документ «К положению в «А», а предстоящее вторжение замаскировав казенным словом «мероприятие». Кажется, это единственный случай такого рода за всю историю цековского делопроизводства.

В возглавляемом Д.Ф. Устиновым МО сразу несколько крупных военачальников (тоже небывалый случай в летописи военного ведомства) открыто выступили против силовой акции, за что поплатились своими креслами, а те, кто промолчал тогда, не жалели бранных слов в адрес инициаторов впоследствии.

Что же касается наших афганских «друзей», то тут и вовсе произошел полный конфуз, потому что их, моливших Кремль об оказании военной поддержки, воины-интернационалисты и наказали первым делом, едва войдя в Кабул. Глава государства Хафизулла Амин был убит 27 декабря в ходе штурма его резиденции силами спецподразделений КГБ, ГРУ и ВДВ, а

Хафизулла Амин

Мохаммад Дауд

людей из его окружения на долгие годы упрятали в тюрьму.

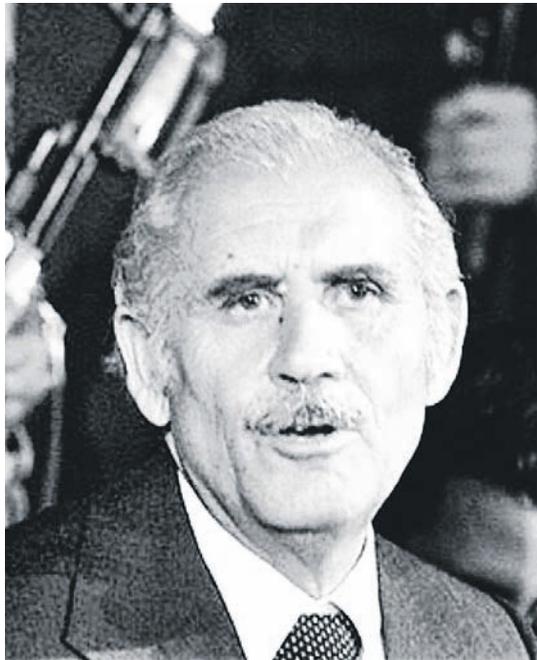
Реакция Запада оказалась предсказуемой: практически все страны дружно выразили свое категорическое неприятие «оккупации Афганистана». Более того, «интернациональную миссию» осудили руководители компартий многих государств, афганская тема на годы стала едва ли не главным козырем так называемых «еврокоммунистов».

Наряду с обширным пакетом введенных против СССР экономических санкций уже к середине 80-х годов только по линии ЦРУ на поддержку моджахедов ежегодно выделялось почти полтора миллиарда долларов. Еще примерно столько же давали Саудовская Аравия и

другие страны, включая Китай. При этом надо заметить, что доллар в те годы был гораздо весомее, чем сейчас. То есть фактически Советский Союз был вынужден воевать со всем остальным миром.

Заложники догм?

Истоки этой истории надо отслеживать с конца апреля 1978 года, когда левачи из Народно-демократической партии Афганистана (в основном обучавшиеся в СССР офицеры) совершили в Кабуле военный переворот. Причем нет никаких свидетельств того, что за

Из архива

Нур Мохаммад Тараки

Владимир ВЯТКИН / РИА Новости

Бабрак Кармаль

любили на эту тему пошутить: «Мы прикуриваем американские сигареты советскими спичками».

Афганистан тех лет был вполне светским государством, а разного рода религиозные фанатики там преследовались.

Советский Союз активно помогал экономически осваивать северные провинции, осуществлял целый ряд крупных инфраструктурных проектов в Кабуле, направил своих специалистов-ирригаторов для создания большого агрокомплекса в Нангархаре. Американцы построили аэропорт в Кандагаре. Западные немцы прилично вложились в развитие Хоста. По стране свободно перемещались толпы длинноволосых хиппи, а также охочих до экзотики и легких наркотиков богатых западных туристов.

Дауд был вынужден считаться с тем, что слева его атакуют социалисты, а справа за его действиями бдительно следят религиозные фанатики, фундаменталисты, боевые учебные центры которых уже тогда действовали на территории соседнего Пакистана.

И вот этот неожиданный путч, который затем назовут «саурской» или «апрельской» революцией. Спусковым крючком для него стала цепь событий, в ходе которых партийцы вывели своих сторонников на уличные демонстрации, кто-то был убит, кто-то арестован полицией — а раз так, то око за око; ушедшие в подполье леваки, опасаясь полного разгрома НДПА, принимают решение захватить власть. И в последние дни апреля 1978 года с невероятной легкостью это делают.

Глава государства, члены его семьи, министры и приближенные беспощадно уничтожаются восставшими. Сторонников Дауда из числа военных и гвардейцев также ставят к стенке, всего за те несколько апрельских дней жертвами революционеров стали более полутора тысяч человек.

А что же Москва? Оправившись от первого шока, наши руководители вынуждены признать новую кабульскую власть, которая вскоре обещает построить свой социализм. В столицу Афганистана одна за другой едут наши делегации — партийные, правительственные, по линии КГБ, Минобороны, общественных и иных организаций. Сначала с целью прощупать настроение революционеров, но уже вскоре — с желанием оказать всестороннюю помощь братской партии в строительстве новой жизни.

Возглавивший Афганистан глава НДПА писатель Нур Мохаммад Тараки, его правая рука Бабрак Кармаль и третий человек во власти Хафизулла Амин все те первые недели пребывают в состоянии эйфории. Их амбиции подогреваются советскими товарищами, поток которых ширится и растет. В Афганистан едут партийные и комсомольские советники — с тем, чтобы НДПА и молодежная организация были выстроены по лекалам КПСС и ВЛКСМ, едут генералы и армейские политработники — с тем, чтобы здешние ВС тоже походили на наши славные вооруженные силы, едут офицеры разведки и контрразведки — создавать подобие КГБ, едут крупные журналисты — помогать в организации подлинно революци-

онных СМИ. Я, грешным делом, и сам в первой длинной командировке в Афганистан выполнял функции советника по делам молодежной печати, курировал аналог афганской «Комсомолки».

Бей своих, чтобы чужие боялись

Но недаром говорят, что благи намерениями бывает вымощена дорога в ад. Мохаммад Тараки со товарищи так рьяно начал объявленные реформы, что моментально восстановил против новой власти значительную часть населения — религиозное духовенство, племенных авторитетов, землевладельцев, либерально настроенную интеллигенцию. Да и крестьянам — а они есть основа афганского общества — были абсолютно чужды и непонятны лозунги революционеров. Зато ситуацией немедля воспользовались разного рода исламские партии, в основном фундаменталистского толка, которые еще до «апрельской революции» начали свою борьбу за крестьянские умы.

В разных концах страны стали возникать очаги вооруженного сопротивления «коммунистам» и «безбожникам». В Панджшере набирал силу Ахмад Шах Масуд, который в скором времени станет главным врагом Кабула, а затем и «ограниченного контингента» советских войск. На юге, в зоне племен, черной тучей набухали отряды крайне жесткого радикала Гульбедин Хекматияра, к началу 1979 года исламские партизаны были замечены во всех двадцати девяти провинциях, причем их действия постепенно приобретали характер скоординированной войны против кабульского режима.

Кстати, некоторые серьезные эксперты не без оснований полагают, что апрельская революция опередила готовившийся мятеж фундаменталистов, то есть Дауд в любом случае был обречен. Но пока — а мы говорим о 1978–1979 гг. — дворец Арг в центре Кабула осваивал Тараки, произносивший пламенные речи о диктатуре пролетариата по советскому образцу и обещавший за пять лет сделать в Афганистане то, что «шурави» сделали за шестьдесят. Всех, кто посмеет не согласиться с реформами, «диктатура пролетариата» сметет со своего пути, уничтожит.

Еще одна важная особенность того периода: Афганистан потихоньку прибирали к своим рукам чекисты. Летом 1978 года там было создано представительство КГБ СССР во главе с Л.П. Богдановым, должность главы представительства вскоре стала генеральской, а ряды лубянских офицеров множились с необыкновенной быстротой.

этой акцией стояла Москва. И для Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР, и для военной разведки (ГРУ), и для ЦК КПСС все случившееся в Кабуле стало полной неожиданностью. Об этом мне говорили многие ветераны советских спецслужб, чья работа была связана с Афганистаном.

Да, Советы поддерживали этих леваков, практически «коммунистов», как поддерживали такую же публику по всему остальному миру: переправляли им через офицеров ПГУ деньги, приглашали их лидеров на консультации и лечение в СССР, но и афганский президент Мохаммад Дауд тоже вполне устраивал кремлевских старцев. Вел он себя осмотрительно, умело балансировал между двумя мирами, тогда в Кабуле

Продолжение материала
Владимира **Снегирева**

2

августа в Кабул впервые прибыл «товарищ Владимир» — под такой фамилией станет навещать братьев-революционеров начальник разведки

В.А. Крючков. Вместе с ним прилетел и самый молодой генерал Первого главного управления Олег Калугин, который вскоре попадет в опалу, а затем и вовсе будет объявлен предателем, заочно осужден, в середине 90-х сбежит в Штаты. Но тогда шеф разведки еще поручал Калугину самые деликатные дела, пил с ним виски и брал с собой вот в такие вояжи.

Осенью очередной московский визитер, коим оказался кандидат в члены Политбюро Б.Н. Пономарев, прочел афганскому руководителю Н.М. Тараки целую лекцию о важности сохранения единства партии, опасности фракционных расколов, просил его не злоупотреблять репрессивными мерами, особенно в отношении товарищей по партии. Это было неспроста: к тому времени ко всяким внешним неприятностям добавились внутрипартийные распри между «халькистами» (их лидеры — Тараки и Амин) и «парчамистами» (там главным был Кармаль)*. Противостояние становилось таким острым, что отправленные посланцами «парчамисты» вскоре стали один за другим отзываться домой, где их ждала тюрьма. Бабрак Кармаль, получивший назначение в Прагу, возвращаться отказался, скрылся до поры от аминовских киллеров в лесах Западной Чехии.

Факт — что всякая революция почти обязательно пожирает своих детей. Апрельский переворот в этом смысле был прямо-таки классическим. Сначала афганские революционеры беспощадно расправились со всеми видными сторонниками прежнего режима, затем взялись за оппозицию в собственных рядах. Почувствовав вкус к массовым репрессиям, опьяненные запахом крови и собственной безнаказанностью, новые хозяева страны стали пускать в расход всех, кто хоть в малой степени внушал подозрение. И даже тех, кто не внушал, а просто попал под горячую руку.

Афганские руководители разного уровня словно соревновались друг с другом: кто больше истребит собственных граждан.

Мятеж в Герате

Менее чем за год Афганистан всецело стал зависимым от Советского Союза. В декабре 78-го

*«Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя») — соперничающие фракции внутри НДПА.

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

Георгий НАДЕЖДИН / Фотохроника ТАСС

Мятежники в Герате

Москву с государственным визитом навестили Тараки и его ближайший сподвижник Амин. Главу ДРА с почестями принимал генеральный секретарь Л.И. Брежнев, а второй по важности афганец беседовал с председателем советского правительства А.Н. Косыгиным.

Общее число советских специалистов в ДРА к весне 79-го перевалило за две тысячи. Они помогали афганцам выращивать цитрусовые и оливки на построенных Советским Союзом агрокомплексах под Джелалабадом. Преподавали в Кабульском политехническом институте и авторемонтном техникуме. Участвовали в освоении газовых месторождений на севере страны. Налаживали производство минеральных удобрений в Мазари-Шарифе. Работали врачами, преподавателями, советниками в госучреждениях и партийных органах.

Больше всего советников было в вооруженных силах Афганистана: советские генералы, полков-

ники и майоры стояли за спиной каждого афганского генерала, полковника и майора. Наши военные находились во всех воинских частях, штабах, училищах, академиях. Были они и в 17-й пехотной дивизии, дислоцированной на западе страны в Герате. Именно там в марте 1979 года вспыхнул вооруженный мятеж против кабульской власти, и это событие можно считать тем первым камнем, который затем вызвал грандиозный обвал.

В ходе боестолкновений и сопутствующих им беспорядков были убиты советские специалисты — небывалый случай для Афганистана того времени, где издавна считалось, что «шурави» — это лучшие друзья, им ничто и нигде не грозит. И вдруг — чудовищные, средневековые расправы.

15 марта Герат оказался в руках восставших. Это вызвало панику по всей стране. Не станет ли мятеж сигналом для других к началу мощного вооруженного выступления? Тараки в смятении обратился к главному военному советнику гене-

рал-лейтенанту Л.Н. Горелову: нам срочно нужна помощь, пришлите своих десантников.

Конечно, генерал немедля транслировал это обращение «наверх». Москва тоже пришла в сильное возбуждение. Министр обороны Устинов приказал Горелову «поднимать и вооружать рабочий класс». Советник пытался возражать, мол, в Афганистане нет никакого рабочего класса, однако министр так рывкнул на Льва Николаевича, что тот поспешил закончить разговор, а вместо рабочего класса поднял в небо бомбардировщики Ил-28, направив их на Герат.

Несколько дней подряд, включая субботу и воскресенье, — неслыханное дело для мирного времени — члены советского Политбюро собирались, чтобы решить возникшую проблему. Рассекреченные записи тех заседаний показывают, как велико было напряжение.

Именно тогда из уст министра обороны впервые прозвучали слова о готовности направить «за речку» десантную дивизию и мотострелковый полк. Хотя, оговорился при этом Устинов, сначала потребуется принять политическое решение. Кандидат в члены Политбюро Пономарев хоть и в витиеватой форме, но тоже высказался за ввод войск. Премьер Косыгин предложил значительно увеличить афганским друзьям объемы экономической и военной помощи, однако от силовых методов воздержаться.

19 марта, на следующем заседании ПБ, было принято решение пригласить в Москву главу Афганистана Н.М. Тараки с тем, чтобы из первых уст услышать правду о ситуации в соседней стране. Кстати, теперь тон выступавших значительно смягчился. Председатель КГБ Ю.В. Андропов говорил, что «недопустимо удержать революцию в Афганистане только с помощью советских штыков». Министр иностранных дел А.А. Громыко соглашался: «Наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором». Даже Д.Ф. Устинов пошел на попятную: «Я так же, как и другие товарищи, не поддерживаю идею ввода войск в Афганистан». Итог обсуждению в тот день подвел Л.И. Брежнев: «Нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну».

Прибывшего в столицу Тараки приняли вначале Косыгин, а затем Брежнев — оба пообещали оказывать всестороннюю поддержку дружественному режиму, однако на все просьбы гостя о вводе войск из уст советских руководителей следовало решительное «нет».

Это, напомню, происходило в марте 1979 года, то есть ровно за девять месяцев до рокового декабря.

Сигнал тревоги от Брежнева

Москва все глубже втягивалась в водоворот, порожденный апрельской революцией.

Валентин КУЗЬМИН, Владимир МУСАЭЛПЬЯН / ТАСС

Брежнев и Тараки

В ЦК КПСС не проходило недели, чтобы афганские дела не рассматривались на заседаниях Политбюро или секретариата.

Андропов направил в Кабул своего личного представителя, первого заместителя начальника внешней разведки генерала Б.С. Иванова.

В мае в узбекский город Чирчик с секретной миссией прибывают старшие офицеры ГРУ Василий Колесник и Олег Швец. Им приказано на базе 15-й бригады спецназа ГРУ сформировать отдельный отряд специального назначения численностью 538 человек — тот самый «мусульманский батальон», которому надлежит сыграть важную роль в событиях декабря 1979 года.

Обстановка внутри Афганистана накалялась. Во-первых, с каждым днем на всех этажах власти обострялись разногласия между «халькистами» и «парчамистами», революционеры вместо того, чтобы заниматься решением текущих проблем, сцепились между собой. Во-вторых, свою собственную игру затеял Хафизулла Амин, явно метивший стать первым лицом, а фактически — диктатором. И, в-третьих, набирала силу вооруженная оппозиция в лице исламских партий и движений. Следом за гератским мятежом вспыхивали волнения в других регионах страны и даже в частях кабульского гарнизона.

В сентябре Тараки на пути из Гаваны сделал кратковременную остановку в Москве, где встретился с Брежневым. Леонид Ильич, заранее подготовленный к трудной беседе, прочел по бумажке целый ряд наставлений, смысл которых сводился к тому, что афганским товарищам надо соблюдать принципы коллективного руководства, прекратить необоснованные

репрессии в отношении соратников по партии. Далее генсек прозрачно намекнул гостю, что тому следует опасаться нежелательной конкуренции со стороны Амина (правда, эта фамилия не называлась), но сигнал был понятен: не играй с огнем, убери этого человека с глаз долой.

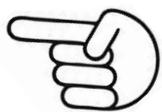
На сцене новый герой

Развязка наступила в середине сентября: председатель революционного совета товарищ Тараки был арестован, а затем убит по приказу премьер-министра товарища Амина. На состоявшемся тут же пленуме ЦК товарища Тараки предали анафеме, а товарища Амина избрали главой партии и государства.

Наши посольские работники, а также скопившиеся «за речкой» в изрядном количестве разведчики, военные, партсоветники опять чесали затылки: всем было ясно, что произошла явная гадость, что так дела не делаются, но... Но уже на следующее утро им пришлось выстраивать отношения с новым афганским руководителем. Ведь он немедля поклялся в верности Москве, объяснил инцидент борьбой с предателями внутри партии и пообещал еще активнее строить социализм.

Продолжение материала
Владимира Снегирева

Однако руководители КГБ на всякий случай отправили «за речку» офицеров спецназа, т.н. группу «Зенит», которой вначале поручили исполнять рутинные функции по охране совпосольства, но на будущее имели в виду другие, куда более секретные и рискованные операции. Именно они, «зенитовцы», тайно эвакуировали в СССР противников Амина из числа министров его правительства — иначе тех ждала бы неминуемая гибель. Именно им впоследствии пришлось прикрывать тайно перебросенных в Афганистан видных «парчамистов», включая Бабрака Кармаля, на которых Москва решила сделать ставку.

Чуть раньше на авиабазе Баграм в полусотне километров к северу от столицы был размещен советский десантный батальон — тоже под предлогом охраны аэродрома.

Да, начиная с конца сентября 1979 года отношение к Афганистану со стороны советских вождей стало кардинально меняться.

Брежнев сильно обиделся на Амина, который уничтожил человека, с которым Леонид Ильич еще вчера в засос целовался. Когда генеральному секретарю ЦК КПСС доложили, что новый афганский руководитель вышел с просьбой принять его в Москве, Брежнев развел руками: «Это что же? Мне теперь придется обнимать этого злодея?»

Сотрудникам разведки было дано указание «разрабатывать» Амина на предмет его связи с Западом, тут вспомнили, что в молодости Хафизулла учился в одном из американских университетов, что он, несмотря на левацкую риторику, не чужд земных радостей. Стали наспех лепить из него «агента ЦРУ».

Правда, возникло неожиданное препятствие в лице высокопоставленных военных. И главный советник от Минобороны генерал Горелов, и главный советник от Главпура генерал Заплатин, вызванные «на ковер» в Москву, высоко отозвались о деловых качествах нового афганского вождя, хотя и не стали отрицать проявляемую им жестокость по отношению к политическим оппонентам.

Ставки в игре растут

Воспользовавшись сменой власти в Кабуле и естественной для такого рода неразберихой, отряды вооруженной оппозиции значительно расширили зоны своего контроля над страной. В некоторых провинциях на юге и севере ДРА они удерживали до девяноста процентов тер-

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

ритории. Да и провинциальные центры находились лишь под относительным контролем Кабула: с наступлением сумерек здесь повсюду хозяйничали партизаны.

В те дни наметился явный водораздел между позициями наших военных и чекистов. Первые испытывали симпатии к Амину, считали, что ВС ДРА в состоянии справиться с возникающими проблемами. Вторые на Амине уже поставили крест, а наше военное вторжение считали неизбежным.

Резидентура КГБ неоднократно информировала Центр об усилении репрессий. В одной из телеграмм резидент Осадчий сообщал о том, что, по сведениям, полученным от заслуживающего доверия источника, Амин дал указание готовить акцию по физическому уничтожению трех сотен политзаключенных, среди которых многие видные деятели НДПА, как «парчамисты», так и «халькисты».

Между афганским руководителем и нашими спецслужбами развернулась крупная игра. Советская разведка со всех сторон обложила Амина, отслеживая каждый его шаг, но и он предпринимал часто небезуспешные попытки контролировать «друзей», используя для этого возможности созданной при помощи КГБ своей службы безопасности. Подслушивающая аппаратура была установлена во многих местах, где присутствовали «шурави». Даже в плинтусе гостевого дома, предназначенного для проживания самых высокопоставленных визитеров из СССР.

Кроме того, по личному приказу Амина при КАМ (аналог афганского КГБ) была создана специальная оперативная группа из особо преданных сотрудников, которые ежедневно разъезжались по тем объектам, где находились советские специалисты, и через свою агентуру производили опросы: кто чем занимался, кто о чем говорил? Сводка с этими данными каждый вечер ложилась на стол Амину.

Но и «советские друзья» не сидели без дела. К сбору информации были привлечены не толь-

ко сотрудники резидентуры и шестьдесят офицеров представительства, но и многие зенитовцы, а также вся агентурная сеть, сотни военных советников и специалистов.

Отмежевавшись по многим линиям от своего предшественника, немедленно предав его забвению (имя Тараки не упоминалось нигде), Амин тем не менее продолжал, как и прежде, обращаться с просьбами к Москве о вводе советских войск. То он просил батальон для его личной охраны, то усиленный полк для противодействия мятежникам на севере Афганистана. Ответы на эти просьбы облекались в разные формы, но их суть всегда оставалась неизменной: прислать войска не представляется возможным, обходиться своими силами.

Москва явно не доверяла ему теперь так, как доверяла прежде предшественнику. Игра продолжалась.

Развязка близится

Леонид Ильич Брежнев той осенью чувствовал себя неважно. Врачи рекомендовали ему избегать нагрузок, больше отдыхать и ни в коем случае не волноваться. Окружение старалось оберегать генсека от плохих новостей, домашние тоже особо ему не докучали. И вот — на тебе, эта неприятная история с Амином. Поскольку речь шла о первом лице, о руководителе дружественного нам государства, то утаить эту историю от Леонида Ильича было никак невозможно. Пришлось Брежневу информировать по полной, а ему, больному и немощному, пришлось вникать. И чем больше он вникал, тем сильнее портилось настроение у Леонида Ильича.

— Юра, — с упреком обращался он к Андропову, — ты же обещал, что ни один волос не упадет с головы товарища Тараки. Что твои люди надежно контролируют положение. Ты мне можешь объяснить, отчего так произошло?

— Недоценили мы этого Амина, Леонид Ильич, — виновато оправдывался председатель КГБ. — Ох и коварный оказался! Переиграл нас. В глаза нашим товарищам говорил одно, а за спиной тихонько готовил свое черное дело.

— Да, заварилась каша в этом Афганистане, будь он трижды неладен, — ворчал Брежнев. — Давайте решать, как будем действовать. Я так понимаю, Юра, что твое ведомство не очень доверяет этому Амину?

— Да, у нас естьстораживающая информация, — поворошил на столе свои бумаги Андропов. — Я уже докладывал вам прежде о том, что за Амином водится много разных грешков.

— Надо взять паузу. Посмотреть на реальные шаги этого Амина. Заставить его вернуться к ленинским нормам партийного руководства.

— А это реально — заставить Амина отказаться от диктаторских замашек, повернуть его лицом к внутривнутрипартийной оппозиции? — обратился Брежнев к соратникам.

— Это нереально, — сказал Андропов. — Там у них все зашло слишком далеко. Возможно, Амин на словах и согласится с нашими советами, но на деле поступит ровно наоборот. Как вы знаете, лидеры оппозиции, которые находятся в эмиграции, в частности, в странах Европы, выражают готовность сообща выступить против

— То есть ты, Юра, хочешь сказать, что здоровые силы в партии смогут сами решить возникшую проблему?

— Могут, Леонид Ильич. Если им помочь.

— Так это же очень хорошо, — обрадовался Брежнев тому, что выход, оказывается, есть. — Давайте активнее действовать в этом направлении.

Поскольку судьба Амина уже была решена, то теперь требовалось подыскать на его место другого вождя. Советская разведка остановилась на кандидатуре Бабрака Кармаля. Его разыскали в Чехословакии, провели с ним соответствующие беседы, привезли в Москву, где на одной из конспиративных дач КГБ в начале ноября собрали всех будущих руководителей Афганистана.

Интригам Амина Кремль решил противопоставить свой собственный заговор, организованный по всем правилам чекистской конспирации.

Собранные по миру опальные афганцы, поняв откуда и куда дует ветер, без всяких возражений согласились с кандидатурой Кармаля, быстренько распределили между собой министерские портфели и стали готовиться к переброске в Кабул.

Приступить к ликвидации

Из Центра в кабульскую резидентуру поступило указание: быть готовыми к самым решительным действиям. Там стали думать, как подобраться вплотную к Амину на предмет его возможного устранения. Или нейтрализации. Начиная с сентября 79-го года рассматривался с десятком вариантов его устранения, однако по разным причинам ни один из них не был доведен до конца.

Находившиеся в Кабуле офицеры спецподразделения «Зенит» получили шифровку с предложением разработать план похищения главы государства и его доставки, живым или мертвым, на территорию СССР. Не получилось.

В Афганистан направили специально подготовленных снайперов, и они уже присмотрели удобные позиции, пристреляли свои винтовки, но в последний момент поступил сигнал «отбой».

Василий ЕГОРОВ / Фотохроника ТАСС

Косыгин и Амин

Есть сигналы о его возможных связях с американскими спецслужбами — мы сейчас их активно проверяем. Не исключено, что Амин вынашивает планы переметнуться к противнику, предать нас.

— Он же не один уйдет к врагу, — вставил Устинов. — Афганистан за собой утащит, вот в чем проблема.

— Для нас это будет большая беда, — согласился с ним Громыко. — Потерять Афганистан мы не можем.

— Да слышали мы это уже, Андрей, слышали, — нетерпеливо произнес Брежнев. — Ясно, что мы не можем потерять Афганистан. Это не в наших национальных интересах. Но что ты конкретно предлагаешь?

существующего режима, вернуть партию и страну к нормам демократии и закона. Мы работаем в этом направлении.

— А что означает — «выступить против режима»? — заинтересовался Брежнев. — Они же в Европе. Как ты себе это представляешь?

— Ну, Леонид Ильич... — глава КГБ явно не хотел загружать генерального секретаря рутинными подробностями подготовки государственного переворота. — Они и в эмиграции поддерживают тесные связи со своими соратниками, которые находятся в Афганистане. Когда там ситуация созреет, мы поможем им оперативно перебраться в Кабул. Окажем и другую поддержку, если потребуется.

Продолжение материала
Владимира Снегирева

Предлагалось использовать мины замедленного действия, замаскировать их под дамские сумочки и тайно пронести в резиденцию главы государства. Начальник разведки Крючков на одном из совещаний говорил, что можно было бы расстрелять кортеж главы государства из гранатометов.

Направленный в Кабул зам Крюčkова генерал-лейтенант Иванов вышел с предложением самому подойти вплотную к Амину и взорвать его и себя гранатой (!!!).

На декабрь был намечен перенос резиденции главы государства из центра на окраину Кабула, туда, где заканчивался проспект Дар-уль-Аман. Там, в отдалении от городских построек, на высоком холме возвышался величественный дворец, почти замок, прежде использовавшийся как штаб Кабульского гарнизона. Сразу после революции с помощью немецких специалистов его начали капитально ремонтировать, оснащать всем необходимым для жизни и работы главы государства. Средств не жалели: дворец был щедро отделан гранитом, мрамором и ониксом, его покои освещались прекрасными хрустальными люстрами, полы были сделаны из наборного паркета.

В конце ноября глава представительства КГБ Богданов встретился с командиром, гвардии майором Джандадом.

— Товарищ Джандад, — обратился к нему через переводчика Богданов. — Мы бы хотели осмотреть будущую резиденцию главы государства. Все ли учтено с точки зрения безопасности? Наше руководство в Москве выражает обеспокоенность, особенно в связи с активизацией действий мятежников и террористов. Нас с вами не простят, если с товарищем Амином что-то случится.

— Конечно, конечно, — угодливо засуетился майор. — Я сам хотел вам это предложить. Готов сопровождать вас в любое удобное для вас время.

На следующий день Иванов, Богданов и еще несколько офицеров представительства в сопровождении Джандада отправились на «экскурсию» и самым подробным образом осмотрели всю будущую резиденцию афганского диктатора — от подвалов до личных покоев Амина, с его спальнями, ванными и барами. Все это было в тот же день подробно описано, составлены поэтажные планы, а записи до поры легли в сейф.

Руководство Центра, узнав из шифровки о проведенной акции, выразило сдержанную похвалу и рекомендовало продолжать работу по поискам подходов вплотную к «известному вам лицу».

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

И тут Богданову улыбнулась удача.

Когда он работал резидентом в Иране, к ним был направлен на стажировку из Управления «С» будущий разведчик-нелегал Михаил Т. Закончив свою миссию, стажер выразил желание по традиции отметить отъезд на родину прощальным ужином. Ясно дело, любой ресторан при этом исключался. Но будущий нелегал, как выяснилось, по своей первой профессии был поваром, поэтому он предложил накрыть стол на квартире у своего куратора — офицера резидентуры. Все хлопоты по приготовлению закуски стажер брал на себя. Вечер удался. Парень проявил чудеса кулинарного искусства, в особенности по части блюд азербайджанской кухни. С тех пор Богданов ничего не знал о его судьбе.

И вот — неожиданная встреча. «Повар» оказался в числе направленных в Кабул «зенитовцев».

План в голове Богданова созрел молниеносно. Леонид Павлович немедля направил в Центр свои предложения: настоящего повара, который готовился выехать из Москвы для обслуживания Амина и его семьи, тормознуть, а вместо него оформить «зенитовца» Михаила Т.

Через несколько дней женщина-диетолог, случайно встретив Богданова в посольстве, радостно сообщила ему:

— А у нас прибавление. Помните, я вам говорила, что повара ждем. Так вот, он приехал. Дали ему квартиру в микрорайоне, сейчас помогаем обустроиться. Специалист вроде хороший, правда, робкий какой-то, на улице не решается выходить.

Уже на следующий день Богданов сумел установить надежную связь с личным «поваром» Амина, и тот стал передавать нужную информацию, которая касалась распорядка дня афганского руководителя, его рациона, расположения комнат в его резиденции, приходящих к нему гостей... Но до поры никаких других поручений «повару» не давали. Его час еще не пришел.

Демарш Огаркова

Члены высшего советского руководства тем временем продолжали активно обсуждать сложившуюся ситуацию. Исходной посылкой была следующая: в условиях жесткого противостояния с Западом мы ни в коем случае не должны потерять Афганистан. Результаты многочисленных дискуссий нашли отражение в протоколе заседания Политбюро от 31 октября 1979 года. Там давалась жесткая оценка действиям нового афганского руководителя, подчеркивались двуличие и неискренность Амина по отношению к СССР.

Документ Политбюро, по сути, был почти смертным приговором диктатору.

Начался заключительный акт трагедии под названием «Первый этап апрельской революции в Афганистане».

8 декабря начальника Генштаба Н.В. Огаркова пригласили на заседание комиссии Политбюро по Афганистану. Начальник ГШ вновь изложил свои доводы, их суть сводилась к тому, что нам ни в коем случае нельзя вторгаться в соседнюю страну — это грозит тяжелейшими последствиями. Судьба Амина на этом заседании не обсуждалась, все крутилось вокруг того, что будет, если мы потеряем Афганистан. Появятся ли там американские «Першинги»? Как эта потеря отразится на ситуации в наших среднеазиатских республиках? Что предпримут Пакистан и Иран? Отпустив Огаркова, члены Политбюро приняли решение: силами КГБ в Кабуле устранить Амина и привести к власти «здоровые силы в партии», а если это по каким-то причинам сделать будет нельзя, то привлечь к операции контингент советских войск.

— Ограниченный контингент, — уточнил молчавший почти все время Устинов. — Так его и назовем — «ограниченный контингент советских войск».

На следующий день Огарков вновь попытался убедить Устинова в нецелесообразности

ТАСС

Маршал Николай Огарков

Из архива

Дмитрий Устинов

Эдуард ПЕСОВ / Фотохроника ТАСС

Юрий Андропов

такой акции, но теперь министр обороны не стал церемониться, а грубо накричал на своего маршала:

— Не учите членов Политбюро! Выполняйте приказ!

— Но Генштаб не может остаться в стороне, когда принимаются такие важные для страны решения.

— Вы что себе позволяете? — грозно поднялся из-за стола министр. — Вы намерены саботировать решение высшего руководства страны, волю партии? Я давно замечаю, что за спиной министра обороны вы постоянно плетете какие-то интриги. Хватит! Выполняйте приказ! — он демонстративно повернулся спиной к Огаркову, давая понять, что разговор окончен.

Выйдя из кабинета министра, начальник ГШ позвонил председателю Совмина Косыгину и первому заместителю минис-

тра иностранных дел Корниенко — оба они разделяли позицию Огаркова.

— Ничего не выходит, — сокрушенно пожаловался маршал. — Устинов не желает меня слушать, стоит на своем.

Да, Устинов и Андропов оказались теми двумя главными лицами в советском руководстве, кто склонил чашу весов в сторону военного вторжения. В записке, направленной Л.И. Брежневу в начале декабря, председатель КГБ оценивал ситуацию в Афганистане как критическую. Там опять повторялся тезис о секретных контактах Амина с представителями исламской радикальной оппози-

ции и якобы тайных встречах с американскими представителями. Делалось предположение, что в афганских верхах зреет решение изменить одностороннюю ориентацию на СССР.

И министр обороны тоже к этому времени пришел к выводу, что силовой вариант в Афганистане с прямым участием наших войск неизбежен.

Устинов рассматривал Афганистан как возможность проверить свою армию в реальных боевых условиях, «подкачать мускулы».

Министр несколько не сомневался в том, что это будет короткий поход. За полгода управимся. Зайдем, решим поставленные задачи и выйдем, возможно, оставив на территории Афганистана две-три стационарные базы.

Николай Васильевич Огарков сделал еще одну отчаянную попытку убедить членов Политбюро воздержаться от ввода войск в Афганистан.

Очередное заседание ПБ вел сам Брежнев. Когда начальнику генштаба дали слово, он поймал взгляд Устинова, не предвещавший ничего хорошего. Министр словно предупреждал его: не играй с огнем, а то пожалеешь. Подавив понятное волнение, Николай Васильевич четко и аргументированно изложил свои доводы. В качестве компромиссного варианта он предложил ввести в Афганистан небольшие подразделения для охраны наиболее важных объектов. Проблему же надо решать политическим, а не военным путем.

— А кто вас уполномочил говорить здесь о политике? — прервал его Андропов. — Займитесь выполнением своих непосредственных задач. Политику оставьте нам.

— Но я — начальник Генерального штаба... — пытался возражать Огарков.

— И не более того, — Андропов был на удивление резок. — Вас пригласили не для того, чтобы выслушивать ваше мнение, а чтобы высказать вам решение Политбюро. Для его последующего исполнения. А Политбюро склоняется к другому мнению. И вы его знаете.

Хотя окончательное решение в этот день зафиксировано на бумаге не было. Просто договорились, что «на всякий случай» войска следует привести в готовность к вводу на территорию Афганистана.

10 декабря начальник ГШ предпринял последнюю отчаянную попытку переломить ситуацию. Он подготовил обстоятельный доклад, где были изложены основные моменты текущей ситуации в Афганистане и пути решения возникших проблем. В конце содержался жесткий вывод: появление советских войск на территории суверенного государства чревато тяжелыми политическими, экономическими, социальными и военными последствиями. Доклад, кроме начальника Генштаба, подписали Ахромеев и Варенников. Так, втроем, они и принесли этот документ Устинову.

Передавая доклад министру, Огарков предъявил свой последний козырь:

— А не думаете ли вы, Дмитрий Федорович, что американцы сознательно тягивают нас в большую войну? Чтобы обескровить и скомпрометировать СССР перед мировым сообществом? Есть у наших товарищей такое мнение, что спецслужбы США сфабриковали и умело подбросили «дезу» и насчет предательства Амина, и насчет своего возможного контроля над Афганистаном.

— Обратите внимание на то, как спокойно, я бы даже сказал, безразлично они реагируют на все наши военные приготовления, — добавил Варенников. — Вряд ли эти приготовления им неизвестны. Но — молчат, не делают официальных заявлений, не поднимают шум в прессе. Это на них не похоже.

Продолжение материала
Владимира Снегирева

Устинов никак не прореагировал на сказанное. Сохраняя молчание, министр обороны пробежал глазами весь доклад. Сделал на полях несколько карандашных пометок. Потом расписался на первой странице, вложил документ в папку и вернул его Огаркову:

— Это вам для прокурора.

Отвернулся. Прошелся по просторному кабинету.

— Поздно уже, — сказал он, глядя прямо в глаза начальнику Генерального штаба. — Поздно. Решение принято. И нам с вами надо его выполнять.

Огарков был не единственным крупным военачальником, кто понимал всю пагубность силового решения афганской проблемы. Еще в начале ноября из Кабула после двухмесячной командировки вернулся главком сухопутных войск, замминистра обороны генерал армии Павловский, который изложил министру свои соображения — они полностью расходились с той картиной, которая сложилась в голове Устинова. Павловский прекрасно понимал, что рискует своей карьерой, но интересы государства были для него выше. Министр, выслушав его, грубо отругал, а затем надолго перестал общаться со своим замом.

Двух других генералов — главного военного советника в ДРА Горелова и советника от главпура Заплатаина, — также последовательно выступавших против вторжения, под разными предлогами отозвали из Кабула и с понижением отправили продолжать службу в Союзе.

Последний акт

Глава внешней разведки КГБ СССР Владимир Александрович Крючков был в те дни одним из главных действующих лиц разворачивавшейся исторической драмы.

По существу, Крючкову требовалось спланировать и осуществить политический переворот, смену режима в соседнем государстве, которое хоть и являлось сателлитом СССР, но было абсолютно суверенным. Как объяснить миру, отчего мы явились в Афганистан, следуя неоднократным просьбам руководства этой страны, а войдя, тут же это руководство свергли? Хорошо, если всю грязную работу совершат афганские оппозиционеры. Тогда это будет их внутренним делом. А если нет? И потом, что делать с Амином? Арестовать, предать суду и за все совершенные преступления приговорить к смерти? Ликвидировать в ходе акции по смене власти? Привезти в Советский

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

Союз и изолировать здесь? Политбюро не станет заниматься такими «мелочами», оно приняло принципиальное решение, а все остальное придется делать им, сотрудникам КГБ. И любая ошибка будет стоить очень дорого.

13 декабря внедренный в окружение Амина «повар», он же офицер внешней разведки Михаил Т., получил приказ использовать доставленное из Москвы спецсредство. Иначе говоря — яд, который должен был вывести из строя Хафизулла Амина и его племянника Асадулла, руководившего афганской госбезопасностью. План операции был таким: нейтрализовать эти ключевые фигуры и, воспользовавшись временным безвластием, внезапно атаковать все главные объекты Кабула подразделениями армейского и комитетского спецназа, а также прибывшими на подмогу ротами десантников и пограничников. «Здоровым силам в НДПА» ставилась вспомогательная задача: они должны были сыграть роль «пятой колонны», то есть изнутри способствовать захвату нужных объектов.

«Повар», как и было задумано, за обедом подмешал спецсредство в кока-колу, которую подали к столу главы ДРА. Амин не почувствовал подвоха: он охотно пил колу, поглощал приготовленные блюда. Убедившись в том, что спецсредство попало по назначению, «повар» позвонил из дворца Арг дежурному в офис экономического советника и произнес условную фразу: «Скажите, пожалуйста, как обстоят дела с дополнительной мебелью для моей квартиры в микрорайоне?» Это означало, что он свою задачу выполнил и готов к отходу на заранее обговоренные позиции. Взявший трубку сотрудник представительства КГБ также условной фразой разрешил Михаилу покинуть дворец и укрыться в советском посольстве.

Дмитрий ДОНСКОЙ / РИА Новости

Владимир Крючков

Итак, 13 декабря 1979 года после полудня оба главных противника были напичканы ядом. Но случилось непредвиденное: яд подействовал лишь на племянника — тот утром следующего дня был отправлен в госпиталь с признаками сильнейшего пищевого отравления, а затем для «дальнейшего лечения» перевезен в Москву. Что касается первого лица, то на его самочувствии яд отчего-то не отразился.

Как ни странно, этот инцидент не вызвал особых подозрений у Хафизуллы Амина. «Повар» не вышел у него из доверия и продолжал накрывать стол афганскому диктатору.

20 декабря происходит долгожданный переезд главы партии и государства в только что отремонтированную резиденцию Тадж-Бек. На следующий день Амин на заседании правительства сообщает о значительном расширении советской военной помощи.

— Наконец-то советские товарищи вняли нашим просьбам о направлении в Афганистан воинских частей и подразделений для защиты завоеванной апрельской революции, — с пафосом сообщил он своим соратникам. Те заплодировали.

В этот же день военные и чекисты в Кабуле окончательно утвердили все планы по захвату самых важных правительственных и иных объектов,

Андрей АБРАМОВ

Дворец Амина

в первую очередь — резиденции главы государства. Начальник представительства КГБ лично проинструктировал «повара», которому вновь поручалось приготовить «главное блюдо» для предстоящих «мероприятий» в афганской столице.

Обратного пути уже не было.

В четверг, 27 декабря, Хафизулла Амин пригласил в свою новую резиденцию на обед ближайших соратников — членов Политбюро, министров. Некоторые были с женами — им накрыли на женской половине. Формальным поводом для встречи стало возвращение из Москвы члена Политбюро Панджшери. Но у Амина имелась еще одна существенная причина пригласить к себе гостей. Ему не терпелось показать свою новую резиденцию, похвастать роскошью представительских помещений и личных покоев.

Сели за стол. После плова перешли в соседний зал, где был накрыт чай. Некоторые гости, сославшись на срочные дела, уехали в город.

И тут случилось необъяснимое. Почти одновременно все почувствовали себя худо: их одолевала чудовищная, неведомая никому раньше сонливость. Гости Амина падали на диваны или прямо на ковер и буквально отключались. Некоторых разбирал безостановочный истерический смех. Напуганная охрана бросилась к телефонам, вызы-

вать докторов из советского посольства и Центрального военного госпиталя.

Амин не был исключением: его охранники, поддерживая обмякшее тело генсека, помогли добраться до кушетки, и хозяин дворца мгновенно провалился в глубокий сон.

Кажется, на этот раз «повар» не сплеховал. Спецсредство, подмешанное в суп, оказало именно то действие, на которое рассчитывали.

Некоторых гостей пришлось срочно эвакуировать в госпиталь. Кому-то делали промывание желудка прямо там, во дворце. Конечно, самое большое внимание врачи уделили товарищу Амину. Ему промыли желудок, поставили капельницы.

Очнувшись через несколько часов, Хафизулла Амин открыл глаза и удивленно спросил у врачей: «Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал?» Ответом было молчание. Однако тишина оказалась недолгой. Ровно в 19.30, когда за окнами уже сгустилась зимняя тьма, несколько

страшных взрывов сотрясли стены дворца. С потолка посыпалась штукатурка, послышался звон разбитого стекла, отовсюду раздались испуганные крики прислуги и охранников. И почти сразу вслед за этим ночную тьму разорвали светящиеся пунктиры трассирующих пуль — они тянулись ко дворцу со всех сторон, а грохот взрывов стал непрерывным.

Амин оторвал от подушки тяжелую голову. Рядом с его кроватью были два человека — жена Патмана и приехавший только что из города министр внутренних дел Факир. Увидев его, Амин едва слышно произнес:

— Факир, кажется, я схожу с ума.

Стрельба и взрывы гранат тем временем стали слышны уже на первом этаже дворца.

— Дайте мне автомат, — слабым голосом попросил Амин и сделал попытку подняться.

— В кого ты хочешь стрелять? — спросила его жена. — В «шурави»?

Она все уже поняла.

В штурме дворца Тадж-Бек приняли участие почти все главные силы, переброшенные к тому времени в Кабул: «мусульманский» батальон — в полном составе, рота десантников под командованием старшего лейтенанта В. Востротина, отряд «Зенит» и группа «А». На помощь им подтягива-

лись десантники 103-й дивизии, недавно прибывшие самолетами из Союза. Никаких шансов уцелеть у Амина не было.

Когда бой во дворце переместился на второй этаж, он нашел силы подняться с кровати и, держа в обеих руках бутылки с физраствором, обмотанный трубками от капельницы, со вколотыми в вены шприцами, вышел в коридор. Военврач Алексеев впоследствии вспоминал: «Он шел по коридору в трусах и майке, весь в отблесках огня, держа в высоко поднятых руках, словно гранаты, флаконы с физраствором». Из боковой комнаты выбежал его младший пятилетний сын и с плачем прижался к ногам Амина. Они попытались укрыться от шквального огня за стойкой бара, того самого бара, который несколько часов назад Амин с гордостью показывал своим гостям. Здесь их и настигли осколки гранат.

Руководивший операцией полковник Колесник (ГРУ) и отвечавший за действия своих спецназовцев генерал Дроздов (КГБ) подписали акт об опознании Хафизуллы Амина. После чего завернутое в штору тело немедленно унесли и спешно захоронили в районе дислокации «мусульманского» батальона. Неподалеку погребли и тела двух его сыновей, ставших жертвами атаки на резиденцию главы Афганистана.

Когда бой еще был в самом разгаре и из дворца в посольство поступали самые разноречивые сведения, Богданову позвонил по ВЧ Крючков. Он недвусмысленно дал понять, что живой Амин им не нужен. «По «первой строке» надо кончать», — условным кодом сказал начальник ПГУ. Примерно в 20.30 по местному времени сразу по нескольким каналам в Москву доложили: «Главному — конец».

Но это был не конец.

Закончилось лишь то, что потом назвали «первым этапом апрельской революции».

Завершая эту первую часть «афганского триллера», надо сказать следующее.

Не только профессиональные военные понимали тогда всю пагубность масштабного вторжения в Афганистан и открыто выступали против него. Я уже упоминал позицию главы правительства А.Н. Косыгина — он до конца оставался верен ей. В своей записке, направленной в ЦК, свои возражения высказал академик Е.М. Примаков. Позже в такой же записке обоснованное несогласие выразил другой авторитетный ученый, академик О.Т. Богомолов.

Иначе говоря, даже в пик застоя во властных структурах Советского Союза находились люди, которые не боялись высказывать мнение, расходившееся с генеральной линией партии и правительства.

Продолжение материала
Владимира Снегирева

Уход
из Афганистана

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

Уйти нельзя остаться

Войну трудно начать, но еще труднее ее закончить.

Маршал Устинов, который хотел слегка поиграть мускулами и потренировать в боевых условиях свое изрядно запылившееся войско, уже вскоре убедился в том, что афганская кампания — это надолго. Там случилась обычная для таких ситуаций история: чем активнее воевали советские, тем ожесточеннее сопротивлялись афганцы. Война порождает войну, и этот процесс казался нескончаемым. К сожалению, архивы не сохранили документальных свидетельств того, как менялось отношение министра обороны к вторжению. Сталинский нарком был закрытым человеком, свои сокровенные мысли он держал при себе.

Зато есть любопытная запись, сделанная в дневнике А.С. Черняевым, тогда заместителем заведующего международным отделом ЦК, а впоследствии помощником генсека Горбачева, эта запись датирована 12 августа 1984 года. На заседании Политбюро обсуждались итоги переговоров министра обороны Устинова и главы КГБ Чебрикова с афганским лидером Бабраком Кармалем.

Дмитрий Федорович, судя по этой записи, очень иронично оценил афганского руководителя, «но, мол, другого у нас там нет, ничего не поделаешь». Картина, из слов Устинова, складывалась печальная: 80% территории в руках исламских партизан (у Черняева — «бандитов»). Министр обороны, как считает автор записи, «не способен глядеть в корень. Ему не приходит в голову как-то повернуть в корне всю нашу «афганскую эпопею».

Зато глава лубянского ведомства Андропов, став в ноябре 1982 года генсеком, в своем близком окружении позволял себе рассуждать о необходимости скорейшего возвращения войск в родные казармы. Я хорошо помню, как тогдашний посол в Кабуле Ф.А. Табеев говорил мне, кажется, в самом начале 1984 года: «Ну теперь-то все изменится. Юрий Владимирович полон решимости исправить эту историческую глупость». Не успел, умер в том же году...

Сменивший его К.У. Черненко взшел на престол настолько дряхлым, что и речи не было о том, чтобы он взвалил на свои плечи решение столь масштабной проблемы.

Разгрести авгиевы конюшни пришлось Горбачеву, и надо признать, что с первых же дней нахождения на властном олимпе Михаил Сергеевич занял по этому вопросу совершенно определенную позицию. Хотя впервые о необходимости выводить войска он, по некоторым

Владимир МУСАЭЛЬЯН, Эдуард ПЕСОВ / фотохроника ТАСС

Горбачев — Кармалю:

«Вы понимаете, что советские войска не могут оставаться в Афганистане вечно»

свидетельствам, заявлял еще будучи рядовым членом Политбюро, в частности, в частных беседах с А.Н. Яковлевым, находясь в поездке по Канаде в 1983 году. Яковлев был тогда нашим послом в Оттаве, а Михаил Сергеевич в ПБ отвечал за сельское хозяйство.

Уже 14 марта 1985 года, то есть спустя три дня после избрания генеральным секретарем ЦК КПСС, он в беседе с приехавшим в Москву Бабраком Кармалем заявил тому: «Вы понимаете, что советские войска не могут оставаться в Афганистане вечно».

Разумеется, этой фразе — ключевой в диалоге с афганским лидером — предшествовали ритуальные заветы о «необратимости революционного процесса в Афганистане», об умении защищать революционные завоевания. Но возвращался Кармаль в Кабул уже озадаченным — он сам мне об этом говорил во время наших посиделок на даче в Серебряном Бору (об этом ниже).

В своем рабочем блокноте, перечисляя первоочередные дела, Горбачев уже тогда, весной 85-го, пометил: «уход из Афганистана».

Разумеется, все разговоры о выводе из ДРА «ограниченного контингента», особенно те, которые происходили в стенах ЦК и Кремля, непременно сопровождалась оговорками: мы не можем бросить просто так афганских революционеров, надо сделать все возможное для укрепления кабульской власти, а переговоры о

Первое предупреждение

С чего же начал Горбачев? Процесс шел сразу по нескольким направлениям.

Следовало обеспечить надежную поддержку внутри страны, и в первую очередь — в высшем советском руководстве. Что касается общественного мнения, то здесь генеральному секретарю беспокоиться было не о чем. Война с самого начала не пользовалась поддержкой у населения. Недаром ее называли «спрятанной» — цензура жестко пресекала все, даже самые робкие, попытки поведать о том, что происходит в Афганистане. Вплоть до середины 80-х гг. нашим гражданам вешали лапшу на уши, рассказывая о том, как советские войны сажают деревья в парках Кабула и раздают муку крестьянам Джелалабада. В редких очерках о новых Героях Советского Союза говорилось, что эти brave ребята отличились... на учениях.

Но шила в мешке не утаишь. Кто-то возвращался на родину после службы искалеченным, а кто-то и вовсе в цинковых гробах. Выполнение «интернационального долга» дорого обошлось и государству, и обществу. В разные инстанции — редакции центральных газет, в ЦК, Верховный Совет и лично генсеку — нарастал поток писем от родителей солдат. Основной мотив: зачем это нужно и когда это кончится?

японцы считали, что мы тратим на войну более трех миллиардов.

Предварительно опросив коллег по ПБ, генсек понял, что тут ему обеспечена поддержка. Даже Громыко — тот самый министр иностранных дел, который наряду с Устиновым и Андроповым шесть лет назад продавил силовое решение, — теперь соглашался с тем, что войну надо заканчивать. Сменивший Устинова маршал Соколов и занявший пост главы КГБ генерал армии Чебриков тоже были за вывод войск. Кстати, новый министр обороны до этого провел много месяцев «за речкой», возглавляя оперативную группу МО, и потому лучше других знал истинное положение дел.

Второе направление было завязано на внутренние дела Афганистана. Понятно, что уйти отсюда можно было лишь при условии хоть каких-то гарантий сохранения кабульского режима и договоренностей с этим режимом. Здесь ситуация не выглядела столь безоблачной. А потому по инициативе генерального секретаря в Москву 10 октября был тайно вызван его афганский визави Бабрак Кармаль, которому на сей раз прямо дали понять: готовьтесь к тому, чтобы самостоятельно защищать свою власть.

Якобы афганец в ответ на это сказал: «Если вы сейчас уйдете, то в следующий раз вам придется вводить миллион солдат». Это явно не понравилось Горбачеву, и, видимо, уже тогда он стал консультироваться со своим окружением относительно замены Кармаля на другого руководителя, больше соответствующего новым веяниям.

Через несколько дней на очередном заседании ПБ Михаил Сергеевич подробно рассказал о своих беседах с афганским гостем. Вот как это описывает в дневнике Анатолий Черняев. Кармаль, по словам Горбачева, был ошарашен, никак не ожидал такого поворота, был уверен, что мы в Афганистане будем надолго, если не навсегда. «Поэтому пришлось выражаться предельно ясно: к лету 1986 г. вы должны будете научиться сами защищать свою революцию». Там же Горбачев зачитал несколько писем от советских граждан, которые спрашивают: отчего мы за афганцев выполняем некий «интернациональный долг» и стоит ли этот долг жизни наших парней? «Помимо писем, где плач, горе матерей по убитым и искалеченным, душераздирающие описания похорон, письма-обвинения: Политбюро, мол, допустило ошибку, и надо ее исправлять — чем скорее, тем лучше...»

А закончил свою речь на ПБ генсек так: «С Кармалем или без Кармаля, мы будем твердо проводить линию, которая должна в предельно короткий срок привести нас к уходу из Афганистана».

“

...Кармаль, по словам Горбачева, был ошарашен, никак не ожидал такого поворота, был уверен, что мы в Афганистане будем надолго, если не навсегда

”

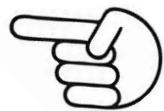
выводе войск увязать с обещаниями Запада прекратить поддержку вооруженной оппозиции. Это вполне соответствовало и принципам существовавшей тогда идеологии, и по-человечески тоже было вполне объяснимо.

Причем — и это тоже важно подчеркнуть — разговорами дело не ограничивалось. Возвращению войск предшествовала колоссальная по объему работа, растянувшаяся почти на четыре года.

Занявшись афганскими делами, Горбачев поручил председателю Совета Министров подготовить справку «о наших материальных расходах в Афганистане, в том числе об уровне среднесуточных затрат». Прочитав предоставленный ему документ, Михаил Сергеевич впал в ступор: война пожирала немыслимые ресурсы. В долларовой исчислении — миллиард в год, а ведь доллар весил тогда куда тяжелее, чем сегодня. Впрочем, были и иные подсчеты; так, например,

Продолжение материала
Владимира Снегирева

Зачистка в Кабуле

Уяснив, что с нынешним афганским руководителем каши не сварить, Горбачев буквально сразу приступил к смене главных действующих лиц на кабульской сцене. Посоветовавшись с «ближними», решил поставить во главе Афганистана доктора Наджибуллу — тогда секретаря ЦК НДПА, а прежде — начальника афганской госбезопасности. И уже 29 мая доложил членам Политбюро: «Мы заменили Кармалю Наджибом». Вот так буквально и сказал: «мы заменили». Что вполне соответствовало правде.

Мне повезло затем близко общаться со смещенным афганским вождем, так вышло, что дача КГБ в Серебряном Бору, где его разместили «на заслуженный отдых», находилась по соседству с моей скромной служебной дачей от «Правды», где я тогда работал, сам бог велел по вечерам навещать опального политика и вести с ним долгие разговоры. Правда, никаких диктофонов и блокнотов Кармалю не разрешал, а потому, вернувшись к себе, я по памяти стенографировал эти беседы. В частности, вот какая картина с его слов складывалась по поводу истории со смещением. Картину дополняют также воспоминания генерала Шебаршина (ПГУ) и мои собственные наблюдения, сделанные в разные годы в Кабуле.

Будучи главным афганским руководителем, товарищ Кармалю редко покидал пределы мрачного дворца Арг в центре Кабула. Снаружи дворцовые стены охранялись афганской гвардией, внутренняя территория контролировалась советскими десантниками, а в самих зданиях за безопасность отвечали офицеры 9-го управления КГБ.

Конечно, он не был настоящим руководителем Афганистана, всем там руководили советские советники. Кармалю был окружен особенно плотным кольцом: советник по партии, советник по ревсовету, советник по совмину, а еще специальный, находившийся при нем круглосуточно «дядька» от КГБ, а еще «прикрепленные» от 9-го управления... Одни приезжали, другие уезжали. И все они — особенно во время застолий — клялись ему в вечной любви и дружбе. Но он уже хорошо знал цену этим словам.

Кармалю доверял только одному человеку из своего ближнего круга — этим человеком был тот самый «дядька» из органов, резидент КГБ в Кабуле Вилиор Осадчий. С самого начала полковник был рядом, к нему привыкла семья, без него и шагу не мог ступить генсек. Осадчий не был солдафоном, знал местные языки, чтит местные традиции, интересовался историей и культурой Афганистана. Но в начале 86-го случилось странное и страшное: резидент, который никогда и ни на что не жаловался, умер на

пороге своей квартиры. Остановилось сердце.

Кармалю не верил официальному заключению о смерти. Что-то было не так... Потеряв единственно близкого из своего круга человека, он впервые в жизни испытал страх. Настоящий страх.

Очень скоро стало ясно, что боялся он не зря. На март была назначена большая джирга племен. Кармалю готовился выступить на ней с программной речью. Но накануне советский посол Табеев сказал:

— Вас приглашают в Москву. Наше руководство хотело бы обсудить с вами ряд важных вопросов.

— Могу я отправиться в СССР после джирги?

— Вы все успеете. Два дня у нас погостите и сразу обратно.

На аэродроме в советской столице ему и рта не дали открыть: «Вы плохо выглядите, дорогой товарищ Кармалю. Мы не можем рисковать вашим здоровьем. Надо немедленно обследоваться». И в больницу — на двадцать дней. Какая там джирга... На джирге с большой речью выступил глава афганской госбезопасности (теперь она назвалась — ХАД) Наджиб.

В кремлевской больнице на Мичуринском один из врачей, которого, видно, забыли проинструктировать, выразил восхищение отменным здоровьем афганского гостя и удивился, зачем его здесь держат. С того дня Кармалю выбрасывал в унитаз все лекарства, которые ему рекомендовали принимать. Нет, что-то явно было не так.

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

Сергей МЕТЕЛИЦА / Фотохроника ТАСС

Бабрак Кармалю

Все разъяснилось, когда наконец его принял генеральный секретарь ЦК КПСС. Горбачев с радушной улыбкой на лице прочел ему целую лекцию о том, что мир становится другим, что большие изменения грядут и в Советском Союзе, и в Афганистане, что «не каждый из нас способен адекватно соответствовать этим изменениям». Конечно, заслуги товарища Кармалю велики, а его вклад в дело революции и укрепление афгано-советской дружбы просто выдающийся, но, возможно, было бы целесообразно подумать о том, чтобы уступить пост генсека кому-то из более молодых товарищей. Товарищу Кармалю очень тяжело, и пора ему подумать о своем здоровье, он еще будет нужен всем нам для грядущих свершений.

При встречах с Горбачевым он не курил, сдерживался, курить в этом кабинете было не принято. Но когда Михаил Сергеевич закончил

свой монолог, афганец, враз потемнев лицом, назвал действия советской стороны «государственным терроризмом», разволновался, попросил переводчика принести ему пепельницу.

На следующее утро Кармалю навесил начальник Первого главного управления КГБ Крючков: «Не волнуйтесь, дорогой товарищ, все будет хорошо». Но хорошо быть уже не могло. Это разговор, понял Кармалю.

Решив выиграть время, он попросил разрешить ему вернуться в Кабул, «чтобы посоветоваться с соратниками и уже после этого принять окончательное решение». Москва, подумав, разрешила, но вслед за его самолетом в Кабул вылетел другой, «комитетский», на борту которого были Крючков и его будущий преемник на

Крючков и его люди тайно подготовили ему замену — видимо, это секретарь ЦК, недавний шеф афганской госбезопасности Наджиб. Но он, Кармалю, не намерен уступить просто так, без сопротивления. Настала пора высказать советским всю правду, все, что накопилось в душе за эти годы.

Он говорил о том, что не хочет быть марионеткой Москвы, что с его уходом тысячи людей будут брошены в тюрьмы, что ему непонятно, на каком основании Советский Союз так бесцеремонно вмешивается во внутренние дела суверенного государства. Все тщетно. Крючков твердо стоял на своем:

— Инициатива отставки исходит из Кабула, а Москва лишь помогает афганским товарищам. Кармалю не должен осложнять и без того непро-

взятия Кабула моджахедами будет укрываться Наджибулла. Именно здесь его схватят талибы, чтобы после жестоких пыток вздернуть на одной из площадей.

Ровно через год, в мае 87-го, наверху принимают решение пригласить товарища Кармалю в Москву «на лечение». Он понимает, какое лечение его ждет, но возражать нельзя, будет хуже. Крючков лично прилетает за ним на специально выделенном самолете.

В Москве ему выделяют квартиру в престижном доме на Миусах, но жить рекомендуют на казенной лубянской даче в Серебряном Бору. Следующие четыре года он проводит фактически под домашним арестом.

Ставка на новенького

Следующей жертвой становится совпосол Ф.А. Табеев. Его отзыву предшествует ремарка Горбачева на заседании Политбюро: «Табеев, конечно, человек серьезный, крупный, но пора менять вместе с изменением политики».

Насчет кремлевской политики уже все установилось: открытость, гласность, новое мышление, отказ от прежних догм, широкий диалог с Западом. Ясно, что война в Афганистане никак не укладывалась в эти скрижали.

И политику внутри Афганистана тоже ждали крупные перемены, теперь ее базовой установкой стало национальное примирение. Предполагалось осуществить целый комплекс мер: прекращение огня, переговоры с отрядами вооруженной оппозиции на основе компромиссов, работа с представителями духовенства, широкая государственная поддержка торговцев и бизнесменов, новые привилегии для племен, амнистия для лиц, давших слово не совершать впредь враждебных действий против режима... Со временем перечень подобных мер и уступок значительно расширился.

Но кадровые перемены в Кабуле не приносят быстрого результата, и это сильно огорчает советских руководителей. 13 ноября на очередном заседании ПБ опять вспыхивает долгая дискуссия по Афганистану. Громько говорит, что ситуация сейчас еще хуже, чем была полгода назад. Чебриков считает, что военными средствами нужного решения не добиться. Начальник генерального штаба Ахромеев делает трагическое признание: «Мы проиграли борьбу. Афганский народ сейчас в своем большинстве — за контрреволюционеров».

Мохаммад Наджибулла

посту начальника разведки Леонид Шебаршин. Самолеты приземлились в афганской столице с интервалом менее чем в сутки.

Утром 2 мая московские гости прибыли во дворец.

Крючков почти сутки (!) убеждал афганского руководителя добровольно покинуть пост генерального секретаря. В ход было пущено все — лесть («вы наш самый большой и настоящий друг, истинный интернационалист, патриот, который всегда общие интересы ставит выше личных»), скрытые угрозы («в афганском руководстве нет единства и лучше не доводить дело до греха, а добровольно сложить с себя полномочия»), посулы сытой жизни («за вами останется пост председателя революционного совета, вы всегда будете окружены почетом и уважением»).

Кармалю все уже прекрасно понял. Он — жертва перемен в глобальной советской политике.

стое положение. Он обязан сохранить себя ради афганской революции.

— Оставьте в покое афганскую революцию! — негодует хозяин. — Вы говорите, что в Афганистане гибнут советские солдаты и это дает вам право ставить мне условия. Уходите, вводите свои войска! Мы сами будем защищать свою революцию.

Эти изнурительные беседы днем позже завершаются тем, что хозяин дворца в присутствии советских генералов пишет заявление об уходе для предстоящего пленума ЦК НДПА. 14 мая пленум принимает его отставку. Генеральным секретарем становится Наджиб. В Кабуле все спокойно, ни партия, ни народ, ни вооруженные силы не проявляют никакого недовольства.

Кармалю с семьей поселяют в просторном доме неподалеку от дворца. Впоследствии этот дом займет миссия ООН, и именно здесь после

Продолжение материала
Владимира Снегирева

Это сам по себе поразительный разговор за плотно закрытыми дверями: фактически все высшие лица СССР соглашались с тем, что война проиграна и надо срочно выпутываться из этой западни. Несколько раз слово берет Горбачев, он тоже не выражает особого оптимизма относительно будущего. Соглашается с тем, что влезли в Афганистан, не просчитав всех последствий, «подставили себя по всем линиям». Говорит о том, что Политбюро ЦК НДПА не поддержало своего нового генсека Наджибуллу с идеей национального примирения, а наши действия на всех направлениях — политическом, дипломатическом, экономическом — «не дали никакого продвижения». Вспоминает отозванного недавно посла Табеева: его сменили, чтобы дать сигнал афганцам действовать самостоятельно, без оглядки на сопольство, а на деле все осталось, как было. «Опять все делаем сами... Вяжут Наджиба по рукам и ногам».

Михаил Сергеевич уже неплохо ориентируется в реалиях, связанных с Востоком. Его позиция остается прежней: «в течение двух лет убраться оттуда».

— Мы же не социализма там хотим, — вслух рассуждает Горбачев. — И США не полезут туда военной силой, если мы уйдем.

Визит Наджибуллы в Москву

Юрий АБРАМОЧКИН / РИА Новости

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

— Ведь не полезут же? — обращается генсек к маршалу Ахромееву.

— Нет, — соглашается тот. — Американцы своими войсками в Афганистан не пойдут.

Эту деталь важно отметить для нашего повествования. «Фактор США» советская пропаганда активно использовала с самого начала, с первых дней военного вторжения. Солдатам и офицерам вдалбливалась мысль: если бы в Афганистан не вошли мы, туда бы немедля вошли американцы со своими ракетами. Чуть, конечно. Нет абсолютно никаких фактов, свидетельствующих о подобных намерениях Вашингтона. Никаких! Но миф работал, в него верили не только рядовые бойцы, но даже крупные генералы. Наверное, с такой верой им было легче переносить все тяготы исполнения «интернационального долга».

В декабре 1986 года в Москву с официальным визитом прибывает новый лидер партии доктор Наджибулла, ему оказывают все принятые в таких случаях почести, хотя формально главой афганского государства все еще остается Кармаль — он, как и было обещано, занимает пост председателя революционного совета. Это явно не нравится доктору, в ходе переговоров с Горбачевым и руководителями КГБ (Афганистан остается их вотчиной) Наджибулла просит решить этот вопрос, и спустя пять меся-

цев Кармалю фактически силой вывозят в СССР «на лечение».

Наджибулла (тогда его называли — Наджиб) выглядит в глазах кремлевских небожителей явно более привлекательным по сравнению с предшественником, он не перечит Горбачеву, старательно записывает получаемые в Москве наставления, а если говорит, то по делу. И родом он из влиятельного пуштунского племени, и стоят за ним внушительные силы — тысячи сотрудников госбезопасности, агентура, обученные боевики. Нет, ни минуты не сомневались наши вожди в том, что они сделали верный выбор, поставив на Наджиба.

«Голова от этого ломится»

Если внутри СССР процесс подготовки вывода войск не встречал особых затруднений, то на двух других направлениях проблем было более чем достаточно.

Лидеры вооруженной оппозиции и их зарубежные спонсоры восприняли мирные инициативы Кабула как признак слабости и в ответ лишь усилили давление на режим Наджибуллы. В 1987 году число обстрелов объектов советских войск увеличилось в три раза по сравнению с годом предыдущим. Возросло количество террористических актов в городах и уездных центрах. Никто из видных полевых командиров не пошел на переговоры с властью.

40-я армия, или, как ее называли, «ограниченный контингент советских войск», продолжала проводить крупные войсковые операции, стремясь разгромить основные базы моджахедов, перекрыть каналы поступления к ним оружия и боеприпасов из Пакистана. Самой успешной была операция «Магистраль» на юге Афганистана, непосредственно у пакистанской границы, наши читатели знают о ней по фильму «9-я рота». Управлял войсками новый командарм генерал Борис Громов, получивший тогда звание Героя Советского Союза. Героем стал и командир 345-

го полка ВДВ Валерий Востротин — тот самый, кто еще в конце 1979 года командовал ротой при штурме дворца Амина.

По большому счету, советские войска продолжали делать то, что делали все предшествующие годы — воевали с противниками режима, а афганской армии, получавшей из Союза все необходимое, отводилась роль пассивного наблюдателя. Да она и не способна была выполнять сколь-нибудь серьезные задачи. С объявлением политики национального примирения в рядах ВС ДРА резко выросло число дезертиров, а некоторые командиры восприняли новые веяния как сигнал к тому, что надо втайне договариваться с главарями моджахе-

«Блоупайп»), безоткатные орудия, пластиковые мины и пр.

И на дипломатическом фронте все было непросто. Все усилия наших представителей по заключению пакета соглашений, призванных положить конец кровопролитию, встречали ожесточенное сопротивление со стороны администрации Рональда Рейгана, для которого СССР все еще оставался «империей зла». Хотя и тут усилия прилагались титанические.

За год до запланированного вывода войск в Кабул был направлен послом первый заместитель министра иностранных дел Ю.М. Воронцов — это был нестандартный ход. Юлий Михайлович имел высокий авторитет в высших политических кругах, его хорошо знали и в Штатах, и в Европе, теперь он активно включился в «челночную дипломатию», непрерывно перемещаясь по маршруту: Кабул—Исламабад—Женева—Вашингтон—Москва. Став полпредом, он не оставил кресло первого замминистра, и это тоже работало на успех общего дела.

О том, какое настроение по поводу перспектив кабульского режима царило в Кремле и на Старой площади, можно судить по такому факту. Горбачев, решив перепроверить поступающую из Афганистана информацию, направил туда своего личного представителя, доверенное лицо. Тот, добросовестно изучив картину, побеседовав с десятками лиц, представлявших разные слои общества ДРА, вернулся в Москву и доложил генсеку: «Режим рухнет сразу, едва последний советский солдат пересечет советско-афганскую границу».

Все это находило живое отражение в дискуссиях, которые разворачивались на заседаниях Политбюро. Читая стенограммы этих заседаний, невольно ловишь себя на мысли: никакой писатель не придумает столь затейливой драматургии.

Главная установка все эти годы соблюдалась неукоснительно: выводу войск альтернативы нет, мы уходим. Но уходим, приложив максимум усилий к тому, чтобы Афганистан оставался дружественным нам государством с коалиционным правительством, которое бы защищало интересы всех народностей, населяющих страну.

21 и 22 января 1987 года члены ПБ обсуждают итоги визита в Афганистан министра иностранных дел Шеварднадзе и секретаря ЦК Добрынина.

Министр выражается предельно откровенно. Признает, что «от дружеских чувств к советскому народу, которые существовали десятки лет, мало что осталось». Что, по сути, все эти годы мы воевали против крестьян. Что наша советническая помощь неэффективна. И приходит к такому заключению:

— Все, что мы делали и делаем в Афганистане, несовместимо с моральным обликом нашей страны.

Но тут неожиданно подает реплику Горбачев:

— Индийцы считают, что выводить полностью наши войска не надо или, во всяком случае, «спешить, не торопясь».

Его фактически поддерживает Громыко:

— Мы должны все сделать, чтобы уйти. Но что будет с революцией и с Наджибом? Я не верю, что вопрос об Афганистане решается в Исламабаде. Он решается в Вашингтоне. Надо завязать разговор, закрытый, с американцами...

Из архива

Юлий Воронцов

дов, загодя выторговывая себе индульгенции на будущее.

На ситуации также сказывалась продолжавшаяся фракционная борьба внутри НДПА, растерянность в рядах партийцев, недовольство сторонников «парчама» отстранением от власти их лидера Кармая.

Надо признать, и сам Наджибулла, и наши советники много сил и энергии тратили на то, чтобы национальное примирение состоялось, работали и с лидерами духовенства, и с вождями племен, приглашали вернуться на родину из Италии бывшего афганского короля Захир-Шаха, которого «сватали» на роль «отца нации», проводили «лойя-джирги», то есть съезды самых авторитетных старейшин. Но эффект от всего этого оставлял желать лучшего.

В то же время пособники вооруженной оппозиции значительно наращивали объемы помощи партизанам, именно тогда «духи» получили возможность использовать против советских войск современные средства ПВО (ракеты «Стингер»,

Юрий АБРАМОЧКИН / РИА Новости

Э. А. Шеварднадзе и М. С. Горбачев

Продолжение материала
Владимира Снегирева

Председатель правительства Рыжков думает так же:
— Просто уйти, бросить все на произвол судьбы мы не можем. Это отшатнет от нас многие страны.

Маршал Соколов (министр обороны) предлагает принять жесткие меры к принуждению руководства Афганистана «активно доводить до населения программу национального примирения». Приводит цифры — во что нам обходится содержание афганской армии. В три с половиной миллиарда рублей!

Спустя месяц — опять разговор примерно в том же ключе.

Шеварднадзе:

— Самое главное — не допустить, чтобы режим Наджибуллы рухнул. Это самое главное!

Горбачев:

— Ситуация непростая. Войти вошли, а вот как выйти, голова от этого ломится.

Михаил Сергеевич поясняет, отчего «голова ломится». Если просто бежать оттуда, то по авто-

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

ритету Советского Союза будет нанесен огромный удар, нас не поймут в Индии, не поймут в Африке, а «империализм перейдет в наступление». Опять вспоминают Америку, генсек предлагает договариваться с Вашингтоном, «вплоть до каких-то сделок».

14 апреля 1988 года в Женеве наконец-то подписан желанный пакет документов по внешним аспектам ситуации в Афганистане: двустороннее соглашение между ДРА и Пакистаном, деклара-

ция о международных гарантиях (ее подписали Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Шульц), там же предусматривался вывод войск в период с 15 мая 1988 года до 15 февраля 1989 года.

Уже в мае часть воинских формирований в присутствии иностранных журналистов отбыла домой, хотя если быть точным, то первые шесть полков вернулись в Союз двумя годами раньше — то был жест доброй воли, недвусмысленный сигнал миру: мы уходим.

Казалось бы, можно было вздохнуть с облегчением. Однако практически все те силы, которые на протяжении многих лет поддерживали моджахедов — деньгами, оружием, боеприпасами, — продолжали свои тайные операции. Ситуация внутри страны лучше не становилась. Опять обратимся к стенограммам заседаний Политбюро.

Любопытный диалог между кремлевскими небожителями зафиксирован 18 апреля. Тогда члены ПБ опять констатировали ухудшение ситуации, высказывали мрачные прогнозы. В тот день выступил и А.Н. Яковлев, обычно избегавший участия в подобных дискуссиях. Александр Николаевич соглашается с тем, что подписание Женевских соглашений — это огромный позитив, но «он имеет также идеологический аспект».

— Возникает вопрос: за что воевали? — разви-

Эдуард ПЕСОВ / Фотохроника ТАСС

Подписание Женевского соглашения

вает свою мысль Яковлев. — Надо показывать, что военнослужащие исполняли свой интернациональный долг.

Ему возражает генеральный секретарь:

— Пережимать в этом смысле тоже не надо.

Ведь если все было правильно, зачем уходим?

Яковлев стоит на своем:

— Важно проявить заботу о тех, кто вернулся или вернется. Противодействовать тем, кто говорит, что потерпели поражение.

Почему я обращаю внимание на этот эпизод?

Увы, в те дни члены Политбюро заинтересованно обсуждали массу тем, связанных с Афганистаном,

Шаху шли мимо. Надо еще раз предпринять попытку установить контакт с ним, предъявить Ахмад Шаху жесткие условия.

Язов (новый министр обороны):

— С Ахмад Шахом надо договариваться.

Победить его трудно из-за поддержки населения.

Шеварднадзе:

— Целесообразно предоставление Ахмад Шаху должности вице-президента, признание его партии и вооруженных формирований.

Неожиданную реплику подает Крючков, ныне председатель КГБ:

— Недопустимы сепаратистские действия ГРУ

без ведома руководства Министерства обороны и Генштаба.

Здесь надо пояснить, что к чему. Обе могущественные спецслужбы — КГБ и ГРУ — на протяжении всей афганской кампании ревниво относились к друг другу, часто по-разному оценивали возможности и потенциал главных афганских руководителей, водили свои хороводы вокруг полевых командиров. Если комитетчики по-прежнему вели дело к устранению (физической ликвидации) Масуда, то офицеры военной разведки, напротив, пытались установить с ним контакт, найти общий язык, склонить к сотрудничеству, например, на основе неприятия Масудом другого

лидера оппозиции Хекматяра, давней вражды между ними. Это, кстати, усвоил Шеварднадзе, пообщавшись в Кабуле с военными, недаром он предложил выделить Ахмад Шаху «пряник» в виде вице-президентства.

Но главный сюжет эпической драмы под названием «Вывод войск», за которой тогда следил весь мир, был еще впереди.

Финал под грохот канонады

Вначале согласованный со всеми сторонами график возвращения войск на родину соблюдался неукоснительно. За этим, кстати, зорко следили международные наблюдатели. Но чем ближе был второй, то есть заключительный этап вывода, тем сильнее нарастала паника в кабульской верхушке. Из афганской столицы в Москву потоком шли телеграммы с просьбой приостановить процесс, оставить часть войск на более длительный период.

Второй этап должен был начаться в ноябре 1988 года, однако Наджибулла настоял на изменении графика, теперь начало выдвижения вспомогательных частей и учреждений назначили на 2 января, а боевых частей и подразделений — на 15 января. Иными словами, на все про все отводился всего месяц. По утверждению генерала Ляховского, входившего в оперативную группу МО, войска шли к нашей госгранице сплошным потоком по двум направлениям: Кабул—Термез, Шинданд—Кушка.

В январе 89-го в Кабул опять прибыли Шеварднадзе и Крючков. Московские гости предложили главе Афганистана эвакуировать его семью в Москву. От греха подальше. Наджибулла наотрез отказался: «Это будет плохо воспринято моим окружением». Тогда в нашем посольстве соорудили для президента, его жены и детей специальный, хорошо защищенный бункер, где можно было укрыться от пуль и снарядов. Забегая вперед, скажу, что ни сам доктор, ни члены его семьи этим убежищем так и не воспользовались.

Наджибулла и другие афганские руководители опять, уже в который раз, стали высказывать просьбы об оставлении хотя бы нескольких тысяч советских военнослужащих, возможно, из числа добровольцев. Поясняли: это необходимо для обеспечения безопасности кабульского международного аэропорта, разблокировки дороги на Кандагар и стратегической магистрали Кабул—Хайратон. Кроме того, они ставили вопрос о том, чтобы на советских аэродромах вблизи границы на постоянном дежурстве находились боевые самолеты, с тем чтобы их можно было привлекать для нанесения ударов по мятежникам после ухода ОКСВ. По поводу самолетов Шеварднадзе обещать ничего не стал, а вот насчет 12 тысяч «добровольцев» обещал подумать.

Появившись в посольстве СССР, наш министр иностранных дел уже говорил об оставлении советских войск в Афганистане после 15 февраля как о деле решенном. Тот же генерал Ляховский цитирует его слова в своем обширном исследовании «Трагедия и доблесть Афгана»: «Надо подумать, как лучше реализовать этот замысел, обосновав его таким образом, чтобы общественное мнение было убеждено в том, что наши действия были единственно правильными». Эти же соображения днем позже Шеварднадзе оформил в виде секретной записки в ЦК.

Ознакомившись с ней, секретарь ЦК КПСС Яковлев пришел в сильное возбуждение и немедленно связался с помощником генсека по международным делам Анатолием Черняевым. Оба согласились с тем, что «Наджиб расставляет ловушку, чтобы мы не уходили, чтобы столкнуть нас с американцами и со всем миром».

Из архива

Ахмад Шах Масуд

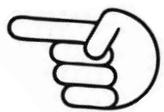
кроме одной, той, на которую обратил внимание Яковлев. Как быть с сотнями тысяч молодых людей, прошедших сквозь огонь войны? Удивительно, но лишь один Яковлев — тот самый, которого вскоре назовут «агентом влияния» — вспомнил об «интернациональном долге», а затем стал инициатором создания первой организации ветеранов во главе с Героем Советского Союза Русланом Аушевым.

18 сентября Горбачев сообщает соратникам, что получено письмо от Наджибуллы — судя по тексту, афганские товарищи «не верили в то, что мы выведем все войска, не остановимся на половине пути». Доктор Наджибулла теперь особенно опасался Ахмад Шаха Масуда, предлагал разные способы его устранения. Беда была в том, что на протяжении всей войны вся мощь 40-й армии, разведки КГБ и ГРУ, отрядов спецназа, агентуры как раз была направлена на то, чтобы любыми путями вывести из игры Масуда, однако из этого ничего не вышло. Ставший секретарем ЦК Чебриков, который лучше других это знал, поясняет:

— Начальник разведки афганской армии оказался его агентом, поэтому все удары по Ахмад

Окончание материала
Владимира Снегирева

Черняев тут же садится писать записку шефу: «Что мы делаем? И в смысле жертв, и в смысле безнадежности? Мы же все равно уходим, и Наджиб не стоит того, чтобы нарушать Женевские соглашения. Сдается мне, что Э.А. (Шеварднадзе. — В. С.) либо поддался эмоциям, либо лично повязался перед Наджибуллой и решил распорядиться еще десятками жизней наших ребят».

Еще через какое-то время начинается селекционное совещание Горбачев—Шеварднадзе—Яковлев—Черняев. Разговор идет на повышенных тонах, причем Михаил Сергеевич в основном слушает и только изредка делает замечания, в основном поддерживая Яковлева и Черняева. Вот как об этом в дневнике Анатолия Сергеевича:

«Со стороны Шеварднадзе льется детский лепет, причем все больше валит на военных. Я его довольно грубо перебиваю: военные дали разработку техническую под политический план, с которым вы согласились. А план этот идет вразрез со всей нашей политикой, да и простым здравым смыслом, не говоря уже о жертвах, на которые вы обрекаете вновь наших ребят».

Э.А. (злится): Вы там не были, вы не знаете, сколько мы там натворили за десять лет?!

Я: Но зачем еще усугублять преступления? Какая логика? Наджибуллу все равно не спасем... <...> М.С. начал нас разнимать...»

В том конфликте не все было так просто. Там схлестнулись разные силы: чекисты, гэрэушники, военные из МО и военные из Кабула, афганские руководители и афганские оппозиционеры.

Что касается последних, то, к примеру, Ахмад Шах Масуд, отряды которого могли контролировать значительный участок трассы Кабул—Хайратон—Термез, включая высокогорный перевал Саланг, соглашался беспрепятственно пропускать уходящие домой колонны советских войск — связь с ним офицеры ГРУ поддерживали через свои агентурные источники. Зато Наджибулла требовал нанесения по позициям Масуда упреждающих ударов с привлечением стратегической авиации из СССР.

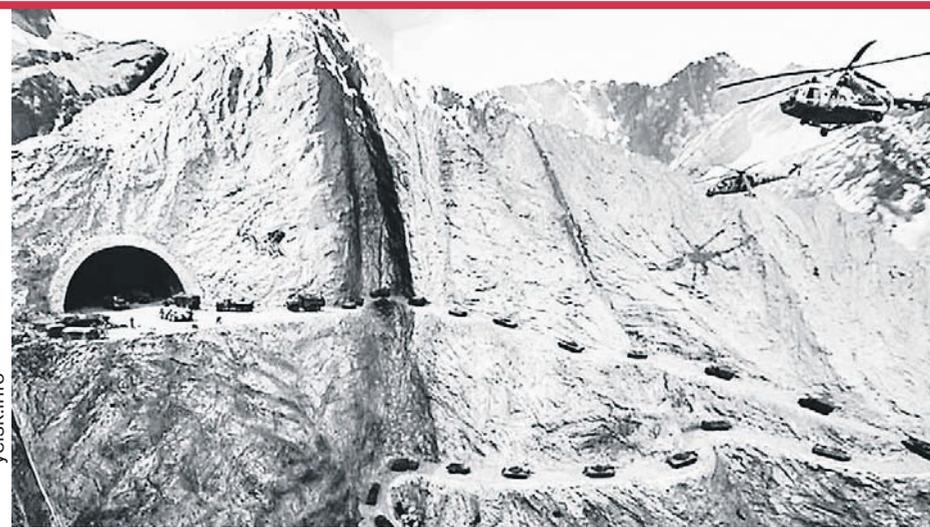
Военные в Москве, включая нового министра обороны Язова, оглядывались на Шеварднадзе и склонялись к тому, чтобы «слегка» нарушить Женевские соглашения. Военные в Кабуле — начальник оперативной группы МО Варенников и командарм Громов — были категорически против этого. Крючков вел свою игру, его люди и лично сам глава внешней разведки приступили к расследованию: кто из офицеров ГРУ имел несчастье контактировать с Масудом («сепаратные переговоры за спиной нашего союзника доктора Наджибуллы»).

Войну трудно начать. Но еще труднее ее закончить

Генералы Варенников и Громов настаивали на соблюдении утвержденного в Женеве графика эвакуации, делали все возможное, чтобы на финише войны избежать лишних жертв как среди наших воинов, так и среди афганцев.

Советских руководителей терзали сомнения: уйдем, и дружественный нам режим сразу накроется, а это грозит большими издержками для политического курса. Отражением таких сомнений стала секретная записка в ПБ за подписью Шеварднадзе, Чебрикова, Яковлева, Язова, Мураховского, Крючкова от 23 января 1989 года. В ней предлагались к рассмотрению пять вариантов действий, включая оставление в ДРА одной советской дивизии, привлечение сил ООН, вывод войск, но с последующей охраной проводки гуманитарных колонн и организацией постов на некоторых магистралях, полный вывод войск к 15 февраля.

На следующий день Политбюро принимает соломоново решение: согласиться с соображениями, изложенными в записке вышеуказанных товарищей. Правда, неясно, с какими именно соображениями оно соглашается. Но в последующих пунктах следуют указания: отправить в Кабул министра обороны Язова, чтобы тот на месте изучил обстановку и оказал помощь афганской армии. Также отправить в Кабул тт. Маслюкова, Гостева и Катусева (первый зам предсовмина, министр финансов, глава госкомитета по внешнеэкономическим связям). Охрану магистрали Кабул—Хайратон организовать на базе исключительно афганских сил, но при этом дать афганцам все, что они просят, — для этого наладить «воз-

Перевал Саланг

душный мост» с привлечением на добровольной основе советских летчиков.

Следующий акт этой драмы был связан с Ахмад Шахом Масудом.

Я уже писал выше, что военная разведка и руководители совпосольства, включая первого замминистра иностранных дел Воронцова, прилагали массу усилий для того, чтобы наладить контакт с этим ключевым игроком афганской оппозиции, сделать его если не союзником, то хотя бы гарантом соблюдения перемирия в ходе вывода войск. Несколько раз они договаривались о встрече с ним, но по какому-то странному стечению обстоятельств именно в последний момент по тем местам, где намечались встречи, армия ДРА наносила мощные ракетно-артиллерийские удары. Только впоследствии выяснилось, что делалось это по приказу афганского президента, ревниво относившегося к своему заклятому врагу.

Ставший недавно министром обороны Д.Т. Язов, прежде никогда не имевший отношения к афганским делам (он командовал Дальневосточным военным округом), беспрепятственно тормозил командарма-40: «Отчего до сих пор не ликвидирован Масуд?» Когда Громов пытался объяснить «отчего», то в ответ министр грубо обрывал его: «Разбейте этого негодяя. Уничтожьте».

К сожалению, прямым виновником случившегося далее надо признать и Э.А. Шеварднадзе, который поддавался уговорам Наджибуллы и тоже настаивал на проведении массированных ударов по позициям Масуда.

Во второй половине января 1989 года, то есть примерно за месяц до окончательного вывода войск, «льву Панджшера» был направлен ультиматум: если тот будет препятствовать выставлению застав правительственных войск в районе Южного Саланга, то против него применят силу. Собственно говоря, реакция Масуда была безразлична, ибо решение о проведении крупной войсковой операции загодя приняли в Москве и согласовали с Кабулом. Она получила кодовое название «Тайфун» и должна была начаться 24 января.

«В район перевала Саланг были стянуты значительные силы советских войск, большое количество огневых средств, в том числе тяжелые огнеметы «Буратино», реактивные системы залпового огня «Ураган», «Град», — рассказывает о тех днях генерал А. Ляховский. — Однако в середине дня 22 января генералу армии В.И. Варенникову из Москвы позвонил министр обороны СССР Д.Т. Язов, приказав начать боевые действия против Масуда на сутки раньше».

Ляховский присутствовал при том разговоре и видел, каких трудов стоило Варенникову сдержаться, не наругать министру. Лишь положив трубку, Валентин Иванович дал волю своим эмоциям. Приказ пришлось выполнять. На кишлаки в районе Саланга, на окрестные горы и ущелья обрушился шквал огня, бомбы сбрасывали даже стратегические бомбардировщики, вылетавшие с советских аэродромов. Конечно, наряду с моджахедами погибло и много мирных жителей.

«Лев Панджшера» в своем письме на имя Ю.М. Воронцова от 26 января с горечью отмечал: «Жестокие и позорные действия, которые ваши люди осуществили... в последние дни своего пребывания в этой стране, уничтожили весь недавно проявившийся оптимизм».

Теперь наши генералы не без оснований ждали от Масуда ответного удара. Но, как это ни покажется странным, лидер моджахедов даже и в этой ситуации остался верен своему обещанию — не стрелять в спину уходившим солдатам в тех районах, которые контролировали его бойцы.

15 февраля последний советский солдат перешел мост, соединявший Союз и Афганистан.

Конечно, по законам драматургии и человеческим законам вернувшихся с долгой войны солдат первым должен был встречать глава государства. И ведь именно он, Горбачев, так последовательно руководил многолетней и многотрудной операцией по возвращению домой. Но тут отчего-то случился сбой: никто из высших руководителей страны в Термез не приехал.

А вывод из этой истории? Пусть каждый делает его сам. Хотя вот что следует сказать абсолютно уверенно: если наше военное вторжение в Афганистан можно считать одним из апофеозов брежневского застоя, то вывод войск — одним из самых значимых символов горбачевской перестройки.

Вместо послесловия

Режим Наджибуллы после ухода ОКСВ, к удивлению московских знатоков, продолжал держаться, успешно отбивал все атаки исламских партизан. И это притом что Запад и Пакистан, в нарушение Женевских соглашений, продолжали активно поддерживать моджахедов деньгами, оружием, боеприпасами. Москва, надо признать, тоже до поры помогала «своим». Но с развалом СССР и крушением системы эта поддержка прекратилась. Силы стали неравными. Весной 1992 года Кабул пал.

Семья президента Наджибуллы сумела укрыться в Индии, а сам он остался в столице и в 1996 году был зверски убит талибами.

Ахмад Шах Масуд после победы моджахедов стал, как ему и предсказывали, министром обороны Афганистана, а затем возглавил так называемый Северный Альянс, силы которого успешно противостояли «Талибану», однако тоже не уцелел: убит неопознанными террористами.

Война в Афганистане все эти годы не прекращалась: сначала моджахеда делили власть между собой, затем их смели талибы, а с 2001

года в игру вступили американцы и силы международной коалиции.

Штаты тоже долго выпутывались из афганской паутины, а в последний период своего более чем 20-летнего присутствия тоже пытались проводить политику наподобие «национального примирения». Однако поддерживаемый ими светский режим в Кабуле был сметен сразу, едва янки покинули Афганистан.

Можно сказать, американцы наступили на те же грабли, что англичане в конце XIX века и Советы в конце XX. Из чего следует, что история никого и ничему не учит.

Через Афганистан за годы войны прошли более 600 тысяч человек. Надо еще раз подчеркнуть: большинство из них честно и стойко выполняли там свой воинский долг. Но ведь давно известно другое: именно та война породила у нас чудовищный всплеск наркомании, нелегальной торговли оружием, ее стыдливо «спрятанный» характер стал причиной многих трещин, разрушавших общественную мораль, доверие к власти и государству.

Военные расходы, а также ресурсы, брошенные на содержание соседнего государства, непосильным бременем легли на нашу экономику, усугубили ее и без того кризисное положение.

Война не решает накопившиеся проблемы, а лишь загоняет их внутрь, а также плодит множество новых. Понесенные жертвы зовут к мщению. На крови нельзя построить счастливое будущее. Жаль, что миг прозрения и понимания этой простой истины был в нашей истории таким коротким.

Владимир Снегирев

ДАЛЕЕ:

12 декабря 1979 года кремлевские старцы приняли секретный документ. Он был официально оформлен как «Постановление ЦК КПСС» за № 176/125. Название было «зашифровано» — «К положению в «А».

Казнённый Наджибулла

Кто начал войну в Афганистане

К ПОЛО- ЖЕНИЮ В «А»

12 декабря 1979 года кремлевские старцы приняли секретный документ. Он был официально оформлен как «Постановление ЦК КПСС» за № 176/125. Название было «зашифровано» — «К положению в «А»

Текст тоже выглядел как шифровка: какие-то «соображения», «мероприятия», о чем это — понять невозможно. К тому же документ этот представляет собой обычный листок бумаги, на котором «постановление ЦК» написано от руки. Известна и рука — она принадлежит Черненко, члену Политбюро и доверенному лицу генсека Брежнева.

Если б не фамилии участников заседания, ответственных за выполнение неизвестно чего, не ссылки на ЦК и Политбюро, то по своей стилистике такой документ вполне можно было бы принять за плод деятельности домкома ЖЭКа или районного совета ветеранов. Однако невинный советский канцелярит о «намеченных мероприятиях» открывал зловещую главу современной истории — введение в Афганистан советских войск, увязнувших там почти на десятилетие, жестокую войну, унесшую жизни и здоровье сотен

тысяч людей, международную катастрофу, ускорившую развал Советского Союза.

Вот этот текст:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Председательствовал тов. Л. И. Брежнев. Присутствовали: Сулов М. А., Гришин В. В., Кириленко А. П., Пельше А. Я., Устинов Д. Ф., Черненко К. У., Андропов Ю. В., Громыко А. А., Тихонов Н. А., Пономарев Б. Н.

К положению в «А» 1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А. Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера. Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить и в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А. 2. Поручить тт.

Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий. Секретарь ЦК Брежнев Л. И. № 997-оп (Л.) П 176/125 от 12/XII.

Кстати, никаким постановлением ЦК этот документ не был. Ведь этот орган в период принятия решения о войне в Афганистане был достаточно многочисленным — 287 членов и 139 кандидатов в члены ЦК.

На самом деле судьбу страны решила группа членов Политбюро, причем именно группа, а даже не Политбюро в полном составе. Документ изначально одобрили лишь пятеро членов ПБ — а именно: Брежнев, Черненко, Андропов, Устинов и Громыко. С остальных «присутствовавших» и остальных членов Политбюро (кроме премьера Косыгина, не одобрявшего вторжение в Афганистан) подписи на этом листке бумаги были взяты потом.

Из кандидатов в члены Политбюро в числе якобы «присутствовавших» фигурирует лишь Борис Пономарев. Попал в эту компанию, видимо, по должности — он был секретарем ЦК и зав. международным отделом, отвечавшим за связи с коммунистическими и рабочими партиями Запада и левыми партиями и движениями стран третьего мира. Понятно, что Народно-демократическая партия Афганистана, осуществлявшая после так называемой «саурской (апрельской) революции» 1978 года прыжок «из феодализма в социализм», проходила по его ведомству.

Докладывала свои «соображения» по поводу «мероприятий» тройка членов ПБ — председатель КГБ Андропов, министр обороны Устинов и министр иностранных дел Громыко. Позже стало известно, что заявленными в этом документе «мероприятиями» на тот момент были формирование и развертывание военной группировки на границе с Афганистаном для последующего вторжения, подготовка агентуры, спецподразделений и спецмероприятий для «работы» в стране и поддержка грядущей акции или хотя бы нейтрализация ее негативных последствий на международной арене.

После принятия этого «Постановления ЦК КПСС» ни сам ЦК, ни Верховный Совет СССР, ни Совет министров введение войск в Афганистан не обсуждали и никаких решений на этот счет не принимали — просто приняли к сведению и к безусловному исполнению. Таким образом, всего 11 человек — 10 членов Политбюро и один кандидат в таковые (а фактически генсек Брежнев и четверо его соратников по ПБ) — решили судьбу огромной державы и вовлекли ее в длительную и кровопролитную войну.

Андрей Липский

На Политбюро 13 ноября 1986 года

«Убираться оттуда надо»

ГОРБАЧЕВ. Интуиция подсказывает — что-то тревожит. Как бы не потерять время! Происходит привыкание. Ну что ж, мол, идет война, всё своим чередом, жизнь идет. «Странная война!» — скоро нам пришлют этот термин.

Наджиб правильно думает: все внимание к крестьянству и консолидировать политическое руководство. <...>

Раз взяли линию, товарищи, ее надо и проводить. Ведь война! Шесть лет уже воюем! Некоторые говорят: если так вести дела, она и 20, и 30 лет может продолжаться. Так и будет!

Но во-первых, это бросает тень на наши военные способности. Наши генералы там плохо учатся. Может, им там развернуться негде?! А ведь есть опыт Анголы, Эфиопии, Мозамбика. Надо учиться. Учились ведь во Вьетнаме... Тут не двинешь корпуса и танковые армады. Надо ключи подбирать к данной войне.

У людей возникает вопрос: мы что — бесконечно там будем сидеть?! Или должны кончать эту войну? Иначе ведь опозоримся во всех отношениях.

Стратегическая цель — в один, максимум два года завершить войну и вывести войска.

ГРОМЫКО (председатель Президиума Верховного Совета СССР) признает, что был недоучет социальных условий и всех других обстоятельств, когда «дали согласие на военную поддержку» Кармалю. Предлагает

обратиться к королю (который в эмиграции в Италии), уговорить американцев на совместные усилия и выйти на Лондон, войти в контакт с Пакистаном.

Ситуация хуже, чем полгода назад. Нельзя больше откладывать. Время — не в нашу пользу.

Цель наша — чтобы Афганистан был не враждебной страной, а нейтральным государством. Из того, что в социальном плане можно сохранить, нужно сохранить. Главное — прекратить войну и вывести войска. Нужно будет — заключим договор и т.д.

ЧЕБРИКОВ (председатель КГБ СССР). Границу по периметру Афганистана не закрыли и вообще не добились всего того, что могли. Душманы изменили тактику. Ушли в подполье. И везде ощетинились.

Военными средствами решения не будет, надо активизировать поиск политических решений. Наджиб ни разу в Москве не был. А с Кармалем пять раз встречались на высшем уровне. Это обстоятельство идет на пользу Кармалю в оппозиции. Надо Наджиба пригласить и с ним все решать.

Мы мешаем ему заменять кадры — вместо того, чтобы решительно сказать, раз мы ему доверяем: делай, как знаешь, как считаешь нужным. <...> Вместо того чтобы думать о главном — как кончить войну, занимаемся мелочовкой.

ГОРБАЧЕВ. Я считал, что мы дали Наджибу такое согласие.

ШЕВАРДНАДЗЕ (министр иностранных дел СССР). Надо кончать войну. И для этого вести переговоры по всем азимутам. Мы должны назвать сроки вывода. Если не скажем, переговоры лопнут.

Наши товарищи — и тут, и там в Афганистане — никак не могут привыкнуть, что имеют дело с суверенным государством. И МИД, и Минобороны, и прочие ведомства к этому не привыкли. Поэтому и не получилось с нашей установкой: пусть Наджиб все сам решает.

Надо дать ему полную свободу действий. И собрать в одном месте нашу ответственность, а то непонятно, кто там главнее — КГБ или армия.

Без полной самостоятельности афганского руководства ничего мы не сделаем.

Нужно Ваше решающее слово, Михаил Сергеевич.

ГОРБАЧЕВ. Мы ясно поставили цель: помочь ускорить процесс, чтобы иметь дружественную нейтральную страну и уйти оттуда.

ДОБРЫНИН (секретарь ЦК КПСС, зав. Международным отделом). Надо провести «афганский Рейкьявик». Дать свободу Наджибу. <...>

ГОРБАЧЕВ. Почему опять так стоит вопрос? Почему вы все этого не делаете? Что? В каком кабинете вынесли решение, которое противоречит решению Политбюро?! Если что не стыкуется, сели бы и поговорили (представители разных ведомств). <...>

И потом: ведь политбюро (НДПА) не поддержало Наджиба с идеей национального примирения. <...>. Но у нас концепция есть. Мы ее на Политбюро утвердили. Нет реализации концепции. (Обращается как бы к Ахромееву.) Влезли — не просчитали, подставили себя по всем линиям. И военную силу не сумели по настоящему применить.

И теперь вот вылезать надо... Надо вылезать!

АХРОМЕЕВ (начальник Генштаба СССР). За семь лет в Афганистане не осталось квадратного киломе-

тра, чтобы там не ступала нога советского солдата. Но стоит ему уйти, как тут же приходит противник и восстанавливает все, как было.

Мы проиграли борьбу. Афганский народ сейчас в своем большинстве – за контрреволюционеров.

Мы проморгали крестьянство, оно от революции ничего не получило.

80 процентов территории страны – в руках контрреволюционеров. И положение крестьян там лучше, чем на государственной территории.

ГОРБАЧЕВ. В соответствии с линией, принятой с октября 1985 года, – ясно поставлена цель: ускорить меры, чтобы иметь дружественную страну, и уйти.

Но все наши действия на всех направлениях – политическом, дипломатическом, экономическом – не дали никакого продвижения. А у Кармаля политика была простая: сидеть и править, а воевать – нам.

В Кабуле запаниковали, когда узнали, что мы собираемся уйти.

Табеева сменили, чтобы дать понять, что ориентируемся на самостоятельность афганцев. А что получилось? Опять все делаем сами. Наши только к этому

приучены. Вяжут Наджиба по рукам и ногам. Словом, реализация концепции идет плохо.

Убираться оттуда надо, оставляя Афганистан дружественной нейтральной страной. Для этого нужна Наджибу социальная база, нужно развертывание масштабной дипломатии и, конечно, укреплять афганскую армию. Ибо для Наджиба и его сторонников это вопрос жизни или смерти, когда уйдем.

Но два пункта надо четко иметь в виду:

В течение двух лет убирать оттуда, выводя по 50 процентов войск за год.

Расширять социальную базу режима, для этого обеспечить реальную расстановку политических сил в руководстве. И пусть они в своем котле варятся со всем своим восточным плюрализмом.

Вести дела со всем составом их политбюро.

Выходить на Кармаля и даже на тех, кто друг друга считает бандитами, хотя таких среди них 80 процентов.

Остро ставить перед ними вопрос о нашем уходе и назвать порядок вывода: 50 процентов в первый год, 50 процентов – во второй.

С Пакистаном вступить в прямые переговоры. Ведь там 3 миллиона убежавших из страны афганцев. Каша может быть. <...>

Мы же не социализма там хотим. И США не полезут прямо туда военной силой, если мы уйдем.

Если в Афганистане не будет американских аэродромов, военных баз и т.п., – тогда что? Пусть с остальным сами афганцы распорядятся.

АХРОМЕЕВ подтверждает, что США войсками в Афганистан не пойдут.

ГОРБАЧЕВ. Поэтому нужны смелые решения и американцев повязывать нашей линией.

В декабре пригласить Наджиба.

На два года создаем группу при Политбюро по Афганистану во главе с Шеварднадзе. Войдут Чебриков, Талызин (председатель Госплана СССР), Мураховский (первый зам. предсовмина, председатель Госагропрома СССР), Соколов (министр обороны СССР), Табеев (посол СССР в Афганистане).

Обращается к **КРЮЧКОВУ** (зам. председателя КГБ): Не ординарное ведь дело убирать войска, раз ввели? Да! Но ведь никто не возражает. Так ведь? Договорились.

Кого снимать за провалы в реализации концепции, так это (как бы в шутку) в первую очередь Мураховского. Вместо того чтобы тетрадки ребятам посылать, он гонит тонны стали, километры рельсов.

Сборник «Отвечая на вызов времени.
Внешняя политика перестройки:
документальные свидетельства».
М., 2010. С. 605-607.

На Политбюро 23 февраля 1987 года

«Войти вошли, а вот как выйти, голова от этого ломится»

ГРОМЫКО. Моджахеды закрепляются. Танки мы применить не можем в горных условиях. Приходится отходить. Положение ухудшается. Полгода больше, полгода меньше (пребывание наших войск) ничего не решает. Если этот раунд переговоров с Кордовесом (специальный представитель генсека ООН по урегулированию положения вокруг Афганистана) ничего не даст, произойдет еще большая консолидация позиции моджахедов. Они закрепятся на захваченных территориях. И может быть, придется соответственно решать вопрос о сроках вывода войск. Повторяю, если соглашение не будет парафировано, положение ухудшится.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Меньше двух лет на вывод нельзя отводить. И каждый день важен для формирования афганской армии. Допускать отступление от договорных сроков вывода войск нельзя. Наджибулла не поймет.

ГРОМЫКО очень шумно говорит о том, что пакистанско-афганскую границу нам все равно не перекрыть и войну надо прекращать. Проблема границ — это ерунда по сравнению с нашей главной целью, а Наджиб упирается. Надо послать нашего представителя на переговоры пакистанцев с Кордовесом, например Крюкова.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Самое главное — не допустить, чтобы режим Наджибуллы рухнул. Это самое главное!

ГОРБАЧЕВ. Ситуация не простая. Войти вошли, а вот как выйти, голова от этого ломится. Можно выйти быстро, не думая ни о чем, и ссылаться на прежнее руководство, которое все затеяло. Но мы так не можем.

Беспокоится Индия, беспокоятся в Африке. Считают, что это будет удар по авторитету Советского Союза в национально-освободительном движении. Если вы побежите из Афганистана, говорят нам, империализм перейдет в наступление.

Но важен и внутренний аспект. Миллион наших солдат прошел через Афганистан. И оказывается, все попусту. Дело не довели до конца. Нам перед своим народом не отчитаться. Скажут: позабыли о жертвах, позабыли об авторитете страны. Горечь вызовет — за что же людей положили?! <...>

Не исключать Америку из договоренности, вплоть до каких-то сделок с американцами. И Пакистан надо тыкать носом, давать понять, что от Советского Союза ему никуда не деться. Может быть, Зия-уль-Хака (президент Пакистана) пригласить в Ташкент на встречу со мной и даже «заплатить» ему чем-то? Нужна гибкость и изворотливость, ибо иначе будет резня и Наджиба сразу скосырнут. Переговоры продолжать, не допустить срыва переговоров. И может быть, придется еще уступить по срокам вывода.

Есть ли сомнения насчет того, что я сейчас сказал? (Голоса: Нет! Нет!)?

Тогда так и будем действовать.

Сборник «Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 613.

На Политбюро 3 марта 1988 года

«Вопрос ребром: выводим!»

ГОРБАЧЕВ. <...> Решили твердо: на первом этапе выводим из Афганистана 50 процентов контингента, остальные пока обороняют Кабул и главные магистрали. На втором этапе надо выводить всех сразу. Ибо не будет возможности обеспечить оборону убывающему числу войск.

Но в принципе вопрос ребром: выводим! Будут вопросы, будут они и у нас в стране. За что боролись? Для чего принесли столько жертв? В «третьем мире» будут вопросы. Они уже идут. На Советский Союз, мол, нельзя положиться: он бросает своих друзей на произвол Соединенных Штатов.

И вот тут надо не дрогнуть. Так что поступать надо так, чтобы беречь авторитет державы и перед своим народом, и перед внешним миром.

Поддержать друзей. Но выводить — и всё! Может быть, придется и Пленум ЦК собрать по этому вопросу.

Хорошо продумать второй вариант: вывод без соглашения в Женеве. Выступить мне по телевидению. Сказать, что выводить будем. Но уверен, мол, что режим удержится. ООН задействовать, вплоть до созыва спецсессии Генассамблеи, или принять решение на Совете Безопасности. Взятый курс надо держать. Да, да, да.

Страна, мир подготовлены к тому, чтобы мы поступили только так. В политике всегда важно не только то, что сделать, но и как и когда сделать.

Сборник «Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М. 2010, с. 634.

На Политбюро 24 января 1989 года

О ЗАВЕРШЕНИИ ВЫВОДА ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА

«Мы обещали своему народу, что похоронок больше не будет!»

ГОРБАЧЕВ. Режим мы не спасем. Мы его уже трансформировали...

<...>

ЧЕБРИКОВ. Я за полный вывод. Порциями: 500-1000-2000 и т.д. — ничего это не дает. И опасно в военном плане.

ЯКОВЛЕВ (секретарь ЦК КПСС). Я за то, чтоб наших там не было! Мы обещали своему народу, что похоронок больше не будет!

РЫЖКОВ (председатель Совета Министров СССР). Будем помогать. Но все делать, чтобы взятую линию довести до конца. Не надо растягивать ошибку, и так уже 10 лет как расхлебываем. Надо выполнять обещание — вывести. Три-четыре месяца продержатся без нас.

Но пусть сами защищают режим.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Я тоже за вывод. Но 10-15 тысяч я бы там оставил. Тем более что надо охранять дорогу, по которой будем выводить весь контингент.

ГОРБАЧЕВ. У наших военных давно аллергия на этот режим. У наших международных в ЦК — тоже. Это их давняя позиция. Те же люди, которые обосновывали ввод, теперь осуждают. Так уж у нас водится!

Капитулянтская позиция — драпать — это несерьезно, неправильно.

Ошибка надо исправлять, но не любым способом. <...>

Не важно, что Наджиб не будет президентом. Думаю, что не будет. Свой опыт нам известен, помним, как у нас вдруг рождались «члены Политбюро», генсеки. Линию принципиальную надо держать и чтоб в их там драчке «наш элемент» не присутствовал больше.

Но мы не можем предстать перед миром в одних трусиках. Есть такое мнение, есть товарищи, которые считают: ну и что?! Не мы же начинали! Это шарахание, недостойное политиков.

Все сделать, чтобы Наджиб продержался, сколько сможет. Моральную ответственность с СССР никто не снимает.

20 дней остается до окончательного вывода. Надо работать и работать по обеспечению вывода. И особенно — кто дорогу будет охранять, когда выходим? Афганцы?..

Сборник «Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М. 2010, с. 653-654.

«Никакая мораль нас не оправдывает. Каждая ЖИЗНЬ — ЭТО ЖИЗНЬ»

Из выступления на встрече с третьей группой секретарей обкомов 18 апреля 1988 года*

ГОРБАЧЕВ (начал с Афганистана). Сколько там потеряли людей — мало, много — это не вопрос статистики. В Великую Отечественную войну иногда теряли в день по 100 тысяч. А тут, может быть, одного. Для страны — «небольшая цифра». Но если твой сын погиб — что тебе до статистики?! Можем мы так рассуждать?!

Восемь лет как мы туда вошли. И они показали, что военного решения нет. Никакая мораль нас не оправдывает. Каждая жизнь — это жизнь.

<...>

Если начнем уходить оттуда, нам скажет кое-кто: такие люди не должны править.

Но раз дело приобретает такой характер и не поймешь, с кем вообще воюем — днем одна власть на какой-то территории, ночью другая, — то приходится принимать единственное решение.

Расходы миллиардные. И ни в какие рамки нашей новой международной политики наша война в Афганистане не вписывается.

Соединенные Штаты очень хотели бы, чтобы мы там завязали — в частности, чтобы преподнести миру: вот, мол, чего стоит советское «новое мышление»!

<...>

Нынешнее руководство не может так рассуждать: не мы вводили войска в Афганистан, половина Политбюро не знала, когда и какое решение принималось. Поэтому и ответственность за эту войну не несем. Речь не об этом. Если каждый член Политбюро будет считать, что он не несет ответственности за предшественников, то мы никогда не разберемся со своим прошлым. Мы обязаны извлекать уроки и понять, что привело к такому решению — водить войска.

Женевское соглашение** подписано. Мы его добивались. Оно важно и для урегулирования политического кризиса, когда мы уйдем. Надо думать о стране, о народе, о тех, кто там воевал. Полтора миллиона наших солдат прошло через Афганистан.

Соглашение есть, повороты в развитии ситуации могут быть. Но нарушать соглашение мы себе не позволим, да еще перед лицом всего мира.

На чудо мы не надеемся. Если при нас там идет междоусобная борьба — кто больше власти отхватит, — то что будет после нас! Нам не нужен просоветский

режим в Афганистане. И такой, какой сейчас, мы вряд ли сохраним.

Меры все будем принимать, чтобы как-то помочь сбалансировать интересы враждующих групп, — политические, дипломатические, экономические.

Правительство там должно заявить об опоре на Женевское соглашение.

Думаю, это реальное дело.

Шульц приедет — будем с ним говорить. Для США — это оселок: можем ли мы (СССР) с вами (с этой администрацией) иметь дело или нет?

На Ближнем Востоке американцы больше нас заинтересованы в урегулировании. Этим мы можем воспользоваться по проблеме Афганистана.

Все может пойти под откос. Так что надо учитывать и возможность худшего варианта. <...> Хотя и там народ устал. Пять миллионов беженцев...

Сборник «Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М. 2010, с. 642-643.

Примечание:

* В апреле 1988 года Горбачев провел три встречи с секретарями обкомов КПСС.

** Имеются в виду подписанные 14 апреля соглашения между Афганистаном, СССР и Пакистаном, предусматривавшие вывод из Афганистана войск СССР, а также документы по политическому урегулированию положения в ДРА.

Архивное фото

ДАЛЕЕ:

Афганистан
и его уроки

Текст статьи, подготовленной
М.С. Горбачевым к 10-летию вывода
советских войск из Афганистана (1999 г.)

«Ввод войск в Афганистан был ошибкой»

Текст статьи, подготовленной
М.С. Горбачевым к 10-летию вывода
советских войск из Афганистана (1999 г.)

Афганистан и его уроки

15

февраля исполняется 10 лет завершения вывода советских войск из Афганистана. О многом

вспоминается в связи с этой годовщиной.

Трагическая страница недавней истории нашей страны напоминает о том, как велика ответственность политиков, которые принимают решения, затрагивающие судьбы миллионов людей.

Ввод войск в Афганистан был ошибкой. Решение было принято узкой группой членов советского руководства: его подписали лишь пять из двенадцати членов Политбюро. Остальные присоединились потом, когда войска уже были введены. Мнением же членов руководства, не входивших в состав Политбюро (в их числе был и я), вообще никто не поинтересовался.

«Волевым решением» небольшой группы людей обернулось огромной бедой: гибель многих тысяч людей, тяжелый удар по международным позициям страны, непонимание, с которым отнеслись к вводу войск даже наши друзья. Обществу был нанесен тяжелый моральный психологический урон.

Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, я с самого начала поставил задачу прекращения войны в Афганистане, вывода наших войск. Но решить ее оказалось не просто. Мы не могли

допустить, чтобы наш уход превратился в бегство под улюлюкание всего мира. Нельзя было все в одночасье бросить.

Наши военные предупреждали: вывод войск может оказаться опаснее и принести больше жертв, чем их ввод в Афганистан.

Процесс, начатый с вывода пяти полков в середине 1986 года, удалось завершить лишь через три года. Реальная возможность ускорить его появилась после смены в Кабуле руководства. Новый лидер Афганистана Наджибулла занял, в отличие от Кармаля, реалистическую позицию, выдвинул лозунг национального примирения и, пусть не сразу, но все же осознал неизбежность вывода советских войск. Я воздаю должное роли этого человека, жизнь которого впоследствии так трагически оборвалась.

После того как в начале 1987 года было принято принципиальное политическое решение о выводе войск в течение двух лет, была проведена огромная работа — подготовка войск к организованному уходу, активная работа с афганцами, причем не только с кабульским руководством, но и с оппозицией, консультации с США, Пакистаном, Ираном. Дело осложнялось тем, что настоящего доверия в отношениях с Соединенными Штатами Америки, Китаем, да и с другими странами тогда еще не было. Нельзя не вспомнить, что особенно на заключительном этапе некоторые члены политического руководства СССР и дипломаты проявили колебания, предлагали оставить небольшой контингент войск. И тем не менее мы смогли твердо и последовательно реализовать взятую линию на их полный вывод из Афганистана.

Должен сказать, что ни тогда, ни потом у меня не возникало сомнений, что мы действуем правильно. Мы исходили из принципа невмешательства во внутренние дела и свободы выбора. Мы выполнили свой долг и перед своим народом, и перед международным сообществом, сделали все возможное, чтобы снизить негативные последствия принятого в свое время рокового решения.

Через Афганистан прошли более миллиона наших солдат и офицеров.

Тысячи из них погибли в этой необъявленной войне, и это останется болью их родных и близких, нашей общей болью. Многие из вернувшихся лишились здоровья, возможности полноценного труда. Общество обязано проявлять уважение к ним, а государство — постоянную заботу, даже (и особенно!) в нынешнее трудное время.

Очень важно, чтобы и Россия, и международное сообщество извлекли уроки из того, что произошло в те годы. Пока этого не сделано.

Свидетельство тому — конфликты, полыхающие во многих регионах. Нередко политики бездействуют, а потом хватаются за оружие, несущее смерть и разрушение.

За афганской трагедией последовали трагедии в бывшей Югославии, в Чечне, на африканском континенте, продолжаются страдания народа Ирака.

Необходима реальная демократизация международных отношений, усиление роли ООН и других международных организаций, превентивная политика недопущения конфликтов, их пресечения в самом начале. Уверен, что Россия, выйдя из кризиса и преодолев авторитарный характер нынешнего режима, сможет внести достойный вклад в строительство новых международных отношений.

Михаил Горбачев

ДАЛЕЕ:

Катастрофический провал

Последствия афганской авантюры для интересов СССР на мировой арене

Катастро- фичес- кий провал

Последствия афганской
авантюры для интересов
СССР на мировой арене

Андрей

Рябов

Если посмотреть на мировую политику конца 70-х годов XX века с высоты нашего времени, то может показаться, что к исходу десятилетия (и накануне прямого ввода советских войск в Афганистан) баланс сил в мире между советским социализмом и мировым капитализмом стал меняться в пользу СССР.

Головокружение от успехов

Росло влияние Советского Союза в тогдашнем «третьем мире». Все больше и больше стран заявляли о приверженности «социалистической ориентации» и в той или иной степени марксизму-ленинизму, недвусмысленно рассчитывая на помощь Советского Союза в строительстве самого справедливого общества на земле. В 1975 году, потерпев поражение во Вьетнаме, американцы окончательно ушли с территории бывшего Французского Индокитая. Вьетнам вскоре объединился под властью Коммунистической партии и стал верным со-

юзником Советского Союза в Юго-Восточной Азии. А в январе 1979 года вьетнамские войска свергли прокитайский режим Пол Пота в соседней Камбодже. Весь бывший Французский Индокитай оказался таким образом в зоне советского влияния. А в феврале при поддержке СССР Вьетнаму удалось отразить китайскую агрессию, в решающей степени обусловленную обидой на Ханой за свержение Пол Пота. В итоге союзнические советско-вьетнамские отношения еще больше укрепились.

В 1975 году пала последняя колониальная империя — португальская. За влияние в бывших колониях Португалии, ставших независимыми государствами, развернулась ожесточенная борьба. Особенно острый характер она приобрела в Анголе. Но и там в итоге просоветское движение МПЛА при поддержке СССР и Кубы одержало верх над сторонниками прозападной ориентации из группировок ФНЛА и УНИТА, которым активно помогали США и ЮАР.

В 1977 году в крупнейшей стране Восточной Африки — Эфиопии — власть захватил подполковник Менгисту Хайле Мариам, провозгласивший себя «марксистом-ленинцем» и сделавший это государство союзником и клиентом Советского Союза. За тираническое правление его прозвали «красным негусом» — то есть «красным императором».

На другом конце планеты — в Центральной Америке, в Никарагуа, была свергнута диктатура клана Сомоса — одна из старейших на

континенте. К власти пришли тамошние марксисты — братья Даниель и Умберто Ортега, опиравшиеся на поддержку Кубы и Советского Союза.

У советского руководства были основания с оптимизмом смотреть в будущее на противостояние двух мировых систем, основываясь не только на революционных процессах в развивающихся странах. Складывалось впечатление, что баланс сил в пользу левых начал меняться и в странах капитализма. В Италии в 1976 году компартия достигла самого крупного успеха за всю историю парламентских выборов в этой стране, получив 34,4% голосов и лишь немного отстав от победителя — Христианско-демократической партии (38%). На выборах президента страны летом 1978 года вплоть до 15-го тура лидировал представитель компартии Джорджо Амендола. Лишь в последнем, 16-м туре в результате компромисса между парламентскими партиями коммунисты согласились поддержать другого кандидата, представителя иной левой партии — социалистов — Сандро Пертини, который и стал новым президентом Италии.

В Португалии, сбросившей в 1974 году право-авторитарный режим, компартия через свое влияние на близких к ней военных вплоть до лета 1975-го продвигала страну все дальше и дальше влево в направлении социалистических преобразований... И только сдержанная позиция советского руководства уберегла

СССР от вмешательства в революционный процесс в стране, находившейся в глубоком тылу НАТО. К тому времени уже был подписан Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, провозгласивший недопустимость вмешательства во внутренние дела других государств. Оба противостоящих блока и их лидеры — СССР и США твердо придерживались этого принципа в отношениях между двумя системами — капитализма и социализма. Их соперничество «сдвигалось» в «третий мир».

Глядя на все эти процессы, разворачивавшиеся, кстати, на фоне начавшегося советско-американского сотрудничества в космосе, высшей точкой которого стали стыковка и совместный полет космических кораблей «Союз» и «Аполлон» в июле 1975 года, у многих в СССР могло возникнуть «головокружение от успехов». Не обошло оно и как минимум часть высшего руководства. Казалось, что политика мирного сосуществования, которую КПСС рассматривала как новую форму классовой борьбы, полностью себя оправдывает. Она, мол, ведет к дальнейшему ослаблению мирового капитализма, который, не выдерживая соревнования с социалистической системой, шаг за шагом сдает позиции...

Так казалось и некоторым влиятельным членам Политбюро ЦК. Поэтому в Кремле и на Старой площади с оптимизмом отнеслись к государственному перевороту в Афганистане, когда группа просоветски настроенных интеллектуалов и военных в апреле 1978 года свергла президента Мохаммада Дауда, кстати, вполне лояльного Советскому Союзу. Когда же «народная революция» с ее идеями и практикой кардинального переустройства традиционного афганского общества столкнулась с яростным сопротивлением этого общества, с кровавыми дрязгами в рядах самих победивших революционеров, у влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС возник соблазн — поддержать зашатавшийся революционный режим советской военной мощью. Как в Венгрии в 1956-м, в Чехословакии в 1968-м. На кону были геополитические планы продвижения к Индийскому океану, расширение зоны «социалистической ориентации» в мире, рост авторитета среди развивающихся стран. И была явная переоценка собственных сил и недооценка мирового капитализма, который, казалось, обречен на вечное отступление. Точка наивысшего могущества в дальнейшем оказалась началом процесса постепенного ослабления и дальнейшего упадка советской сверхдержавы.

Продолжение
материала
Андрея **Рябова**

Катастро- фичес- кий провал

Ни шагу назад!

Но в Вашингтоне, как и в целом, как это сейчас принято говорить, на «коллективном Западе», ввод советских войск в Афганистан восприняли по-иному. Там твердо решили, что отступить дальше нельзя, и стали думать, какие меры нужно предпринимать, чтобы нанести максимальный ущерб Советскому Союзу — политический, военный, гуманитарный, идеологический. Разумеется, эти меры должны были оказаться очень болезненными для СССР.

Прежде всего на Западе пришли к выводу о том, что политика разрядки себя не оправдала и от нее нужно отказываться. Ввод войск СССР в Афганистан, ставший для Запада знаком опасного расширения «советской экспансии», привел к резкому изменению настроений в США

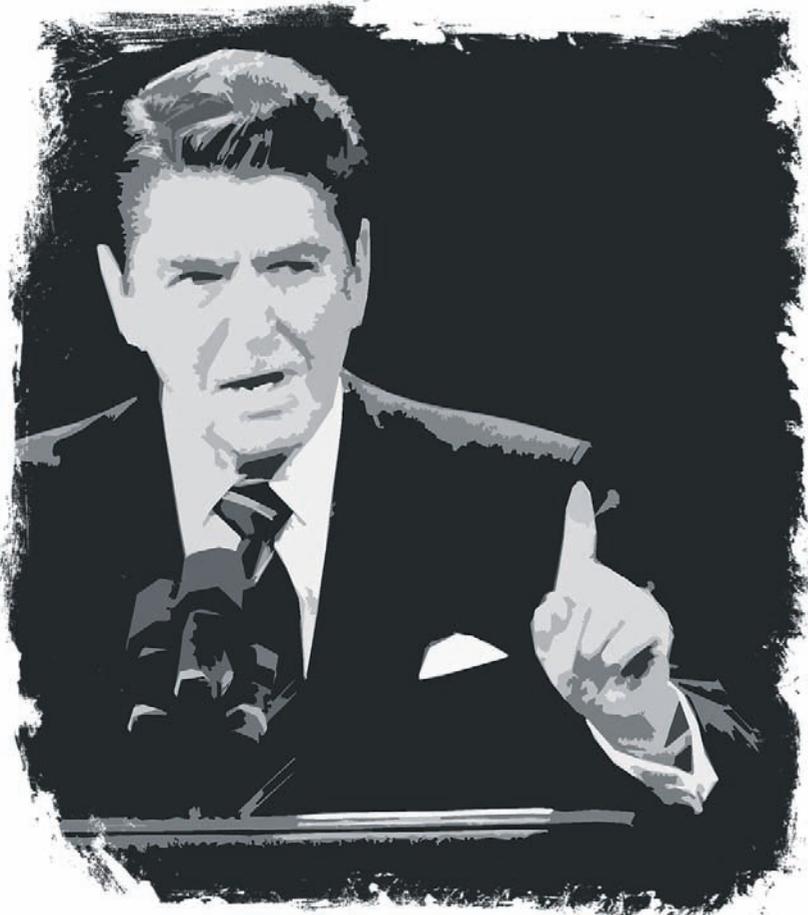
и в странах-союзниках, причем как в широких общественных слоях, так и в элитах. Вместо мирного соревнования двух систем, ограничения стратегических вооружений и договоренностей по ПРО, расширения культурного сотрудничества возобладали совершенно иные идеи — жесткого сдерживания коммунизма по

всей планете. Именно на волне таких настроений в ноябре 1980 года новым президентом США был избран консерватор Рональд Рейган, провозгласивший впоследствии крестовый поход против коммунизма и объявивший Советский Союз «империей зла». Он сменил в Белом доме демократа Джимми Картера, поставившего во главу угла внешней политики США борьбу за права человека в мире и в новых условиях казавшегося слишком мягкотелым, нерешительным. Хотя уже при Картере в ответ на действия СССР важнейший международный договор — Об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) — был снят с рассмотрения в сенате США.

Разумеется, нельзя объяснять новый виток холодной войны, случившийся в годы президентства Рейгана, — только лишь реакцией на ввод советских

войск в Афганистан. Все конкретные действия администрации США, предпринятые в рамках стратегии сдерживания коммунизма, — размещение ракет средней дальности «Першингов» и «Томагавков» в Западной Европе; провозглашение программы «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ), названной журналистами программой «звездных войн»; свержение в результате прямой военной интервенции прокубинского марксистского режима в маленьком карибском государстве Гренада; поддержка вооруженных антикоммунистических групп и движений по всему свету, включая, конечно же, Афганистан; наконец, учения НАТО «Опытный лучник-83» в ноябре 1983 года, весьма вероятным итогом которых, как полагали тогда в Кремле, мог стать ядерный удар по Советскому Союзу, — все они имели собственные причины и логику осуществления. Но нельзя при этом не признать, что советский военный поход в Афганистан внес решающий вклад в решение американского руководства и его союзников об отказе от прежней политики и переходе к жесткому противостоянию с СССР на грани ядерной войны. В конечном итоге, после интервенции в Чехословакию в 1968 году, в период разрядки 70-х не было фактов прямого советского военного вмешательства в вооруженные конфликты на территории других стран. Были инструкторы, советники. Но в основном воевали вьетнамцы, кубинцы, эфиопы, ангольцы.

Что же касается Афганистана, то в советских действиях в Вашингтоне узрели перспективу прорыва СССР к Индийскому океану с угрозой основным морским коммуникациям, по которым нефть из монархий Персидского залива поступала в США. Поэтому в Белом доме такую перспективу сочли недопустимой.

“

...ввод войск в Афганистан способствовал еще большему расшатыванию как социалистической системы, так и коммунистического движения

”

Новый этап холодной войны потребовал от СССР отвлечения значительных ресурсов на военные цели. Хронологически это совпало с начавшимся в 1986 году падением мировых цен на нефть, которое вместе с резко возросшими военными расходами ускорило кризис советской экономики.

Осложнения с исламским миром

По вполне понятным причинам ввод советских войск в Афганистан вызвал резкую реакцию в странах исламского мира еще до того, как вооруженное сопротивление советским войскам

приобрело организованные формы. Ведь он был воспринят в мусульманских государствах как покушение безбожников-коммунистов на традиционные исламские устои афганского общества. Поэтому уже в январе 1980 года на чрезвычайной встрече Организации «Исламская конференция», состоявшейся в пакистанской столице Исламабаде по инициативе Пакистана и Саудовской Аравии, ее участники осудили «советскую военную агрессию против афганского народа». Эта встреча открыла путь к прямой материальной и военной поддержке афганского сопротивления со стороны ряда государств мусульманского мира. Некоторые страны оказывали прямую помощь (Пакистан, Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет) моджахедам, другие — не препятствовали соотечественникам в качестве добровольцев и наемников в их

стремлении повоевать в защиту ислама. И хотя вооруженные группировки, вступившие в войну с советскими войсками, придерживались разных политических доктрин и трактовок ислама, война в Афганистане придала мощный импульс превращению исламского фундаментализма и радикализма в мощное явление международного масштаба. Несмотря на то что среди специалистов по международным отношениям принято считать, что событием, с которого начался подъем исламского фундаментализма как фактора мировой политики, явилась антишахская революция в Иране, настоящим полигоном для радикалов и террористов стала война против советских войск в Афганистане. Не случайно, что первый боевой опыт будущий террорист № 1 в мире саудит Усама бен Ладен получил именно в Афганистане. Уже потом он распространил свою активность на другие страны и регионы.

Кстати, по поводу реакции Ирана в Москве также был допущен просчет. В Кремле, судя по всему, полагали, что раз уж антишахская революция в этой стране была направлена против доминирования США на Ближнем Востоке — и, шире, во всем исламском мире, — то и отношение новых властей в Тегеране к событиям в соседнем Афганистане, где столкнулись интересы СССР и США, будет как минимум сдержанным.

Окончание
материала
Андрея **Рябова**

Катастро- фичес- кий провал

Поначалу иранское руководство так себя и вело. Возможно, полагая, что советским войскам удастся быстро взять под контроль мятежную страну. Но не исключено, что для аятоллы Хомейни и его сторонников, в 80-м году еще ожесточенно боровшихся за установление монополии на власть с оппонентами из числа других антишахских сил (прозападных либералов, леворадикальных и марксистских вооруженных группировок), Афганистан еще не относился к числу внешнеполитических приоритетов. Но так или иначе, уже через несколько месяцев после ввода советских войск власти Ирана перешли к прямой поддержке повстанцев-шиитов, боровшихся против войск СССР и просоветского режима в Кабуле.

Удар по авторитету

Для Советского Союза, привыкшего считать себя самой передовой силой современности и мировым воплощением идей добра, очень болезненным явилось международное осу-

ждение его действий в Афганистане, ставшее мощным ударом по репутации и образу в мире. Собравшаяся в январе 1980 года чрезвычайная сессия Генеральной ассамблеи ООН выразила сожаление по поводу вооруженной интервенции в Афганистане и призвала к «немедленному, безусловному и полному выводу иностранных войск» из страны. За эту резолюцию проголосовали 104 страны, против — только 18 (Советский Союз и его ближайшие союзники и друзья). Осуждение ввода советских войск в Афганистан с трибуны ООН явилось не только успехом американской дипломатии, но и отражало реакцию общественного мнения в разных уголках планеты на это событие, оценившего действия СССР как агрессию против суверенной страны. Это сильно подрывало многолетние утверждения советской пропаганды и дипломатии об исключительно миролюбивом характере внешней политики первой в мире страны социализма.

В такой обстановке руководство Советского Союза возлагало большие надежды на проведение в Москве XXII летних Олимпийских игр в июле—августе 1980 года. В СССР международные спортивные состязания всегда рассматривали как инструмент политики. Вот и Олимпиаду, кстати, впервые в истории проходившую в социалистической стране, расценивали как прекрасную возможность еще раз продемонстрировать всему миру преимущества социализма, олицетворенные в победах спортсменов из СССР и его государств-союзников. Одновременно хотелось представить Олимпийские игры как праздник всех прогрессивных сил, разумеется, во главе с Советским Союзом, выступающих за мир, дружбу и сотрудничество между народами разных стран.

Steve POWELL / Allsport / Getty Images

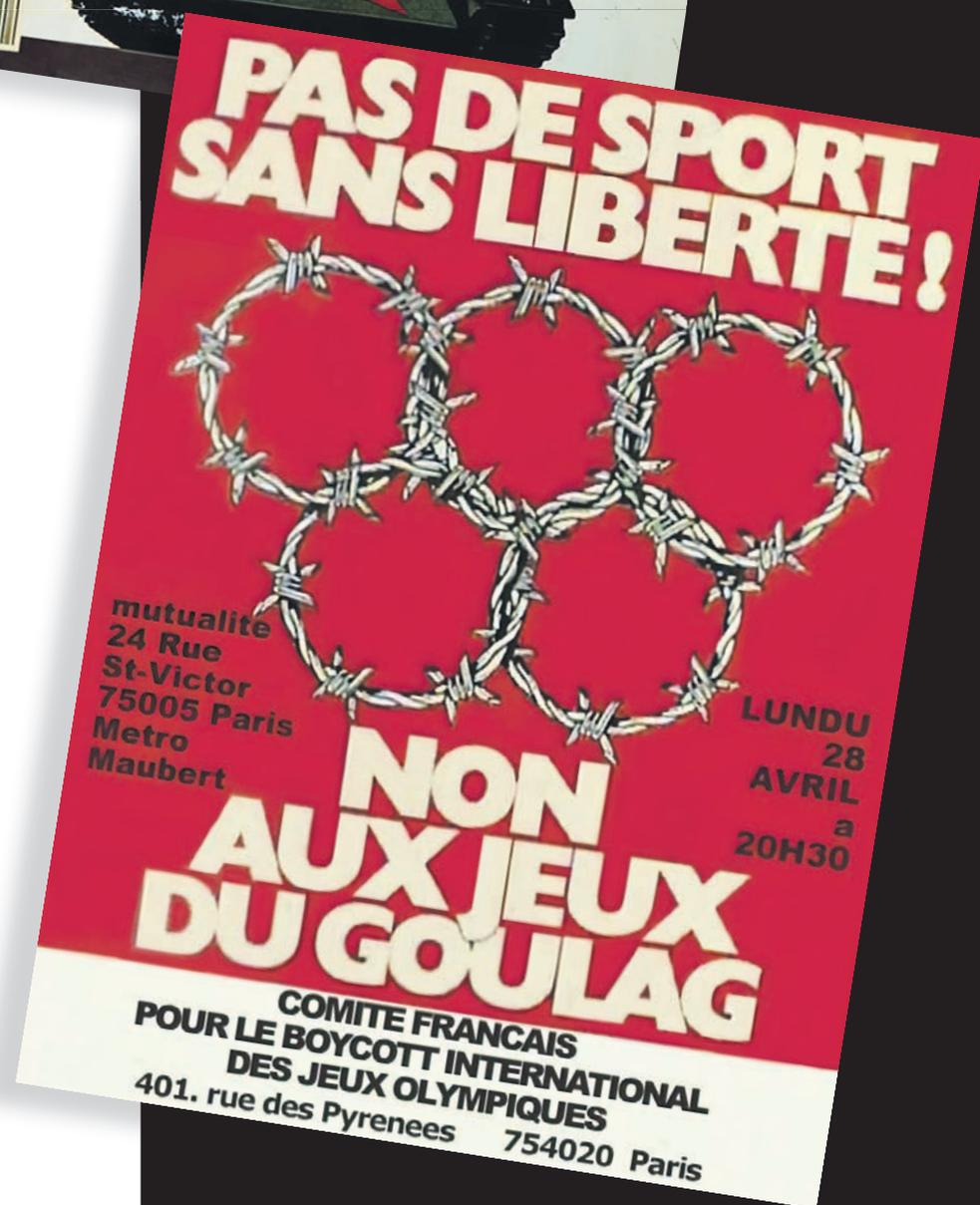
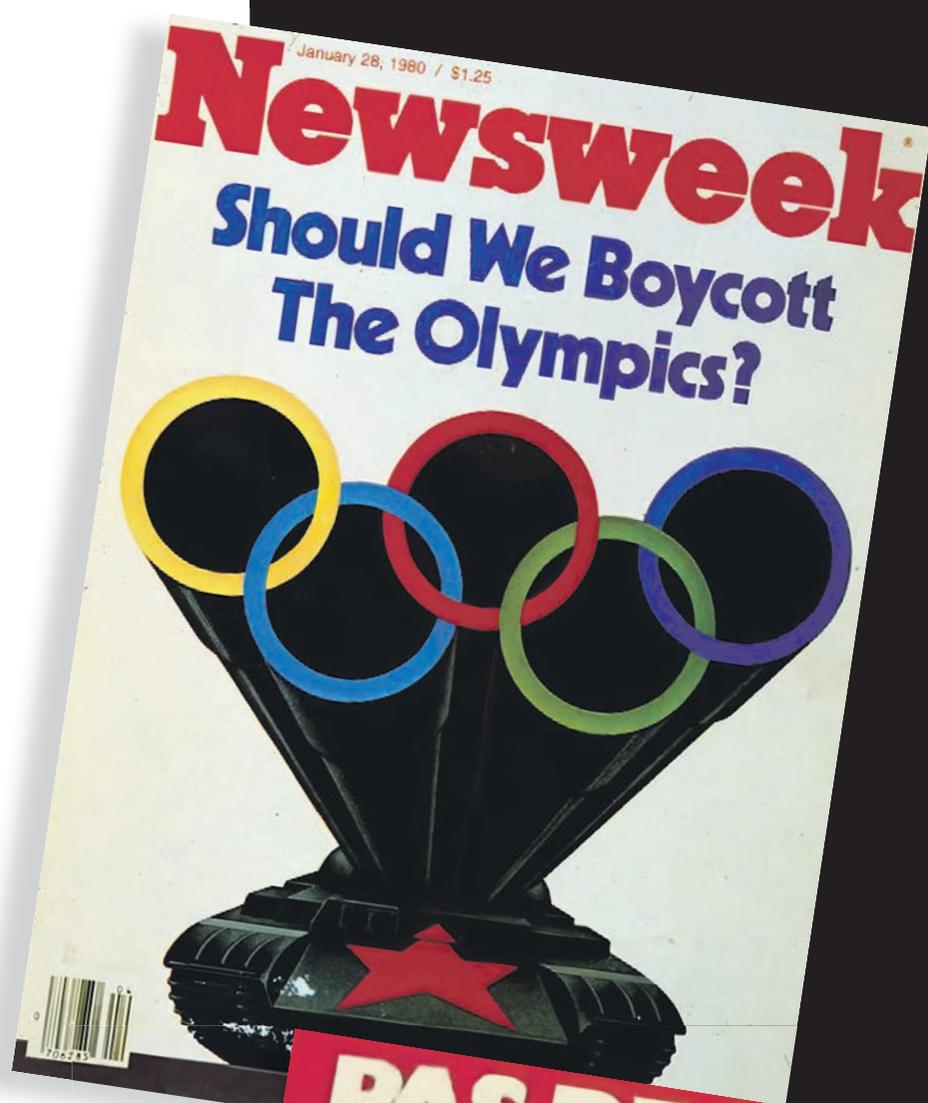
Однако праздника, по крайней мере, в тех масштабах, в которых он планировался, не случилось. Администрация «мягкотелого» президента Картера организовала мощную кампанию по бойкоту Игр, намереваясь нанести болезненный удар по самолюбию советского руководства, претензиям СССР на лидерство в гуманитарной сфере. В результате 65 стран, включая такие мощные спортивные державы, как США, ФРГ и Китай, вообще не прислали своих спортсменов на Игры. От 15 западных стран атлеты приехали только в личном качестве.

Следует отметить, что после осуждения большинством стран советских действий в Афганистане в международной политике Советскому Союзу стало гораздо труднее позиционировать себя в качестве лидера международного движения сторонников мира и главной прогрессивной силы человеческой цивилизации. Во внешней политике Кремлю вновь пришлось делать основной акцент не на идее объединения, а, напротив, на расколе, на классово-борьбе и антиимпериалистической солидарности. Однако и в стане стран социализма, международного коммунистического движения единства и консолидации по отношению к афганской проблеме не получилось. Китай и Албания осудили советские действия. КНР к тому же стала оказывать силам афганского сопротивления военную поддержку. Против ввода войск в Афганистан выступили Югославия, Румыния и КНДР. А лидеры Польши, Венгрии и ГДР в частном порядке высказали советскому руководству мнение, что ввод войск в Афганистан был ошибкой. С осуждением советской позиции выступили крупнейшие в странах Запада коммунистические партии Италии, Испании, Японии. После некоторых колебаний и сложных маневров к этой позиции присоединилась и французская компартия. Иными словами, ввод войск в Афганистан способствовал еще большему расшатыванию как социалистической системы, так и коммунистического движения.

Заключение

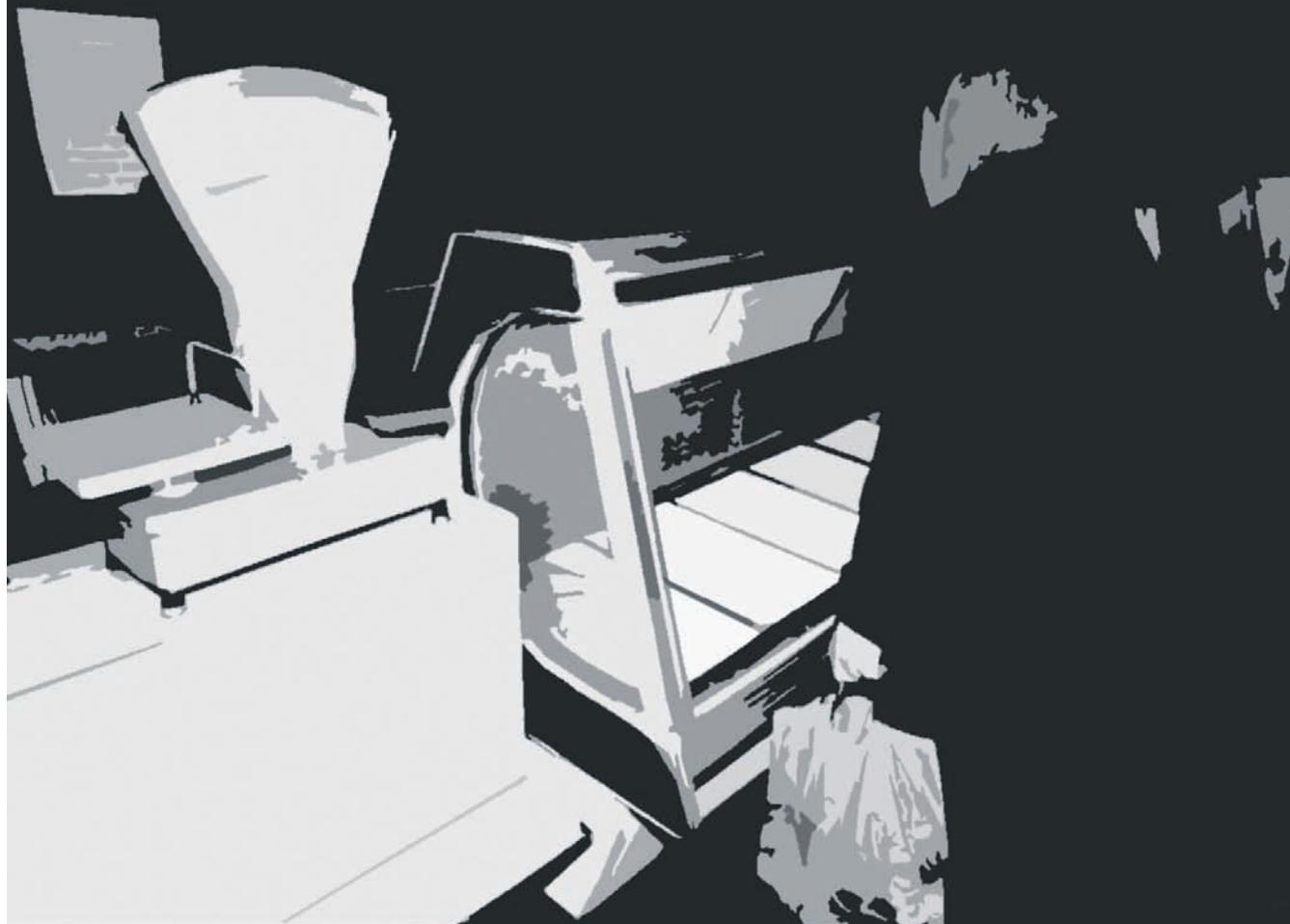
Итак, вместо усиления своих позиций в борьбе за мировое лидерство, в социалистическом лагере, в международном коммунистическом движении, в развивающихся странах Советский Союз в результате вооруженного вмешательства в Афганистане получил лишь дополнительные проблемы по всем этим направлениям, что в конечном итоге лишь ослабило его глобальную роль. Момент, казавшийся часом «расцвета», на самом деле открыл путь к закату.

Андрей Рябов

Не критично, но очень больно

Как отреагировали на войну в Афганистане советская экономика и общество

Дмитрий

Прокофьев

28

января 1980 года заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС

Анатолий Черняев (человек, входивший в политическую элиту СССР, допущенный к высоким секретам и участвовавший в определении внешнеполитического курса, будущий помощник М.С. Горбачева) записал в своем дневнике¹:

«Вернемся к Афганистану. Вся наша (отдельская) работа проходит «под знаком» этого события. Изводимся, выламываем мозги, хотя ясно, что поправить уже ничего нельзя... В историю социализма вписана еще одна точка отсчета.

Картер лишил нас 17 млн тонн зерна (в Москве сразу же исчезла мука и макароны), запретил всякий прочий экспорт, закрыл всякие переговоры и визиты, потребовал отмены Олимпиады (сегодня НОК США согласился с мнением Картера... Что теперь скажет МОК?). Тэтчер проделала с нами то же самое.

Португалия запретила нам ловлю рыбы в ее 200-мильной зоне, как и США — у себя, снизив нам квоту вылова с 450 000 тонн до 75 000 тонн. Это же проделали Канада и Австралия.

Почти все страны Запада (за исключением Франции) сократили уровень и объем всяких обменов и визитов. Запрещены всякие планировавшиеся выставки и гастроли («Эрмитажа» в США, «Большого» — в Норвегии и проч.). Австралия закрыла заход нашим антарктическим судам в ее порты. Вчера нас осудила Исламская конференция (т.е. все мусульманские государства, кроме Сирии, Ливии, Алжира и самого Афганистана)... Нас осудил Европарламент, социал-демократические партии, профсоюзные центры. <...> А что делается в печати, на телевидении и радио — трудно было даже вообразить...

Банки закрыли нам кредиты. У меня был разговор с зам. председателя Госбанка Ивановым. Он рассказал, что не только американские, но и другие банки либо начисто отказываются давать займы на оплату прежних долгов (благодаря чему мы уже много лет выходили из положения), либо почти на 1/3 взвинчивают проценты. У Тихонова,

¹ https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Chernyaev/1980.pdf

который заменяет Косыгина, состоялось, мол, совещание по этому поводу. Докладывали в ЦК. Положение такое, что придется отказаться платить по прежним кредитам. А это объявление о банкротстве, со всеми вытекающими...»

«Картер лишил нас 17 млн тонн зерна...»

4 января 1980 года, практически сразу после ввода советских войск в Афганистан, начавшегося 25 декабря 1979 года, президент США Джимми Картер обратился в ООН с требованием осудить действия СССР в Афганистане.

«Советы фальшиво утверждают, что они были приглашены в Афганистан помочь защитить страну от безымянной внешней угрозы. <...> Это вторжение само по себе представляет крайне серьезную угрозу миру — ввиду опасности дальнейшей советской экспансии в соседние страны Южной Азии. <...> Афганистан, оккупированный Советами, угрожает Ирану и Пакистану. <...> Ни США, ни другие нации, заинтересованные в мире и стабильности, не могут продолжать иметь дело с СССР, как обычно...»²

В тот же день Дж. Картер выступил по телевидению с речью, в которой обозначил основные

² Special // Department of State Bulletin. 1980. Vol. 80. № 2034.

направления санкций в отношении торгово-экономических контактов СССР:

«В связи с советским вторжением. <...> Большинство культурных и экономических обменов <...> будет также отложено. Торговля с Советским Союзом будет строго ограничена. Я решил прекратить или сократить экспорт в Советский Союз товаров, которые наиболее важны для него. Эта новая политика будет согласована с нашими союзниками <...> Привилегии Советскому Союзу в рыболовстве в водах США будут существенно сокращены. 17 млн т зерна, запрошенных Советским Союзом сверх того количества, которое мы обязаны поставить, проданы не будут...»³

Насколько существенными были последствия санкций, объявленных правительством США? Для СССР последствия уменьшения торговли с США были ощутимы, т.к. объемы советско-американских торговых отношений и импорта-экспорта значительно возросли начиная с 1971 года (так, американский импорт в СССР вырос с \$72 млн в 1971 году до \$540 млн в 1979 году)⁴.

Теперь объем советско-американской торговли значительно сократился. Наиболее значительным из числа экономических санкций стало эмбарго на продажу 17 млн тонн зерна в Советский Союз (известно как «зерновое эмбарго»).

Необходимо помнить, что в 1980-х годах XX века на закупки Советского Союза приходилось более 15% мирового импорта зерна. Эти закупки, составлявшие в 1970 году 2,2 млн тонн, к 1982 году возросли до 29,4 млн тонн и достигли максимума (46 млн тонн) к 1984 году.

К середине 1980-х годов каждая третья тонна хлебопродуктов производилась из импортного зерна. На зерновом импорте базировалось производство животноводческой продукции. СССР был вынужден заключать долгосрочные соглашения о поставках зерна, взять обязательства ежегодно закупать не менее 9 млн тонн в США, 5 млн — в Канаде, 4 млн — в Аргентине, 1,5 млн тонн — в Китае. Таким образом, «17 миллионов тонн зерна», которые «заблокировал» Картер, составляли 40% советского импорта.

На неделе, следующей после объявления эмбарго, президент Дж. Картер провел в Вашингтоне встречу представителей ведущих

³ Special. Afghanistan // Department of State Bulletin. 1980. Vol. 80. № 2034.

⁴ Export Administration Annual Report F. Y. U.S. // Department of Commerce, International Trade Administration.

Washington, 1980. 400 p.

стран — экспортеров зерна с целью убедить их не осуществлять поставки зерна в СССР. 10 января 1980 года в Бюллетене Госдепартамента США было опубликовано совместное заявление по итогам этой встречи, в котором американские союзники высказались в поддержку зернового эмбарго и обязались не продавать зерно в СССР⁵.

Из-за отмены разрешения на лов рыбы в американских территориальных водах Советский Союз терял приблизительно 75 тыс. тонн рыбы в год. 8 января 1980 года была запрещена выдача лицензий на продажу в СССР высоких технологий, а те технологии, лицензии на продажу которых были выданы ранее (общей суммой на 150 млн долл.), запрещались к продаже⁶. Запрет на экспорт высоких технологий (к нему присоединились некоторые страны Западной Европы и Япония) стал довольно чувствительным для советской экономики: она многое черпала из этих технологий, в частности, в области военных разработок.

В январе 1980 года сенатор Уильям Проксмайр представил в сенате конгресса США доклад «Воздействие на Советский Союз зернового эмбарго и других экономических санкций», в котором доказывал, что зерновое эмбарго и

“

...из-за неурожая и прекращения американских поставок пшеницы решено было сократить производство водки

”

запрет на продажу высоких технологий в совокупности могут нанести значительный ущерб экономике Советского Союза. Автор доклада подчеркивал, что эти меры вряд ли заставят СССР уйти из Афганистана, но «взвоят на его экономику тяжелую ношу»⁷.

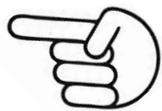
Насколько тяжелой?

⁵ Current Actions // Department of State Bulletin. 1980. Vol. 80. № 2034. P. 66

⁶ Technology Transfers to USSR // Department of State Bulletin. 1980. Vol. 80. № 2036. P. 52.

⁷ The Effects of the Soviet Union of a Grain Embargo and Other Economic Sanctions // Congressional Records. 1980. Vol. 126. № 11.

Не критично, но очень больно

Для ответа на этот вопрос обратимся к свидетельству Анатолия Черняева (запись от 1 марта 1980 года)¹: «Меры Картера оказались очень чувствительны. Обкомам запрещено «допустить» убой скота. Но мяса от этого не прибавится: будут сдавать полудохлый истощенный скот...

Нормы доведены до смешного: на 1981 год Ростову-на-Дону планируется мяса на душу населения... 2 кг в год.

Положение хуже, чем во время войны, так как тогда приходилось снабжать только города, а теперь — и деревню. Отовсюду идут требования и просьбы ввести карточки, но этого невозможно сделать не только по соображениям политическим, но и потому, что на это не хватит продуктов: ведь придется давать ограниченно, но всем, а не выборочно — Москве.

...Большие потери (14 млрд рублей) государство понесло на водке. Из-за неурожая и прекращения американских поставок пшеницы решено было сократить производство водки. И вот — результаты. А новогоднее увеличение цен дало всего 2 млрд рублей. <...>

И возвращаясь к мерам Картера (т.е. последствиям Афганистана) — не знаю, что будут делать некоторые отрасли, например, Кастандов (химическое машиностроение), который все спланировал из расчета на получение американской технологии, машин и аппаратов. Все у них останется. Потому что то, на что они сориентировались, заложив уже в стройки и в планы снабжения народного хозяйства в целом, ничего этого у нас не производится и не имелось в виду производить, не говоря уже о нашей способности обеспечить нужное качество...»

Таким образом, можем ли мы предположить, что санкции в отношении СССР, введенные США и их союзниками после Афганистана, оказали значительное влияние на состояние советской экономики?

А вот это — сложный вопрос.

Расходы — известные и неизвестные

Дело в том, что в настоящее время никто не в состоянии уверенно назвать точную цифру, которая смогла бы охарактеризовать расходы СССР на реализацию афганской кампании.

¹ https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Chernyaev/1980.pdf

Согласно официальным данным, которые приводит в своей книге генерал-полковник Борис Громов, в период с 1978 по 1990 год «расходы Советского Союза на подготовку национальных профессиональных кадров для народного хозяйства Афганистана, на помощь в приобретении и использовании ноу-хау, на льготное кредитование и отсрочки по платежам для правительства Афганистана, а также на безвозмездную помощь составили 8 миллиардов 48,6 миллиона инвалютных рублей»².

Свидетельствует маршал Советского Союза Сергей Ахромеев, первый заместитель начальника и начальник Генштаба в 1979–1988 гг.: «Афганистан обходился дорого. Каждый день войны 40-й армии обходился в 6,0–6,5 млн рублей. Кроме того, постоянно всем необходимым надо было снабжать афганские войска. В итоге стране каждый день войны обходился в 10–11 млн рублей»³.

Опубликованные источники не содержат точных данных о размерах военных расходов СССР за весь период боевых действий. Никита Мендкович, эксперт Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА), в своей работе «Финансовый аспект Афганской войны 1979–1989 гг.»⁴ оценивает общие расходы, связанные с афганским противостоянием, на основе размеров военных поставок, данные о стоимости которых охватывают 1980–1989 гг. Суммарные расходы составили 30,4 млрд рублей. Расходы за 1988–1989 гг. автор несколько произвольно оценивает в 6 млрд в год, исходя из того, что в этот период участие Советской армии в боевых действиях значительно сократилось, а военные

² Громов Б.В. *Ограниченный контингент*. М., 1994.

³ Ахромеев С.Ф. *Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года*. М., 1992.

⁴ <http://www.topsniper.ru/magazin/news/5757/>

поставки во многом были перераспределены в пользу афганских вооруженных сил, так что прямая экстраполяция роста расходов на содержание ограниченного контингента была бы неправомерной.

Современные российские исследователи предпочитают оценивать военные расходы на операции в Афганистане как весьма умеренные, не способные поколебать устойчивость советской экономической системы.

Военные расходы СССР на войну в Афганистане не казались грандиозными и для американской стороны. «Прямые советские военные расходы на Афганистан хотя и выросли примерно на 20% с 1980 года, но все еще составляют лишь около одного процента от общих советских военных затрат. С 1980 по 1983 год Советские тратили в общей сложности около \$12 млрд на прямую поддержку советских вооруженных сил в Афганистане, или в среднем около \$3 млрд в год», — отмечается в докладе⁵ **Domestic costs to the soviet regime of involvement in Afghanistan // Central Intelligence Agency**.

Что же касается ограничительных мер в отношении зернового экспорта в СССР, то основные мировые экспортеры зерна (Канада, Аргентина и Австралия) в итоге не уменьшили свои зерновые продажи в СССР. Так, Австралия в 1980 году продала в Советский Союз зерна больше, чем за вместе взятые четыре года до этого. На протяжении 1980 года и Канада отменила введенное ранее зерновое эмбарго в отношении СССР и увеличила продажи в Советский Союз на 50%⁶. Аргентина, второй в мире экспортер зерна после США, также увеличила поставки зерна в СССР, игнорируя американское эмбарго. В целом мировые экспор-

⁵ <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp85t00287r001401010001-6>

⁶ *Current Actions // Department of State Bulletin*. 1980. Vol. 80. № 2034. P. 90.

теры зерна за 1980 год увеличили⁷ свои поставки в Советский Союз с 7 до 8 млн тонн.

А 19 ноября 1980 года за отмену зернового эмбарго проголосовал конгресс США.

«...люди искренне разделяют ту точку зрения, которая высказывается в печати...»

В то же время мы не располагаем данными о том, что Афганская война сама по себе вызвала какое-то значительное социальное и внутривнутриполитическое напряжение в СССР. Имеются полтора десятка свидетельств⁸ о выступлениях против войны, в которых участвовали большей частью родственники и земляки погибших солдат, но никакого массового антивоенного движения в СССР так и не возникло.

Но война не была популярной, и никакого официального «культа героев Афганской войны» в то время не появилось. В письмах родным военнослужащие писали о нежелании служить,

⁷ Paarlberd R. *Lessons of the Grain Embargo* // *Foreign Affairs*. 1980. Fall. P. 144–162.

⁸ *USSR: domestic fallout from the Afghan war* // *Central Intelligence Agency*. — URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp89t01451r000100090001-5>

в 15% отобранных почтовых отправок солдаты, сообщая о смерти однополчан, прямо спрашивали: «Зачем в Афганистане находятся советские войска?»⁹

Характерно, что на заседании Политбюро ЦК КПСС 30 июля 1981 года по итогам обсуждения вопроса об увековечивании памяти погибших в Афганистане было принято решение о том, что «нецелесообразно устанавливать сейчас надгробные плиты», а родителям погибших на все вопросы следовало отвечать заранее заготовленными стандартными и лаконичными фразами¹⁰.

Рабочая запись того совещания опубликована:

«СУСЛОВ. Товарищ Тихонов представил записку в ЦК КПСС относительно увековечивания памяти воинов, погибших в Афганистане. Причем предлагается выделять каждой семье по 100 руб. для установления надгробий на могилах. Дело, конечно, не в деньгах, а в том, что

⁹ *Христофоров В.С. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию* // *Рос. ист.* 2019. № 6. С. 3–21.

¹⁰ Там же.

если сейчас мы будем увековечивать память, будем об этом писать на надгробиях могил, а на некоторых кладбищах таких могил будет несколько, то с политической точки зрения это не совсем правильно.

“

...родителям погибших на все вопросы следовало отвечать заранее заготовленными стандартными и лаконичными фразами

”

АНДРОПОВ. Конечно, хоронить нужно с почестями, но увековечивать их память пока рановато.

КИРИЛЕНКО. Нецелесообразно устанавливать сейчас надгробные плиты.

ТИХОНОВ. Вообще, конечно, хоронить нужно, другое дело, следует ли делать надписи.

СУСЛОВ. Следовало бы подумать и об ответах родителям, дети которых погибли в Афганистане. Здесь не должно быть вольностей. Ответы должны быть лаконичными и более стандартными.

В то же время нельзя сказать, что политическое руководство страны игнорировало интересы военнослужащих и их родственников — другое дело, что об этом не говорилось прямо. Так, Анатолий Черняев зафиксировал в своем дневнике следующее наблюдение:

«...зам. министра [финансов] рассказал много любопытных вещей по своему ведомству. Например, недавно оно получило распоряжение (вопреки всем правилам — советоваться с Минфином — откуда можно взять деньги) выделить еще 23 млрд рублей на содержание вооруженных сил. Видимо, с этим связано заявление в избирательной речи Брежнева — о дополнительных льготах ветеранам войны. Однако основная причина: раз армия стреляет, раз пришлось в приграничных округах Юга провести мобилизацию, раз есть уже вдовы и сироты из-за Афганистана — надо заткнуть глотку, умаслить, предотвратить... И вот — 23 млрд из бюджета».

Траурная процессия прощания с погибшими в Кунаре

Окончание материала
Дмитрия Прокофьева

В том, что касается отношения к Афганистану тех, кого эта война не затронула, можно привести в качестве примера свидетельство рабочей-шлифовщицы из Москвы, зафиксированное¹ социологом Сергеем Белановским в 1984 году во время глубинного интервью:

«Вопрос: В каком плане [рабочие] увлекаются политикой?»

Ответ: Есть большая и искренняя любовь к советским вооруженным силам. Большая и искренняя поддержка нашей миролюбивой политики, политики борьбы за мир. Афганистан осуждается в разговорах в том смысле, что там много гибнет наших ребят, то есть такая односторонне гуманистическая позиция. Отношение к диссидентам, антисоветчикам — плохое: пускай они не вмешиваются в нашу жизнь, зачем сор из избы выносить, и т.п. <...>

Сравнительно недавно у нас был субботник с передачей средств в Фонд мира. Все говорили о том, что эти деньги пойдут на наше советское вооружение. (Куда они на самом деле идут, я не знаю.) Однако такое представление о расходовании этих средств не вызывало каких-либо нареканий, так как считают, что вооружаться надо. В общем, имеется много вопросов, по которым люди искренне разделяют ту точку зрения, которая высказывается в печати».

Неожиданный ответ

Таким образом, можно ли сказать, что война в Афганистане не оказала сильного влияния на социально-экономическую обстановку в СССР?

Нет. Дело в том, что руководство СССР «открыло фронт» в Афганистане в исключительно неудачный момент с точки зрения макроэкономической стабильности страны.

С начала 1970-х отставание СССР от развитых стран вновь стало нарастать, и «развитой социализм» начал резко терять социально-экономическую эффективность. Ключевой причиной было исчерпание резервуара рабочей силы, до этого выкачивавшейся из села, — очень яркое и образное описание этой ситуации предложил экономист Сергей Журавлев: «Экономика «уткнулась» в ограничение со сто-

¹ <http://sbelan.ru/index.php/ru/intervyu/126-intervyu-s-rabochej-shlifovshchitsej-3-go-razryada-1984-god/index.html>

Не критично, но очень больно

роны трудовых ресурсов, которые до поры до времени казались неисчерпаемыми»².

Характерной чертой позднесоветского периода стали не только рост фондоемкости продукции и падение коэффициентов выбытия элементов основных фондов, но и нарастающие «ножницы» в использовании мощностей топливно-сырьевых и обрабатывающих производств — первых, несмотря на возрастающие инвестиции туда, катастрофически не хватало, вторые — простаивали

Почему это произошло?

Механизмы плановой советской экономики были ориентированы на создание новых и расширение действующих мощностей. Но когда речь идет об обновлении оборудования и технологий, критическим становится отсутствие рыночных сигналов в виде изменения уровня цен в рамках закона спроса и предложения. Если главным ориентиром становится план по выпуску продукции, то никто не будет торопиться менять изношенное оборудование на новое. Сроки службы оборудования растягиваются, устаревшие и изношенные мощности продолжают оттягивать на себя ресурсы, которых уже не хватает для вновь создаваемых.

Важнейшей инновацией, которая позволила экономике СССР просуществовать несколько дольше, чем она должна была, стало вовлечение добычи и экспорта нефти в процесс обеспечения населения если не всеми потребительскими товарами, то хотя бы продовольствием, объясняет Сергей Журавлев.

С точки зрения имеющегося экономического механизма это было почти идеальное решение, поскольку в макроэкономическом плане как раз и представляло собой процесс замещения труда капиталом. Добыча капиталоемка,

² Журавлев С. *Вековой переход из капитализма в капитализм* // *Эксперт*. 2012. № 1(784).

но не трудоемка, поэтому инвестиции в нефтедобычу выглядели гораздо более эффективным способом «добычи зерна», чем вложения непосредственно в сельское хозяйство, хотя и туда деньги — неустанно, но безответно — направлялись».

Да, согласился бы Егор Гайдар, «в отличие от многих других товаров, которые можно было получать в рамках бартерной торговли со странами СЭВ, за зерно приходилось платить конвертируемой валютой. Сочетание масштабных расходов на зерновой импорт, которые было невозможно сократить, заданных долгосрочными проблемами отечественного сельского хозяйства и погодными условиями, при неконкурентоспособности продукции обрабатывающей промышленности и непредсказуемости цен на сырье, поставками которого можно оплачивать импорт продовольствия, — стали к середине 1980-х годов ахиллесовой пятой советской экономики... В 1981–1985 гг. под влиянием растущих трудностей в снабжении населения продовольствием доля машин и оборудования в импорте СССР из капиталистических стран сокращается с 26 до 20%, доля продовольствия, промышленных товаров народного потребления возрастает до 44%»³.

А при чем тут «афганский вопрос»? При том, что вторжение в Афганистан и связанные с ним последствия потребовали от руководства СССР действовать одновременно «на нескольких фронтах» и расходовать валютные запасы также «на нескольких фронтах» — нужно было оплачивать социальную стабильность и лояльность населения, наращивать финансирование армии и ВПК, проводить техническое перевооружение промышленности — и все это

³ Гайдар Е. *Гибель империи. Уроки для современной России*. М., 2006. С. 102.

в условиях сокращающихся ресурсов — материальных и человеческих. Да, формально можно сказать, что «Афганистан» обошелся Советскому Союзу в три рубля с каждой сотни рублей произведенной продукции, но это были «критические три рубля» — именно те, которых не хватало для оплаты расходов в решающий момент.

Само по себе вторжение в Афганистан еще не подорвало экономику СССР, но оно ее «раскачало» — нарушило механизмы согласования, в рамках которых распределялись ресурсы в плановой экономике, и повысило уровень рисков. В условиях нехватки ресурсов все предприятия всех уровней начали формировать излишние запасы — и чем больше собиралось «запасов», тем меньше становилось товаров, и тем быстрее пустели прилавки магазинов. В условиях директивного регулирования цен «инфляция» в Советском Союзе приняла форму «дефицита».

И если «трудящиеся московского завода», о которых писал Сергей Белановский, готовы были соглашаться с «советской печатью» в вопросах внешней политики, то в вопросах пустых магазинов они были категорически не согласны.

«Советскую модель» погубил не «афганский вопрос» сам по себе, а неспособность плановой экономики обеспечить товарами население промышленных городов. Но «афганский вопрос» раскрутил «инфляционную спираль», которая в советских условиях приняла вид «спирали дефицита», разрушившей и без того слабый потребительский рынок. А дальше была уже другая история.

Дмитрий Прокофьев

ДАЛЕЕ:

«В основе Афганской войны была ложь»

Разговор с писателем
Алексеем Ивановым

Алексей
ИВАНОВ:

«В основе Афганской войны была ложь.

А на лжи бескорыстного братства не построить»

Афганская война была бы потерянной темой для нашей культуры, если бы Алексей ИВАНОВ не написал своего романа «Ненастье», хотя писал он его не про Афганскую войну. Война в романе — это обстоятельства, в которых выковываются ценности героев романа и стратегия будущей жизни главного из них. Именно к Сергею Лихолетову приходит понимание того, что эта война — «не настоящая», поскольку в ней нет высшей идеи. В такой войне можно победить или проиграть, но в любом случае ты ничего не докажешь противнику, не изменишь его взгляд на мир.

В 2017 году «Ненастье» стало «Книгой года», в 2018-м по роману был снят убийный телесериал. Причина успеха и книги, и кино — точное попадание в нерв времени, в достоверности тщательно собранного материала, в открытости разговора о больном. Но в первую очередь — в умении писателя за бытовой ситуацией усмотреть важные исторические сдвиги.

В 1992 году в Екатеринбурге сообщество ветеранов Афганистана захватило две высотки. В них незаконно въехали 383 семьи, организовав себе юридическую поддержку. Афганцы завалили проходы, натянули на ограждения колючую проволоку, поставили караулы на лоджиях нижних этажей, запаслись бутылками с зажигательной смесью. Власти не могли к ним подступиться. Сейчас такое невозможно представить, но это был реальный случай из времени, когда люди не сдавались обстоятельствам и упорно строили свое будущее — каждый в силу своего разумения.

О его истоках говорим с писателем, чей острый взгляд проникает в самую суть истории, будь то пугачевский бунт («Вилы»), покорение Великой Перми («Сердце Пармы») или промышленный взлет в России, сметенный революцией 1917 года, в новом романе «Бронепароходы».

— В конце 80-х, во многом благодаря Горбачеву, у нас появилась возможность выбраться из ямы, в которую столкнула Россию революция, на путь, укатанный европейскими странами. Почему этого не случилось?

— Ответов множество, и все они правильные, но ни один не исчерпывает всю ситуацию сполна. Мы не знали, куда идем. Не знали, что нужно делать. У нас слишком большая страна с титанической инерцией. Реформаторы боролись с могучим противодействием старой элиты, и потому реформы оказались компромиссами. Мы ничего не довели до конца. И так далее. Но шансы выйти на верный путь мы утратили не при Горбачеве и не при Ельцине.

— Действительно ли люди в конце 80-х хотели перемен, или им было бы достаточно лишь послаблений?

— Думаю, что народ вполне бы удовлетворился и малым, но ведь не народ решает, что делать. Решают элиты, системы власти, пассионарии, большие города. Народ просто дает им карт-бланш. Впрочем, за годы советской власти

гражданственность была вытравлена до такой степени, что народ дал бы карт-бланш любому, кто его потребовал бы. Разве сейчас народ не принимает все, на что его обрекает государство? Принимает. И тогда принимал.

— Какая все-таки особенность есть в нашем менталитете, что он так неподатлив к изменениям, так сопротивляется реформированию?

— Это не единственная особенность. Можно назвать, например, догматизм. Он заставляет не видеть ошибок и не слышать советов. Или сакрализация власти. Она лишает воли. Или социальный инфантилизм. Он приводит к тому, что мы все проблемы решаем насилием. Или мессианство. Оно позволяет нам совершать поступки, за которые другие всегда жестоко расплачивались, но мы уверены, что мы — избранные, лучшие, и нас-то уж точно минует чаша сия. Или комплекс неполноценности, который для своей компенсации всегда выбирает самый простой, следовательно, неправильный способ. Русский менталитет очень изворотлив в вопросе самосохранения.

litcult.ru

— Но почему он всегда изворачивается в сторону деструктивных сил?

— Это неизбежно, пока мы следуем своей исторической природе. В ней скопилось слишком много проблем, и энтропия разлагает наши благие намерения необыкновенно быстро. Надо просто знать самих себя и смотреть на себя трезво. Ничего унижительного в этом нет. Надо контролировать каждый свой шаг. Надо понимать, что мы больны, а для выздоровления требуется соблюдать график приема лекарств, диету, режим.

— В чем разница между больным и здоровым обществом?

— Отвечу парадоксально. Здоровое общество понимает, чем оно болеет, и лечится нужными средствами.

— Вывод ограниченного контингента советских войск из Афганистана в феврале 1989 года стал знаком решительных перемен в СССР на международной арене. Стал ли он таким свидетельством для наших граждан?

— Думаю, стал, но не главным, а «одним из».

— Через Афган прошло около миллиона человек, 15 тысяч погибло, и при этом война не заняла должного места не только в общественном пространстве, но и в сознании людей. Как это могло случиться?

— Афганская война ничему не могла нас научить именно потому, что была афганской. Война может быть осмыслена обществом и культурой в трех форматах. Первый формат — подвиг. То есть когда мы защищаем родину. Но в Афгане родину мы не защищали. И об этом все быстро догадались. Второй формат — приключение. Но советский солдат был подневольным, он не имел свободы, как Рэмбо, а без свободы приключение невозможно. Третий формат — самопознание. А для самопознания нужно встать на позицию врага. Однако афганцы для советских парней были чужими, как инопланетяне: в Афгане — средневековье, ислам, наркота; советские парни этого не понимали и потому не могли встать на позицию афганцев. И война пролетела мимо общества.

— В свое время на Светлану Алексиевич подали в суд за лжесвидетельство в кни-

ге «Цинковые мальчики», ваше жесткое «Ненастья» стало лауреатом премий, по нему сняли сериал. Чем, кроме жанров, можно объяснить такую разную судьбу книг?

— Вот уж не мне меряться премиями со Светланой Алексиевич. У «Ненастья» только одна премия — воронежская, имени Платонова, и все. Сериалы снимают по романам, в которых есть сюжет, герои, конфликты в развитии. Как экранизировать «Цинковых мальчиков»? Эта книга драматургически устроена не для кино, а совершенно иначе. От себя могу сказать, что я бесконечно уважаю Светлану Алексиевич и считаю ее Нобелевку абсолютно заслуженной. Когда я писал свой роман, то поверял тему Афганской войны пронзительными «Цинковыми мальчиками», так что экранизация «Ненастья» для меня в каком-то смысле и экранизация книги Светланы Александровны: она была первой и осталась главной.

Окончание материала
Ольги Тимофеевой

Алексей ИВАНОВ:

«В основе Афганской войны была ложь...»

— «Афганец афганца не кинет» — лейтмотив вашего «Ненасья». Вы полагаете, что война формирует понятие «братства»?

— Афганская война была нужна советскому государству, чтобы взять под контроль эту часть Евразии, потому что государство и соврало народу о целях вторжения. Жители Афганистана во все не желали иметь у себя советский порядок жизни, который якобы защищали советские солдаты. Так что в основе Афганской войны была ложь. А на лжи бескорыстного братства не построить. На лжи можно организовать другие формы общности — банды, коммерческие союзы, политические партии, но не братства. Это и происходит в моем романе, когда сообщество афганцев из гражданского союза превращается сначала в криминальную структуру, а потом в бизнес-альянс. Любая война вечна, после завершения боевых действий она продолжается в душах солдат такой же, какой была в реальности. Если она была справедливой, то породит братство ветеранов — будет защищать справедливость и дальше. Афганская война не была справедливой, и афганские организации в России действовали деструктивно для общества, хотя и приносили пользу своим участникам.

— Возможно ли формирование «вагнеровского братства» после СВО?

— После многих войн появлялись организации проигравших ветеранов: «Черный рейхсвер» после Первой мировой, ODESSA после Второй, OAS после Алжирской войны и так далее. Однако эти структуры при всей своей злобной и реваншистской сущности базировались на идеологических основаниях, которые питали отгремевшую войну. А какие идеологические основания у «Вагнера»? Для него даже пресловутый «русский мир» — пустой звук. Наемники воюют за деньги. Поэтому братств среди ветеранов «Вагнера» быть не может. Но могут быть другие основания для объединения, например, все те же деньги. Нетрудно допустить существование «вагнеровских» банд или парамилитарных организаций типа охранных агентств или других ЧВК, но братство — это форма социальной поддержки, а не бизнес на насилии.

— Как аукнется людям возвращение бойцов с нынешних военных действий?

— Аукнется большими проблемами. В каждой индивидуальной ситуации возвращения будет

заложен конфликт. Вот орденноносный герой, на которого надо равняться, — а он уголовник, вор или наркоторговец. Вот отморозок, которому на войне было привольно, а дома стало тесно. Вот инвалид, на которого всем наплевать. Вот простодушный доброволец, который не знает, как ему теперь жить после того, что он видел или делал. А вот болван, который каким ушел, таким и вернулся, да еще и с деньгами, и у тех, кто его окружает, появляется мысль: а не лучше ли быть болванами? То, что сделала Россия, не научит ее народ ничему доброму и не принесет никакого блага.

— Перед вашими глазами писателя и историка прошли, по крайней мере, три военных конфликта, в которых участвовала Россия. Афганская война, Чечня и то, что сейчас происходит в Украине и официально называется СВО. Какие

последствия каждый из них имел и будет иметь для общества?

— Это совершенно разные истории.

Афганская война — она какая-то «потусторонняя», она была не у нас. Она принесла горе многим семьям, но для нации оказалась чем-то вроде стихийного бедствия: кому-то не повезло, но большинство уцелело и быстро все забыло.

Чеченская война оскорбила нас. Чеченцы были такими же советскими людьми, как и все остальные в СССР, — так мы считали с позиции своего имперского превосходства. И вдруг чеченцы не захотели жить с нами, обернулись к нам звериным оскалом. Наша армия воевала плохо, и Чечня фактически победила. Сейчас она живет, как хочет, на наши деньги, презирая наши законы, и кадировцы воспринимаются нацией как непреходящая угроза прямо у нас дома, а государство от этой угрозы нас не защищает.

Про Украину говорить рано, хотя кое-что уже понятно. То, что сделала наша власть, — чудовищный удар топором по телу нации. Этот разруб не заживет и через пару поколений. Мы получили еще одну травму, которая будет безжалостно рвать общественное согласие. Часть общества будет оправдывать содеянное, укореняясь в своих заблуждениях, а часть общества будет непримиримо осуждать. Часть общества будет удовлетворена итогом, а другая часть будет поражена обжигающей обидой. Власть посеяла в обществе вражду, а общество и без того было расколото на множество страт — на богатых и бедных, на сторонников и противников СССР, на столицу и провинцию, на продвинутых и архаиков и так далее. По воле властей мы радостно сделали еще один огромный шаг к национальному распаду, и даже штаны порвали.

— Мы знаем примеры — вьетнамской, Первой мировой войны, — когда предвоенное возбуждение и одобрение года через четыре сменялось в обществе отрицанием и разочарованием. Это и есть тот срок, через который в отсутствие побед наступает усталость от войны?

— Боюсь, что подобная усталость — не наша ситуация. «Глубинный народ» и без военных действий жил бесправно и некомфортно, ничего нового они не привнесли. Может, даже наоборот: выплаты поддерживают в народе одобрение. Народ не имел ни настоящего, ни будущего, и привык терпеть безнадегу. Элиты же как-нибудь устроятся. Так что удар пришелся только по слабому среднему классу, а он ничего не решал. Военные действия уже рутинизировались, стали нормой. Будет армия побеждать или будет проигрывать — какая разница? Не все ли равно, где стреляют: под Бахмутом или под Белгородом? Да хоть в Москве. Не стрельба определяет настроение «глубинного народа», а экономика. СВО же срезала только ту ее часть, которая была важна лишь для среднего класса. А «глубинный народ» как жил на картошке, так и живет.

— Предполагаете ли вы психологический надлом в стане «патриотов» и «противников вой-

ны»? Одни сражены слабостью власти, столкнувшейся с реальной силой, другие — перспективной борьбой хорошего с худшим вместо победы демократических ценностей.

— Да, предполагаю. По-моему, он уже и так очевиден. По обе стороны невидимого фронта ждут «черного лебедя», больше надеяться не на что. Если он прилетит, то ситуация разморозится, история сдвинется с места. Если не прилетит — «дурная бесконечность» затянется надолго и отравит нас еще сильнее, а мы и без того уже отравлены.

— Вы смотрите на будущее через призму истории. Что вы в нем видите?

— Самое фиговое — доморощенная футурология. Так что я предпочитаю считать свое видение будущего некоей художественной конструкцией, а не социологическим прогнозом. В общем, не важно, чем закончится дело с Украиной. По своим внутренним параметрам, не зависящим от демократии или тоталитаризма, будущее России я вижу в сепарации. В не оформленном юридически разделении страны на большие продвинутые мегаполисы и остальную аморфную среду. В мегаполисах будет XXI век, какой уж он у нас получится, в остальной части — Советский Союз. Лично мне такое будущее категорически не нравится, но меня не спрашивают. Россия уже и шла по пути внутренней сепарации, разделяясь на Москву и бескрайнее Замкадье с редкими миллионниками, однако коррупция и прочие заслуги нашей власти не позволили России иметь, скажем, полсотни городов типа Москвы. Власть решила, что одной Москвы для будущего достаточно. Она-то, власть, сидит в Москве, ну а все прочие как-нибудь перетопчутся без будущего.

— Довольно очевидно, что власти в Москве больше озабочены восстановлением прошлого, чем строительством будущего. Причина этого в «имперской болезни» властей?

— Действия России в Украине порождены имперским мышлением. Но это имперское мышление действует не только «наружу», но и «внутри» России. По отношению к регионам страны Москва ведет себя точно так же, как Россия ведет себя по отношению к Украине. Только регионы, в отличие от Украины, не сопротивляются, и никто не помогает им извне.

— Каким образом Москва подавляет регионы?

— Если взять понятные мне литературные балансы, то Москва подавляет культуру регионов тремя способами:

1. Расходует средства, предназначенные для региональной культуры, на себя.
2. Вынуждает деятелей региональной культуры переезжать из регионов в столицу.
3. Распространяет убеждение, что региональная культура — слабая, отсталая и никому не интересная.

Имперское мышление заставляет соглашаться с таким положением дел и представителей

Москвы (что естественно), и представителей регионов. В этом главная беда культуры России. Представители регионов страдают (навязанным Москвой) комплексом неполноценности и компенсируют его подчинением воле Москвы (нечто вроде «стокгольмского синдрома»). Поэтому регионы сами разрушают свою культуру.

Внутри России Москва уже одержала победу. И имперское мышление будет подпитываться этой внутренней победой, возрождаясь из пепла.

— А если, хотя бы в перспективе, в России все-таки победят либеральные силы?

— Многие противники [СВО] в России все равно остаются носителями имперского мышления, так как считают, что в России должна править Москва, а регионы должны ее обслуживать, потому что они слабые и архаичные. И победа либеральных сил в России вовсе не означает краха имперского мышления.

Россия — унитарное государство, и культура в ней тоже унитарная. Федеративным государством Россия станет только тогда, когда и культура станет федеративной. Я — сторонник федеративной культуры, но таких деятелей культуры, как я, в России гораздо меньше, чем либералов и противников путинского режима.

В своих произведениях я представляю региональные культурные проекты как равнозначные и равновеликие московскому культурному проекту. Это моя форма борьбы с имперским мышлением. Я думаю, что в скором времени Россия перестанет представлять опасность для Европы и мира, но по-прежнему будет представлять опасность для самой себя. Свидетельством этому будут дискредитация и отмирание региональных культурных проектов, поддержанные обществом и прогрессивными лидерами.

Беседовала

Ольга Тимофеева

ДАЛЕЕ:

Путинские сигналы

Почему российское общество так охотно и массово на них откликается

ГОРБИ
GORBY

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Путин- ские сигна- лы

ПОЧЕМУ РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО ТАК ОХОТНО
И МАССОВО
НА НИХ ОТКЛИКАЕТСЯ

Алексей
Левинсон

Как сообщали и сообщают поллстеры, на протяжении всего времени пребывания Владимира Путина у власти абсолютное большинство россиян в ходе опросов на вопрос «Вы в целом одобряете или в целом не одобряете деятельность В. Путина на посту президента/премьер-министра Российской Федерации?» отвечают «одобряю»

60% и выше. Только так

Конкретные цифры вызывают порой недоумение или недоверие у наблюдателей, но в конечном счете тот факт, что большинство россиян хотя бы на словах выражали и выражают одобрение деятельности Путина, можно считать признанным. Фактом можно считать и неоднократно выраженное иностранными и отечественными наблюдателями изумление по поводу этого постоянства, не имеющего параллелей в мировой политической практике, если не считать полностью несвободных стран, к которым Россию не относили и даже теперь пока еще не относят.

Попытки объяснения этого феномена предпринимались неоднократно, в том числе и с нашей стороны. Мы подходили к явлению, которое можно назвать «феноменом Путина», исключительно как к производной от процессов в обществе, намеренно отстраняясь от роли в нем самого президента. Теперь же мы хотели бы рассмотреть сигналы, которые Путин направлял обществу, и попробовать объяснить, почему они получали и получают столь массовый ответ.

При обсуждении рейтингов Путина, которые были высокими (60% и выше) в самом начале его карьеры и остались не менее высокими сейчас, высказывались мнения, что мотивы респондентов, дававших в первых опросах ответ «одобряю» в отношении малоизвестного и никак себя не проявившего нового государственного деятеля, и такие же ответы ныне в отношении давно зна-

мого лица имеют разный смысл. Мы рискуем предположить, что одна компонента была общей. Ее можно назвать «реактивной» или даже «реакционной», в смысле представляющей идеологическую и политическую реакцию. В первый период пребывания Путина на президентском посту его рейтинг, как тогда отмечали, был, по сути, антирейтингом Ельцина. Преемник первого президента России для публики был противоположностью Ельцина, прежде всего по внешним и поведенческим характеристикам — молодой, здоровый, не пьющий. Это были признаки, которые оказывались видны сразу и имели заведомо положительный вес.

Позднее появились знаки отказа Путина от все большего числа атрибутов политической системы, сформировавшейся при Ельцине. Консервативная часть российского общества приветствовала эти тенденции.

Пожилые главнее молодых

В силу сложного комплекса причин, часть из которых — демографические, часть — экономические, часть — исторические, идеологически доминантной частью российского социума оказалось старшее поколение. В нем, в свою очередь, главенствующей оказалась та часть, которая считала себя пострадавшей от утраты советского уклада при Горбачеве—Ельцине. Одни потеряли материальные средства и накопления, другие — статус и его атрибуты, кто-то — привычную институциональную среду, наконец, часть утратила ценностную ориентацию в социальном пространстве-времени. Их ресентимент был распространен на остальные группы населения, которые, собственно, были меньше задеты переменами, имели не только потери, но и приобретения от нового строя. В этой среде ностальгия по советскому, общий социальный консерватизм стали принятой модой, стилем, удобной идейной установкой, а у некоторых и развиваемым мировоззрением.

Президент Путин показал свою принадлежность именно к этому тренду. Таким образом, он послал сигнал о социальной близости и тем старшим, для которых доперестроечное прошлое было их прошлым, и тем, для кого оно было ретро-модой или ретро-утопическим идеалом. Подчеркнем, что этот сигнал, воспринятый большинством, был послан Путиным не в форме официальной декларации, а по неформальному каналу его общения с народом — посредством множества мелких знаков, оброненных высказываний и т.п., но далее подкреплен сильными символическими жестами вроде возвращения советского гимна¹.

Так была решена на уровне стиля одна из важнейших задач для политического лидера, претендующего на роль лидера для «всех».

Далее состоялась уже не стилевая, а политическая и экономическая реакция на горбачевско-ельцинскую совокупность реформ и трансформаций. Много говорилось про «демонтаж демократических институтов». Заметим, что этот демонтаж не привел к восстановлению советских порядков. Но он был частью анти-ельцинского тренда, прошел под этой маркой, а потому оказался принят консервативно и реставраторски настроенной публикой. Это мы и называем реакцией.

Помимо описанного, Путин послал российскому социуму еще два важнейших сигнала. Оба также декодируются с помощью знания советского прошлого.

Слободские

Российская бытовая (в смысле расхожая) культура имеет своим истоком традиционную деревенскую культуру, в которой традиция — ее важнейший регулятор и стабилизатор. Войны, а также переселение в города и поселки (и принудительное, и вынужденное, и добровольное) разрушили социальную подоплеку этого культурного уклада и его традиций, ибо были разрушены сообщества семей, существовавших совместно и на одном месте на протяжении жизни нескольких поколений. Перестали существовать и присущие им формы социального контроля и поддержания традиций.

В среде переселенцев из деревень разных губерний, в каждом новом «поселке городского типа», «соцгородке» при заводе, «фабричном поселке», наконец, новом районе большого города социальный контроль стал в основном опираться на случайно сложившийся локальный социум с его амальгамой норм из разных местных сообществ с фрагментами их локальных нравов и традиций. Плюс тех, которые насаждались властями и наличными государственными средствами массовой пропаганды и воспитания. Квазиурбанистическая культура слободского типа (термин В.Л. Глазычева) господствовала в поселках и малых городах, а после войны пришла и в большие города. Там формировалась анонимная общегородская урбанистическая культура (как гражданская, так и криминальная).

¹ Объявление консерватизма идеологией имело для широкой публики куда меньшее немедленное значение. Но принятое как директива историками-государственниками, писавшими статьи и монографии, а затем и школьные учебники, оно стало фактором социализации нынешнего и будущего поколений.

Путин- ские сигна- лы

Наряду с нею возникла особая подростковая субкультура на уровне дворовых и уличных компаний ровесников, типологически подобная упомянутой слободской¹. Она была атрибутом общей городской среды, но состояла из россыпи локальных групп, объединявших в каждом случае «своих» против всех остальных «чужих».

Подчеркнем этот факт отличия культуры таких локальных социальных образований от универсалистических ценностей классической городской культуры, тех, которые на сегодня являются формально главными, имеют статус «общечеловеческих». Для каждого из членов этой местной группировки ее локальные ценности и нормы являются приоритетными по отношению к ценностям и нормам «большого» общества, в частности к нормам писаного закона. Здесь есть аналогия с собственно криминальной средой. Но в этой «взрослой» среде действуют так называемые «понятия», которые обладают универсальностью, они одинаковы для всего уголовного мира. В детских/подростковых/юношеских группах/шайках отмечается стремление усвоить и применить «понятия» взрослых уголовников. Однако до того как подростки волеются в эту среду, в каждой их группировке действуют свои локальные порядки и правила (в которые встроены эти более универсальные «понятия»). Члены команды/группировки лояльны, верны именно «своим» нормам. Они как неформальные для группировок сильнее общих, формализованных и формальных.

Уже несколько поколений современных горожан прошли через эти социализационные системы, поддержанные двумя такими серьезными институтами, как призывная армия с ее нормами дедовщины и зона с ее «воровским законом». Широко известно, что Путин говорил о своем детстве и отрочестве: «Я на самом деле был шпаной»². Такое признание от лица главы государства, само сделанное в неформальной ситуации интервью, сообщает позитивную санкцию этой среде, из ко-

¹ Стивенсон С. *Жизнь по понятиям.*

Уличные группировки в России / Пер. с англ. Ю. Казанцевой. М.: Страна Оз, 2017. 153 страницы

² Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. *От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000.*

торой президент, по его признанию, вышел. Нам сейчас надо подчеркнуть, что этос этой среды был принят подростком как нормативный и он сохраняется для Путина этот характер и теперь. И именно эти нормы и принципы глава государства транслирует в общество, в свою очередь, по неформальным каналам шуток, ремарок.

Примечательно, что Путин, формируя у населения негативный образ 1990-х, не делает его абсолютно негативным. Он оставляет некую часть для позитивной оценки. Какую? Это видно из амбивалентного определения «лихие 90-е» и из замечания «поураганили», которое позволяет прочтение «мы поураганили». Тогда это про романтику его лихой молодости, явно не скованной законом. На другом языке — это очередное утверждение ценности неформального.

Выступая сверхавторитетом для значительной части российского населения, он передает ему в качестве образца именно такое миропонимание и такую систему отношений. Повторим, важнейшей социальной образующей в них является то, что лояльность «своим» (ограниченной тесной группе) важнее других³. Неписанные правила и законы этой группы и этого мира предстают истинными правилами жизни, в решающих ситуациях они приоритетны по отношению к писанным правилам и законам. Говоря более обобщенно, неформальные отношения имеют приоритет перед формальными, частные перед универсалистическими.

³ Вот пример: формула «своих не бросаем» из слогана определенной социальной группы (скажем, войск спецназа) превращена пропагандой, организующей поддержку СВО населением, в лозунг, обращенный ко «всем», т.е. партикуляристический в своей сути принцип провозглашен как универсальный.

Сказанное касается в первую очередь мужской субкультуры. Женская в наибольшей степени сохраняет элементы «общечеловеческой». Но в условиях мужского доминирования женщины сохраняют этот подход для зоны первичных отношений, признавая «мужские» правила для зоны всех вторичных и более высоких. Этим объясняется поддержка женщинами «мужского» подхода к войне, воинской службе и др., а также их даже большая, чем у мужчин, готовность обычно одобрять «мужскую» роль и деятельность Путина как президента.

Мы обращаемся к частным, казалось бы, обстоятельствам биографии политического деятеля потому, что они объясняют его возможность послать широким массам понятный меседж. А сказанное выше о значительном компоненте «слободской» культуры в культуре российского городского населения поясняет, почему слова Путина, произнесенные на ее языке, так широко принимаются в российском обществе⁴. Для сравнения отметим, что Хрущев и Брежнев, каждый по-своему, пытались послать массам знаки того, что они тоже «из народа». Но ввиду того, что они подразумевали не реальные человеческие сообщества, а выдуманную политиками категорию «советский народ», их попытки не были успешны. Меседжи Путина, напротив, были приняты и обеспечили ему такой уровень символической связи с массовыми слоями населения, который

⁴ Надо отметить абсолютную неуспешность других попыток президента «понравиться народу». Все экстравагантные поступки и жесты вроде ныряний на глубину или полетов на высоте никак не сказывались на измеряемых опросами параметрах одобрения или поддержки со стороны масс.

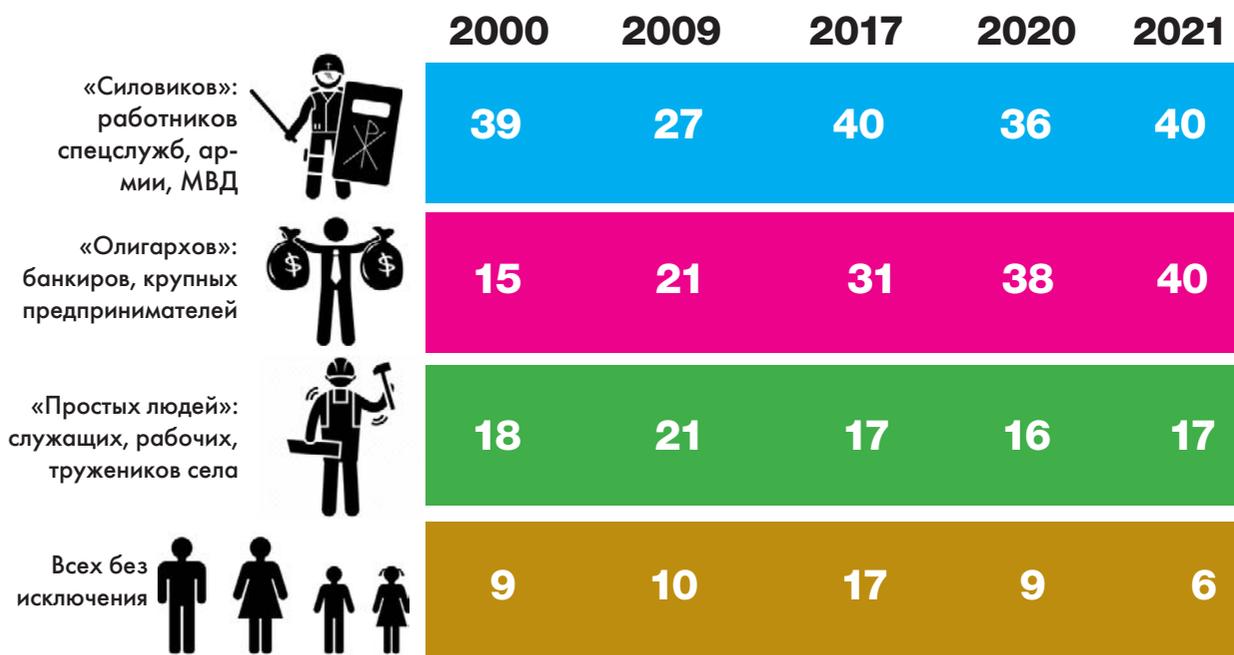
эти лидеры не имели. Это его уникальный социальный капитал.

Связь эта весьма сильная, и мы рискуем ее назвать чем-то вроде «завета», подчеркивая, однако, отсутствие той сакрализации лидера, которая предполагается концепцией харизмы. Напротив, сила этого завета в его опущенности в низовые и повседневные (антиофициальные) отношения. Меж тем такая связь перестает быть частным обстоятельством жизни некоего политика и частным обстоятельством жизни некоего народа, если учесть ту роль, которую Россия, руководимая Путиным, играет в современном мире, особенно с момента начала СВО⁵.

Сотрудник в штатском

Второй сигнал, посланный президентом из советского прошлого постсоветскому народу, заключался в том, что он, Путин, был подполковником госбезопасности, сотрудником КГБ, чекистом. Для многих читающих эти строки это сообщение нагружено множеством отрицательных смыслов. И мы их здесь обсуждать не будем. Мы обратим внимание на образ этой организации и ее сотрудников в глазах «простых советских людей». У этого образа две важные составные части. Одна — представление о «чистоте». В позднесоветскую эпоху достаточно широко было распространено представление о коррупции везде и повсюду — везде, кроме этого ведомства. В отличие от милиции и армии, это ведомство было полностью закрыто от публики. Но при этом имело, как теперь говорят, «пиар», а на языке советских лет — «было окружено ореолом романтики». Знаменитая формула-триада «холодный ум, горячее сердце и чистые руки» формировала образ чекиста как идеального человека, то есть не такого, как все. Далее, важнейшим компонентом образа была тайна, секретность. Чем именно занимаются чекисты, разведчики, знать было нельзя. Ну и самое главное: у этих «бойцов невидимого фронта» было право нарушать любые законы, «человеческие» или писанные, ради выполнения их задач. Они преступали закон (как и преступники), но им было это разрешено и законом и общественными нравами, поскольку

⁵ Обсуждая эту связь, позволившую политику оказаться синтонным с массовыми установками, мы, как можно заметить, указываем на социальные обстоятельства, не прибегая к психологическим или патопсихологическим типам объяснения этой связи. А в объяснениях социальных мы обходимся без обращения к категории «харизмы», как ее понимал Макс Вебер. Мы также оставляем в стороне возможность представлять описываемый процесс как обмен сигналами между коммуникатором и его аудиторией, который в данном случае вообще можно было бы трактовать как автокоммуникацию российского социума.

ку у них была не цель личного обогащения, как у преступников, а цель общего блага под названием «государственная безопасность».

Любое общество, и наше в том числе, содержит себя как систему людей и отношений благодаря нормам. Нормы — это правила, нарушение которых карается тем или иным наказанием. Для обычного человека нарушить норму и по какой-то причине не получить наказания — удача. Ситуации, когда норму можно нарушить и ничего за это не будет, по-русски называются «воля». Ореол, которым окружены в культуре такие ситуации, это «романтика». Они все устроены так: по существующим правилам никому не следует совершать некие действия, а тот, кто это делает, будет наказан (силами природы или людьми). Но вот некий субъект все же совершает неподобающее действие, однако наказания каким-то образом избегает. И тогда от наблюдающих следует особая позитивная санкция такому действию и такому актору. Его хвалят. Так устроена воровская романтика, романтическая репутация разбойников.

А разведчику, чекисту, «сотруднику органов» или, как теперь говорят, «спецслужб» — как себе представляют его работу обыватели — приходится совершать то, что запрещено другим, но у него на это есть разрешение от неких высших государственных инстанций, потому он за такие действия не несет ответственность. Это удваивает романтический потенциал этой профессии, этой корпорации и тех, кто к ней принадлежит.

Когда Ельцин сам (или под влиянием тех, кто так или иначе управлял его действиями) в поисках преемника отшатнулся от идеи ставить на «демократа», он начал поиск в совсем другой части поля. Очевидно, было решено, что соблюдением демократических процедур и правил удержат

власть не получится. Поэтому ищущего (или ищущих) не интересовали служители закона как таковые, твердые исполнители приказов. И ни о судейских, ни о прокурорских, ни о военных речь не шла. Поиск велся среди представителей спецслужб. Конечно, тут дело не в романтике, но все равно искали того, кто так будет служить высшим целям, что, если понадобится, не будет стесняться себя формальными рамками.

Хотя выбор диктовался интересами, которые широкой публике не были присущи или известны, он оказался подходящим и для нее⁶.

«Подполковник госбезопасности», «выходец из органов», «чекист» — этот компонент имиджа Путина находится не на первом плане. Однако публика его имеет в виду. На вопросы «чи интересы выражает В. Путин?» россияне с самого начала его правления уверенно отвечали, что он выражает интересы силовиков/спецслужб (и олигархов), а не «простых людей» или «всех россиян» — см. таблицу, построенную на материале регулярных опросов «Левада-центра» (включен Минюстом в реестр «иностранных агентов»).

⁶ Для узкой аудитории этот выбор был предательством демократических идеалов, а для среды с менее жесткими подходами, но с общедемократическими ориентациями, оказалось достаточно, что нелюбезный им имидж кагэбэшника был перекрыт образом соратника демократа Собчака.

Путин- ские сигна- лы

Под «феноменом Путина» мы должны разумеать не только необычно высокий и необычайно устойчивый рейтинг политика. Надо принять во внимание и по достоинству оценить тот факт, что рейтинг поднимался в ситуациях, когда Россия оказывалась в ситуации противостояния с так называемым Западом.

Запад как зеркало

Концепт или образ Запада имеет для российской культуры огромное значение, и мы не будем в данной статье делать попытки адекватно его описать. Отметим лишь, что конститутивное и конструктивное значение его не исчерпывается позитивным вкладом — передачей вероучений, культурных ценностей, научных знаний, технологий. Как показывает история, свое — тоже положительное и конструктивное значение — Запад имеет для России в качестве соперника или врага. Юрий Левада говорил об «эффекте зеркала», когда речь шла о заимствовании советской стороной у германской стороны после победы и даже в ходе Великой Отечественной войны не только материальных предметов, от станков до произведений искусства, не только технологий и научных решений, но и элементов моды и нравов, организационных приемов и практик. Добавим: конструктивным следует считать и то влияние, которое основано на противоположных заимствованию началах — на отторжении, противопоставлении.

В социологии детально разработана тема «образа врага», и нам достаточно отослать к этим разработкам¹. Из них известно, что фактическое или воображаемое наличие «чужого», а в остром случае «врага» — способствует повышению интеграции и солидарности в развивающемся это противопоставление социуме. В нашем случае в этой роли прочно закреплен «Запад».

Хотя в отечественной истории как травма (по некоторым мнениям, еще не проработанная и не изжитая) присутствует злая сила с Востока — «татарское иго», хотя Россия едва ли не дольше всех

прочих имела военным противником Турцию, хотя на памяти нынешних поколений было противостояние, вплоть до вооруженного, с Китаем и сохраняется подозрение насчет его планов так или иначе отнять у России часть ее территории, «Восток», в отличие от «Запада», не воспринимается как враждебная сила. Власть даже декларирует «поворот на Восток».

При этом за Западом оставлено место некоего внешнего и доминирующего, в этом смысле старшего, которому себя противопоставляет данный социум. Прототипическим в этом случае является противопоставление локальной городской/поселковой группы как «наших» всему остальному городу как «их» (в этом немало от противостояния «нашей» деревни как своего, местного, городу как неопределенно чужому).

Еще раз напомним, что рейтинг Путина поднимался до способных удивить высот более 80% и до почти 90% в ситуациях, которые были проинтерпретированы в обществе как ситуации острого противостояния с Западом.

Широко известная идея, что санкции Запада укрепляют Россию, если и неверна в отношении конечного экономического эффекта, верна в отношении эффекта социального. Из исследований «Левада-центра» известно, что в массовых слоях общества если и отмечают снижение доходов, рост цен, то не обязательно связывают это с западными санкциями. Воровство чиновников, нерадивость властей, жадность предпринимателей, падение рубля — эти причины поминаются не реже, чем санкции. Иными словами, санкции не воспринимаются как важный отрицательный экономический фактор. Зато пусть и не массовые, но достаточно громкие голоса заявляют о полезности санкций. Ее видели вначале в том, что, если санкции лишат нас всего того, к чему приучили годы рыночной (т.е. «ненашей») экономики, то

мы вернемся к спасавшему нас не раз рациону выживания — картошке и макаронам. Говорили, что и возвращения дефицита на продукты не боятся: «Не забыли, как в очередях стоять. Постойм, ничего». Героизация голодных лет покоилась опять-таки на противопоставлении ситуации бедности, которая была органичной, нашей — наносной и в этом смысле чуждой культуре зажиточности, богатства. Российская (конечно, не только российская) расхожая мораль построена на том, что в бытовом смысле жить богато, конечно, лучше, чем жить бедно, но в духовном отношении бедность и бедные стоят выше богатства и богатых. Из этого следует, что бедные имеют больше прав на Россию, чем богатые. Россия — безусловно, их страна, а где родина богатых — это еще надо посмотреть, и здесь богатство находится под подозрением в связях с Западом. Речь и о богатых людях, и о богатстве как состоянии.

Умом не понимать

Разумеется, изложенное — мораль бедных и старых, людей с советским прошлым, собственным или усвоенным от других, более старших. Это немалая в демографическом отношении часть населения. Но, как приходилось не раз отмечать, ее отношение к миру, в особенности к Западу, взято на вооружение пропагандой и является прототипическим. Исповедовать такое мировоззрение означает быть истинным патриотом.

При этом «высшие цели» и «высшие ценности» могут остаться непроявленными. У них могут быть имена: это существительные, которые на письме пишутся с большой буквы — Родина, Отечество, Россия, а в речи произносятся лишь в особых церемониально обставленных, то есть неповседневных обстоятельствах. Сама «высокость» этих знаков

¹ Образ врага: сборник / Сост. Л. Гудков. М.: ОГИ, 2005. 334 с. (Нации и культура: Новые исследования: Россия/Russia). ISBN 5-94282-159-3

и символов предполагает их закрытость для анализа, они не подлежат истолкованию со стороны рядовых членов общества.

Это возможно только со стороны особо на то уполномоченных агентов. В условиях церковно-религиозной системы мы бы указали на священнослужителей, но здесь речь идет о системе сугубо светской, лишь произвольно заимствующей элементы из ритуалов религиозных систем. В постсоветском светском обществе такая роль передается поэтам. Их тексты, часто это тексты песен, в свою очередь, не полагаются истолковывать и интерпретировать. Так что «высшие» значения остаются, повторим, непроявленными, что и обеспечивает их семантическое могущество, их силу как символов. (Попытки интерпретации могут следовать от таких публичных фигур, как школьные учителя, и от таких частных лиц, как родители или родители родителей. Но в любом случае они должны быть статусно выше тех, кому назидают, и действовать с оглядкой на государственно утвержденные стандарты интерпретации.)

Из неформальных реплик Путина, его шуток и проговорков российский зритель-обыватель составил себе внятное представление о том, как «на самом деле» Путин относится к Западу. Необходимость вести себя с «западниками» корректно и вежливо (речь идет о временах, когда такие контакты были нормой) воспринималась гражданами как понятное им вынужденное лицемерие или своего рода хитрость. От подполковника ГБ — в соответствии с образом советского разведчика, переодетого в «их» мундир — такое умение обмануть врага прямо и ожидалось.

Это мы пошутили

Одним из наглядных примеров связи путинского нарратива с «общенародным» можно считать дебютную фазу присоединения Крыма, когда там появились «зеленые человечки», позднее они же — «вежливые люди». Вооруженные люди в армейской форме, но без знаков принадлежности к какой-либо армии, в частности к ВС РФ, они возбуждали в российской публике (чьи реакции мы могли регистрировать своими исследовательскими средствами) сложные чувства. Одной частью было подозрение, что де-факто имеет место вооруженный захват чужой территории, то есть противоправные действия, и что ответственность за это ложится на Россию и на них, обычных россиян. Другой было впечатление, что как военная операция эта акция развивается весьма успешно и, если признаться себе, что это «наши», можно испытывать гордость за них и за себя как за россиян.

Но далее был и еще очень важный компонент: отрицание перед лицом мирового сообщества (и Украины) участия России в этой акции, знаменитое «ихтамнет», к которому присоединялась российская публика. Присоединение происходило со смешанным чувством: мы говорим неправду, что дурно, но говорим ее

вместе с нашим лидером, что создает ощущение права на говорение неправды. Наконец, что очень важно, Путин в своих публичных выступлениях многочисленными (невербальными) средствами давал понять, что он, формально отрицая участие РФ в этой акции, неформально это признает, и — особо важно! — понимает, что те оппоненты, кому адресованы его заявления, понимают и принимают эту игру. Эта несложная фигура могла бы квалифицироваться как цинизм², но, как мы могли видеть из реакций наших респондентов, для них была очень важна тем, что подчеркивалась ее модальность игры или шутки. Квалификация нарушающего норму своего действия как игры или шутки (как и в случае с «романтикой», но также и с цинизмом) отменяет санкцию за нарушение нормы.

Другим весьма важным для публики фактором была «вежливость» и анонимность этих военных. Эти признаки обличали их особый статус. Понятно, что это «наши», но не обычные солдаты и не обычная армия. Были догадки: «Это спецназ ФСБ (или ГРУ), у них там все только офицеры». То, что в целом командует делом в Крыму сам Путин, было для публики несомненно. «Вежливые люди» — посланы им, они из его среды или, что то же самое, он из их рядов. Недаром позже появились его портреты с подписью «самый вежливый человек». Здесь соединялось в модальности «особого режима» и принятие легитимированных Путиным правил завета со «своими», и восторженное одобрение действий не по закону, но ради высших целей.

При таком чтении поступков и слов президента российский обыватель понимал, когда президент говорит нечто для своих, для него, а когда — для чужих, чуждых.

Разберемся с ненашим

В целом чужие снаружи, внутри свои. Однако среди тех, кто внутри, тоже есть чуждые. Речь при этом не обязательно о «пятой колонне», о прямых внутренних врагах режима. Речь о тех, кто не принимает главный принцип путинской морали и системы: неформальное важнее формального.

Те здешние, кто требует честных выборов, неукоснительного соблюдения закона, как и те, кто защищает ЕГЭ, те, кто не одобряет зарплату в конверте, и т.п. — они не то чтобы чужие, но они «не наши». Отношение к ним всем примерно такое, как к евреям: с их присутствием в нашей жизни иногда приходится мириться.

² Это когда в диалоге один из собеседников, имея некоторое ситуационное превосходство над другим, изрекает то, что, как он знает, другой сочтет неприятной для него ложью, но не сможет это сказать и его наказать за ложь. При этом лгуний демонстрирует (как правило, невербальными средствами) и эту уверенность в своей безнаказанности.

Они нужны потому, что они в своих лабораториях и университетах занимаются чем-то таким, без чего не будет нашей оборонной мощи, не будет интернета, не будут работать мобильники и все такое.

Президенту приходится — должность такая — общаться и с ними. И тогда разговаривать с ними на их языке. Но настоящие сторонники Путина, когда наблюдают по телевизору эти встречи, когда слышат его речи, обращенные к этим «не нашим» (точно так, как к иностранцам), они ждут, когда он словцом или шуточкой насчет, скажем, однополых отношений пошлет им, зрителям, сигнал как своим. И ожидают, что рано или поздно придет время избавиться от этих, перед которыми надо что-то изображать, перед которыми ему и нам нельзя быть самими собой, такими, какие мы есть.

События, начавшиеся 24 февраля, отмечают патриоты, распугали этих «наших чужих». Но в стране уже началось выпалывание того, что они посеяли и вырастили в школе, в вузах, в театрах, в книгах. Чутьем определить «не наше» очень легко. Объяснить словами, почему — сложно. (Это ведь дело той стороны — объяснять словами.)

Особая сила

«Рейтинг Путина» есть, как мы сказали, уникальный социальный капитал этого политика. Многолетние наблюдения за тем, какие факторы влияют, какие не влияют на рейтинг, показали — и мы об этом не раз говорили — что в глазах тех россиян, которые своими ответами его и формируют, Путин как национальный лидер имеет одну и главную функцию. Он должен обеспечивать положение России в мире как великой державы. Каким образом ему следует это делать, публика не задумывается. Она следит за результатом. (О результате она узнает из передач ТВ.) И именно за это деятельность президента одобряют. (Попытка достичь этой цели с помощью СВО также была поддержана.)

Одобрение деятельности Путина есть для обывателя утверждение величия своей страны, а значит, укрепление собственного статуса в своих собственных глазах. Этому способствует и вся система пропаганды. Но особая роль, как мы старались показать, принадлежит сигналам, которые президент посылает своим сторонникам в модальности, маркированной как неформальная. У этих сигналов — особая сила. Ее и можно считать главным социальным ресурсом Владимира Путина.

Алексей Левинсон

Prigozhin Story

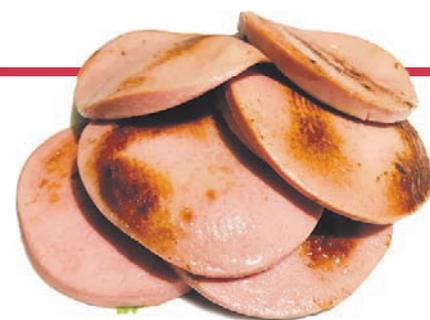
КАК ПРОДАВЕЦ СОСИСОК
С УГОЛОВНЫМ ПРОШЛЫМ СТАЛ
ОПРИЧНИКОМ, КОТОРОМУ
ПРОЩАЕТСЯ ДАЖЕ МЯТЕЖ.

СЦЕНАРНАЯ
РАЗРАБОТКА
ДЛЯ ТАРАНТИНО

Татьяна
Брицкая

Встреча с Путиным задерживалась, президент опаздывал на несколько часов. Собравшиеся в резиденции главные редакторы российских медиа считали часы. Кто-то бросил: «Покормили бы хоть». «Есть хотите? Момент!» Через несколько минут в зал внесли два противня: с хлебом и кусками жареной колбасы: «Ешьте!» Люди, которые на страницах своих изданий брезгливо называли его «поваром», поняли быстро: обслуживать он готов только одного человека. А всем остальным доходчиво сумеет дать понять, чего они стоят в его глазах.

Бешеные псы

Про Пригожина стоило бы снять сериал, но сделать это может лишь один режиссер на свете — Квентин Тарантино. В этом кино будет много дерьма и крови, золота и абсурда. И порция сентиментальности — как без нее?

20 марта 1980 года, Ленинград, Приморский район. По улице Матроса Железняка идет женщина. Ее догоняют два парня, девица и подросток. Девица просит сигаретку, прохожая открывает сумочку, один из парней начинает ее душить до потери сознания. Компания до этого разогрелась в плавучем ресторане «Океан» — гуляли на деньги, которые душитель Женя утром взял

у какого-то лошка на покупку фарцы. А неделей раньше приятели ограбили квартиру на Брянцева.

Суммарно недельные подвиги друзей принесли около 2000 рублей, да еще сапоги и серьги, снятые с прохожей. По нынешнему счету — около полумиллиона.

Будущему Герою России, душившему женщину, дали 13 лет — вменили кражу, разбой, мошенничество и вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность. Помиловали через 7 лет. Чуть больше 30 лет спустя он будет выбивать помилование для эков, согласившихся рискнуть жизнью в его проекте. Входить в зоны как домой и построившимся на плацу мужикам в робе рассказывать, что сам сидел и тюрьму знает. Они пойдут за ним. Когда его конфликт с Минобороны войдет в острую фазу, в паблик вбросят: мол, сидел «опущенным». Это неправда, и тюремная «соцсеть» не поверит. Но Пригожин — не простит.

Вышел он в 1990-м. Страна, в которой блудный сын из хорошей семьи, занимавшийся лыжными гонками, не успел получить высшее образование (хотел стать фармацевтом), доживала последний год. Перспективы открывались невероятные. Стартовый капитал по выходе из колонии у него был, откуда — бог весть. Пригожин с отчимом открыл сосисочную на Апрашке. Стал первым продавцом хот-догов в Ленинграде. Горчицу замешивал дома, деньги маме приносил пачками.

Это единственный период в жизни «неповара», когда он стоял за стойкой сам. Все последующие годы будет настойчиво повторять, что вовсе не умеет готовить, а кличку ему придумали журналисты.

Готовить он и правда в дальнейшем будет совсем не еду, а провокации, военные операции, пиар-кампании и даже мятеж.

Семейное дело

«Индрагузик повернулся на бочок, посмотрел на Гагарика, но Гагарик уже спал. Тогда Индрагузик попытался тихонечко растолкать Гагарика, но тот только похрапывал. Индрагузик полежал немножечко и тоже уснул».

2003 год. Петербургский ресторатор презентует книжку для детей. На обложке имена авторов — Полина и Паша Пригожины (*дети Евгения Пригожина*. — Ред.). Под ней — сказки, которые Пригожин перед сном сочинял детям — про чудесную страну Индрагузию, про малыша, спасшего короля...

В редких интервью начала 2000-х Пригожин вспоминал, как бедно жили они во времена его детства, бедно, зато вместе: «Ели все с большой прабабушкой на рубль пятьдесят в день». Первые не украденные, а заработанные деньги будет нести матери — пачками, мешками и только кэшем, конечно. Кэш и сейчас у него в ходу — при обыске в офисе и машинах опального бизнесмена этим летом изъяли 4 миллиарда рублей наличными.

Когда решили вернуть, хозяин равнодушно послал за ними водителя.

Виолетта Пригожина, бывший медработник, до сих пор совладелица «Конкорда» — основы бизнес-империи сына. Выбравшись из нищеты, он сохранил желание все обращать в золото — недаром одна из связанных с ним африканских компаний называется «Мидас». Но книгу про Индрагузика в продажу не отдал — только дарил уважаемым людям: губернатору Яковлеву, директору «Эрмитажа» Пиотровскому, первой леди Кыргызстана Майрам Акаевой. Путину не удалось, случая не было — сетовал потом издатель.

Все они бывали его гостями — в «Старой таможне» или New Island — плавучем ресторане, имеющем допуск ФСО на обслуживание охраняемых лиц. Интересно, помнил ли владелец, превращая старенький теплоход в роскошный ресторан на воде, о плавучем «Океане», где проводил дни разбойничьей юности?

Журналисты-расследователи не раз писали о гибели на борту (а точнее, за бортом) ресторана челябинца Дмитрия Соколова в 2004 году. На корпоративе на Университетской набережной он сильно выпил и по ошибке забрел на борт пришвартованного напротив New Island. И — исчез. Тело нашли в Неве спустя месяц. В тот вечер в ресторане должны были отмечать семейный праздник Пригожина, но, приехав, он якобы обнаружил там пьяного постороннего.

Безопасность и спокойствие семьи для нашего персонажа — базовая ценность. Ради ее защиты можно пойти на многое. Спустя 20 лет его привязанность к семье будет использована жестоко — публикацией содержимого взломанного телефона его дочери. Уважающий понятия ресторатор мстителен. После грязного слива возможность договориться его враги утратили.

Особые поручения

На теплоходе-ресторане Пригожин завел самое нужное знакомство — в 2001 году Путин ужинал там с Шираком, в 2002-м — с Бушем, в 2003-м отмечал там свой день рождения. Есть фото, где хозяин заведения обслуживает президентов. Но нет ни одного фото на память с главой государства. И наградной «Глок» за Сирию — не от Путина, а от Шойгу. Вот за ним — тоже изъятый при обыске — владелец сходил в Большой дом сам.

С Путиным было не безоблачно: в 2013-м взломавшие электронную почту ресторатора хакеры опубликовали отчеты, которые якобы тому делали официанты, — обо всем, что обсуждали первые лица за столом. Пригожин вывернулся

Соцсети

Мария Купрашевич

изящно, заявив: не мог позволить, чтоб хоть одно слово президента оказалось утраченным для истории.

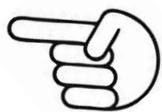
Примерно тогда он стал выполнять особые поручения, проявив себя мастером режиссуры оригинального жанра: например, нанял массовку, изображавшую геев и лесбиянок, встречающих Барака Обаму у аэропорта Пулково-2 с воплями: «Обама — с нами!» А в пригожинской «Газете о газетах» вышел материал о том, что Обама прилетел исключительно ради встречи с ними. «Газета о газетах» заточена была на «разоблачение» «Новой газеты», активно расследовавшей деятельность Пригожина. К тому времени он получил многочисленные госконтракты на поставки питания в школы, детсады и подразделения Минобороны. Бизнес вел творчески: желая получить контракт на обслуживание ПМЭФ в 2013 году, заказал кейтеринг у конкурентов и нанял актеров, изображавших симптомы отравления.

Случались и провалы — массовое отравление в детсадах Москвы. «Новая» обо всем этом писала, а «Конкорд» отправил в редакцию агентессу Машу Купрашевич, которая под видом стажера рекламной службы собирала информацию. Машу быстро разоблачили, что не помешало ей вскоре выпустить на пригожинском ресурсе интервью о том, что редакция — гнездо всякой аморалки. Впоследствии обиженные на «Новую» переключились на более надежные методы давления вроде подброса погребальных венков, живых и мертвых баранов, а также организации газовых атак на здание редакции. Все эти эпизоды остались официально не раскрытыми. Впрочем, вскоре выяснилось, что своих шпионов «кремлевский повар» засылал и на телеканал «Дождь»*, и в российский офис Google.

А Пригожин тем временем строил медиаимперию.

*Власти РФ считают «иноагентом» и «нежелательной организацией».

Тролли исполняют

Евгений Пригожин перестал избегать публичности только через несколько месяцев после начала СВО. Человек, даже в существовании которого еще недавно можно было усомниться, мастер мистификаций, прежде он появлялся, и то виртуально, только в судах, где выигрывал иски у журналистов, сообщивших о нем то, что впоследствии он сам будет признавать. Например, что он — владелец ЧВК «Вагнер». Или — что был судим по уголовной статье. Российско-украинский конфликт изменил его пиар-стратегию: Пригожин за эти полтора года дал столько интервью и комментариев, сколько не дал за всю свою жизнь. Это фонтанирование лишь кажется эмоциональными выплесками. Для создания такого впечатления наш персонаж делает немало: то с перекошенным лицом орет в камеру так, что в мемах его делают свирепым персонажем японского аниме, то объясняет миру, что «психанул» — и оттого повернул стволы орудий на Москву. В Сеть даже вбрасываются якобы подтверждающие психическую нестабильность персонажа псевдомедицинские сведения. Все работает на имидж. Пригожин хороший актер — и парики в его доме ни при чем. Ему нравятся затеи, подобные троюковским: тот пугал гостей медведем, этот — кувалдой в скрипичном футляре и фотографией отрезанных голов в гостиной.

Многочисленные интервью Пригожина не должны вводить в заблуждение: как бы трепетно ни внимали ему «военкоры», откровенности ждать не стоит. Так же, как от принадлежавших ему ольгинских троллей — личной позиции. Он исключительно талантлив в вопросах пиара.

Необходимость владеть информацией осознал давно. Медиагруппа «Патриот» включала десятки ресурсов, распространявших нужную Пригожину и лояльную власти информацию. В 2018 году совокупная аудитория связанных с ресторатором медиа составила 72 млн человек. Параллельно в Ольгино круглосуточно работали сетевые тролли, создававшие фантомную реальность для россиян и не только. В профинансированном Пригожиным хвастливым фильме «16-й» они влияют и на американские выборы. По версии минюста США, Агентство интернет-исследований («фабрика троллей») действительно устроило «кампанию по дезинформации американских граждан в соцсетях». Сам Пригожин это опровергал до февраля 2023 года — а затем признал. Согласно информации Politico, еще один якобы связанный с «Конкордом» проект планировал вмешательство в парламентские выборы в Эстонии в 2019 году. Для этого подчиненные Пригожина яко-

Prigozhin Story

бы разработали план поддержки ультраправой Консервативной народной партии Эстонии.

Как позже установил Оксфордский центр по изучению компьютерной пропаганды, первые попытки пригожинцев управлять общественным мнением в соцсетях начались еще в 2009 году во время муниципальных выборов в разных городах России.

Постоянно развивающийся бизнес Пригожин быстро понял, в какой серой зоне может оказать неоценимые услуги власти, не демаскируя ее участие. За это ему впрямую не платили — просто объем госконтрактов, которые он выигрывал, рос непрерывно. Чего только он не делает: строит дом отдыха для администрации президента России, военные городки (один даже получает в собственность), организует работу гардероба в Мосгорсуде, контролирует продовольственную безопасность армии, имеет доступ к информации о численности личного состава ВС РФ, расположении казарм. И трудно представить себе более информированного о быте российской власти человека.

А одновременно он занимался изучением и трансформацией политических настроений россиян. Умелое использование алгоритмов соцсетей, понимание нужной власти повестки — это они привели пропаганду из телевизора в интернет, постепенно стирая разницу между теми, кто у ящика, и теми, кто у монитора.

Кстати, помимо распространения информации, занимались его структуры и ее сбором: в 2012 году связанный с «Конкорд Кейтеринг» Дмитрий Кошара начал кормить оппозиционеров на митингах движения «За честные выборы». Под прикрытием шел сбор материалов, которые впоследствии легли в основу фильма НТВ «Анатомия протеста».

Золото и кровь

В 2017 году «некие бойцы» засняли на камеру, как совершают внесудебную казнь в Сирии. Предполагаемые боевики ЧВК «Вагнер» с отрезанной головой Мухаммеда Э. были идентифицированы журналистами, как и место казни — возле месторождения Аш-Шаер в Сирии. СК РФ дела не возбудил. Но мир получил окончательные доказательства тщательно скрывавшегося присутствия «Вагнера» в Сирии. И вообще — существования этой ЧВК.

Ловкость в исполнении особых поручений и сочетание авантюризма и рациональности позволили Пригожину выйти на новый уровень. Необходимость негласного присутствия России в Сирии и его желание командовать полками совпали: ему доверили созданную при благосклонности спецслужб РФ ЧВК «Вагнер». Затем — Африка. Тут тоже все в гармонии: у государства есть политические интересы, у Пригожина — экономические.

Сам Пригожин рассказывал, что батальонная тактическая группа (будущий «Вагнер») была создана 1 мая 2014 года. Он подтверждал,

Соцсети

Александр Расторгуев, Орхан Джемаль и Кирилл Радченко

Из архива

дениям Bloomberg, простирались еще как минимум на восемь государств Африки: Зимбабве, Конго, Мозамбик, Мадагаскар, Гвинею, Гвинею-Бисау, Анголу, Судан.

30 июля 2018 года в Центральноафриканской Республике во время подготовки расследования о группе «Вагнер» были убиты журналисты Александр Расторгуев, Орхан Джемаль и Кирилл Радченко. Преступление не раскрыто.

что она присутствовала в Луганской и Донецкой областях, участвовала в конфликтах в Сирии и ряде африканских стран.

Ядром «Вагнера» стал «Славянский корпус». В 2013 году бойцов для него набирали менеджеры российской частной военной компании Moran Security Group. После первой неудачной операции в Сирии двое из них были задержаны, а впоследствии осуждены на три года за наемничество. Однако уже в 2014 году наемники из «Славянского корпуса» были замечены на юго-востоке Украины и в Крыму — во второй раз команду собрал бывший спецназовец ГРУ Генерального штаба Вооруженных сил России Дмитрий Уткин с позывным «Вагнер». Потом была Сирия. После взятия Пальмиры в 2016 году Уткина и еще нескольких бойцов ЧВК принимали в Кремле.

В том же году компания «Евро Полис», связанная с Евгением Пригожиным, заключила с сирийским правительством соглашение об участии в освобождении, охране и разработке сирийских нефтегазовых месторождений. В обмен должна была получать четверть всего газа и всей нефти, добытой на отвоеванной для Башара Асада территории.

Через год-два пригожинцы были замечены в Центральноафриканской Республике, Ливии, Судане, Ливане, Кении и Чаде. В ЦАР и Судане связанные с Пригожиным компании в обмен на услуги наемников получили разрешение на добычу золота и алмазов. Также, по данным Politico, группировка заключала договоры с местными правительствами, обещая им помочь подавить протесты и обеспечить безопасность высокопоставленных чиновников. Кроме Центральноафриканской Республики и Ливии, бизнес-интересы Пригожина, по све-

Опричники

Человек в камуфляже стоит посреди зоновского плаца. На его груди три Звезды Героя (российская только одна, остальные — от «ДНР» и «ЛНР», но издали не видно). Он говорит, что ему нужны штурмовики. И что выживших — помилуют. Так начался зоновский проект «Вагнера» — пожалуй, самый эффективный и самый циничный. Нехватку живой силы в Минобороны Пригожин замещает даже не своими людьми, а вчерашними зэками. Их вопре-

Дмитрий Уткин

Соцсети

ки законам РФ выводят из зон в распоряжение силовика-частника. И отправляют на фронт. Поначалу официальные власти это опровергают. Затем — распространяют на бывших заключенных нормы закона о запрете «дискредитации армии»: теперь писать об их криминальном прошлом опасно.

Расчет точен: люди, жившие в ситуации расчеловечивания, легко рискнут своей и чужой жизнью ради избавления от нее. И будут преданы до смерти.

В это время Пригожин окончательно признает: «Вагнер» — его детище. На бумаге его нет вообще. Независимость от государства хозяин демонстрирует, постоянно скандаля с

Минобороны. Хотя с Шойгу взаимная нелюбовь искренняя. Пригожин не заключает альянсов — с Кадыровым тоже поругался.

Ему больше не нужны соучастники. «Вагнер» берет Попасную, Соледар и Бахмут, бойцов хоронят на аллеях славы, их жены получают гробовые наличными в срок. Изъятые после мятежа 4 миллиарда — это те самые гробовые, потому и вернули, испугавшись кастрюльного бунта.

Пригожин поддерживает опальных генералов. Отправленный в отставку с должности замминистра обороны РФ по материально-техническому обеспечению генерал-полковник Михаил Мизинцев стал замкомандующего ЧВК «Вагнер». Пригожин начинает постоянно присутствовать в паблике. Троллит Шойгу, критикует военное руководство. Недовольные тянутся к нему. Это удивительный козлей Навального: Пригожин-блогер призывает бороться с коррупцией, обвиняет власть в неадекватности... И оттягивает к себе правопатриотическую оппозицию. Его популярность растет, и это отличный политический дебют для ноунейма, каким ресторатор был для большей части страны до СВО. В Сети появляется сайт, похожий на агитационный, на нем призывают записываться в сторонники Пригожина.

А он позволяет себе все больше, провоцируя Минобороны. Затем следует удар. Точнее, сообщение о якобы нанесенном армией РФ по позициям «Вагнера» ракетном ударе. Журналисты «Новой газеты» месяц спустя докажут, что удара не было. Но именно он стал пиар-объяснением причин мятежа. Вот только был ли сам мятеж? Против кого? Уголовное дело закрыто, за гибель сбитых летчиков никто не ответил (хозяин ЧВК выплатил компенсации их семьям). В результате странной прогулки вагнеровцев до Подмоскovie и обратно ЧВК получила возможность передислокации в Беларусь к украинским и польским границам вместе со своей техникой и всем личным составом. И — репутацию целиком частной независимой от власти опальной структуры. Непризнанный режиссер Пригожин сохранил внешнюю вежливость только по отношению к Путину — и был принят в Кремле сразу после бунта. Теперь «Вагнер» не просто личная армия, но опричники. А вот пойдут они в новый СМЕРШ истреблять инакомыслящих или марш-броском на Киев или Варшаву — зависит от того, какие амбиции и какие договоренности на новый электоральный цикл заключены у Пригожина лично с Путиным. Режим доверия никто не выключал, но главный вопрос теперь такой: захочет ли опричник дальше хранить верность, или сам метит на трон? Его «предвыборный» сайт продолжает работать.

Татьяна Брицкая

Шпионские мосты

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОБМЕНОВ:
АГЕНТЫ, ДИССИДЕНТЫ, ХУЛИГАНЫ,
БУДУЩИЕ МИНИСТРЫ И ДАЖЕ
БАСКЕТБОЛИСТКА.

«ОБМЕННЫЙ ФОНД»
ПРОДОЛЖАЕТ ПОПОЛНЯТЬСЯ

Павел
Гутионтов

Я был здесь в мае 1995-го в составе делегации российских журналистов, приехавшей в Берлин в связи с 50-летием окончания Второй мировой войны в Европе. Приглашал бундесвер, разместил приглашенных в замке Глинике — рядом с мостом. Поэтому каждый вечер Юра Щекочихин озабоченно интересовался: «Кого сегодня меняем? На что?..» Никого не поменяли. Правда, одного из нас, возвращавшегося из города на общественном транспорте, в Потсдам все-таки увезли. Кипевший от возмущения, он появился в замке глубокой ночью, объяснил все так. Автобус был пуст. Когда подъезжали к нашей остановке, Николай подошел к двери и широко улыбнулся водителю. Тот ответил такой же широкой улыбкой. И остановку проехал. То же произошло и на следующей, и на еще следующей... Словом, увезли журналиста на окраину Потсдама, до конечной. Там он пересел на другой автобус и до замка все-таки добрался. По-немецки он не говорил ни слова.

ЭТОТ МОСТ, мост Глинике, наверное, один из самых знаменитых на континенте. Он перекинут через реку Хафель и соединяет берлинский район Ванзе и город Потсдам. История его начинается со второй половины XVII века, когда был построен узкий деревянный мост для поездок знати к своим резиденциям в Потсдаме и охотничьим угодьям. С возрастанием объема перевозок в 1777 году мост был перестроен. Его сделали разводным, снабдили перилами, поставили шлагбаум и ввели плату за проезд. В 1831 году в дополнение к существующему мосту было начато строительство каменного моста по проекту придворного архитектора Карла Фридриха Шинкеля.

AP Photo

Рудольф Абель

Таким образом, современный Глиникский мост — четвертый по счету.

Строительство было начато в 1906 году, и через год мост был открыт. Длина — 128 метров, ширина — 22 м. Кстати, в ГДР было под запретом оборудование для подводного плавания по причине того, что часть границы с Западным Берлином проходила по реке и озерам.

По окончании Второй мировой войны и до объединения Германии по середине моста как раз проходила граница. Мост получил всемирную известность благодаря тому, что по крайней мере четырежды на нем состоялся обмен арестованными шпионами между советскими и американскими спецслужбами.

В средствах массовой информации его прозвали «шпионским мостом».

Первое такое мероприятие состоялось 10 февраля 1962 года, когда Советский Союз выдал Соединенным Штатам сбитого над Свердловском американского летчика Гэри Пауэрса в обмен на арестованного ФБР полковника Рудольфа Абеля.

В апреле 1964 года Конон Молодой был обменян — здесь же — на британского агента Гревилла Винна.

На этом же мосту, но уже в 1985 году, состоялся самый массовый обмен шпионами в истории. 11 июня 1985 года по этому мосту на Запад отправились 23 агента ЦРУ, сидевшие в тюрьмах ГДР и Польши, некоторые уже достаточно продолжительное время. В свою очередь, СССР получил четырех агентов Восточного бло-

ка. Переговоры об этом массовом обмене велись на протяжении нескольких лет. При этом начались они с обсуждения освобождения человека, которого в тот день так и не оказалось среди тех, кто получил свободу. Речь шла о советском правозащитнике Анатолии Щаранском.

Американцы на автофургоне «Шевроле» подвезли к мосту «своих». Среди них были польский разведчик Мариан Захарски, в 1981 году приговоренный к пожизненному заключению «за деятельность по установлению планов вооруженных сил США»; Пенью Костадинов, быв-

ший торговый атташе посольства Болгарии в Вашингтоне, арестованный ФБР в 1983 году при получении конфиденциальных правительственных документов; физик из ГДР Альфред Цее, который передавал в Восточный Берлин секретные сведения о ВМС США и был арестован в 1983 году на конференции в Бостоне; четвертой участницей обмена была курьер КГБ Алиса Михельсон, гражданка ГДР, которую задержали в 1984 году в аэропорту имени Кеннеди в Нью-Йорке.

И наконец, 11 февраля 1986 года состоялся обмен диссидента Анатолия (Натана) Щаранского.

После этого обменов на мосту Глинике не было: просто здесь перестала существовать граница.

Первый обмен на мосту Глинике

Настоящее имя Рудольфа Абеля — Вильям Генрихович Фишер. Полковник, нелегально «работал» в Нью-Йорке, в 1957 году арестован ФБР из-за предательства напарника. Судим, получил 30 лет. Обменян на Френсиса Гэри Пауэрса, пилота сбитого под Свердловском самолета-шпиона У-2.

Судьба Абеля сразу приобрела значение козырной карты в сложной игре. Свидетельством тому книга («Незнакомцы на мосту»), кото-

рую в 1966 году написал американский адвокат Джеймс Донован, защищавший в суде советского шпиона, — очень показательна и то, что попало на ее страницы, и то, что в ней явно оказалось опущено. Впервые (на английском, естественно) книга была издана в 1964 году. Через тридцать четыре года ее перевели на русский и издали; читается и сегодня на одном дыхании.

Поражает, насколько не доверяли друг другу «высокие договаривающиеся стороны»: ежеминутно и американцы, и советские напряженно ждали подвохов и обманов; к подвохам и обманам всегда были готовы и сами. «Дипломат Шишкин», ведущий переговоры в Берлине со стороны русских, был на самом деле, пишет Донован, начальником «III европейского отдела КГБ», да и Шишкиным ли? В операции на самом последнем этапе принимали участие будущий начальник нелегальной разведки управления «С» ПГУ КГБ Юрий Дроздов (под псевдонимом Юрген Дривс играл немногословную роль «немецкого кузена» Абеля) и восточногерманский адвокат Вольфганг Фогель (на чью фамилию я постоянно наткнулся в делах об обменах на протяжении многих лет)...

Обмен состоялся 10 февраля 1962 года на Глиникском мосту.

«Когда настало время ехать, он (Абель. — П.Г.) взял меня за руку и сказал с большой искренностью:

— Я никогда не смогу как следует отблагодарить вас за ваш тяжелый труд, а главное — за вашу добросовестность. Я знаю, что ваша страсть — коллекционирование редких книг. В моей стране такие культурные ценности являются достоянием государства. Но я как-нибудь устрою, чтобы вы в течение ближайшего года получили должное выражение моей благодарности.

Из тюрьмы мы поехали к назначенному месту встречи на мосту Глиникер-брюкке. Когда мы прибыли туда, было уже светло, но страшно холодно. С нашей стороны моста повсюду можно было видеть американскую военную полицию. Она сменила часовых западногерманской пограничной охраны, которые, как я заметил, сидели в караульной будке с изумленным и даже несколько испуганным видом и пили кофе. Их явно не известили о нашей миссии. Абель прибыл около 8 часов 15 минут в машине, полной охраны. Наш охранник, который потом вышел на мост с Абелем и Уилкинсоном, был здоровенный детина, каких мне редко приходилось видеть. Ростом не менее двух метров, он весил, должно быть, килограммов 130 с лишним. Я так и не узнал, кто он, но, вероятно, его прислали сюда из Федерального управления тюрем»...

Ровно в 8 часов 20 минут Donovan вышел на середину моста. По одну сторону от него шел глава миссии США в Берлине, по другую — молодой штатский, который был товарищем Пауэрса, когда тот летал на У-2. Тем временем с другой стороны к ним начал приближаться Шишкин в сопровождении двух штатских. Когда они дошли до середины моста, Donovan и Шишкин выступили вперед, официально обменялись рукопожатиями и дали обоюдные заверения, что в соответствии с соглашением все готово.

«...Было 8 часов 45 минут. Я (Donovan. — П.Г.) подал знак Уилкинсону. Он вынул официального вида документ и скрепил его своей подписью. (Тем временем оба заключенных были опознаны встречавшими, которые начали дружески махать им руками.) По знаку, по данному Шишкиным и мной, Пауэрс и Абель вышли вперед со своими мешками и переступили через разграничительную линию. Они не взглянули друг на друга...

Абель задержался. Он попросил Уилкинсона дать ему официальный документ о помиловании, сказав:

— Я буду хранить его как своего рода диплом.

Затем, положив свой мешок, он протянул мне руку и сказал:

— Прощайте, Джим!

Я ответил:

— Всего хорошего, Рудольф»...

Через полгода на пограничный пункт «Фридрихштрассе» прибыл советский курьер и спросил представителя американской миссии. Он передал ему предназначавшиеся для Donovan конверт и пакет, на которых был указан его нью-йоркский адрес. В приложенном к пакету письме говорилось:

«Дорогой Джим!

Хотя я не коллекционер старых книг и не юрист, я полагаю, что две старые, изданные в XVI веке книги по вопросам права, которые мне удалось найти, достаточно редки, чтобы явиться ценным дополнением к вашей коллекции. Примите их, пожалуйста, в знак признательности за все, что вы для меня сделали.

Надеюсь, что ваше здоровье не пострадает от чрезмерной загруженности работой.

Искренне ваш Рудольф».

В пакете были два редких издания XVI века: «Комментарии к кодексу Юстиниана» на латинском языке в веленевых переплетках.

Надо полагать, что никакой не «Рудольф» отдался за работу адвоката...

В это же время Donovan получил и личное (очень теплое) письмо президента Кеннеди: «Я хочу, чтобы вы знали, что я считаю возвращение г-на Пауэрса и результаты пересмотра его дела ценными с точки зрения национальных интересов... Насколько мне известно, переговоры, которые вы взяли на себя после того, как дипломатические каналы оказались бесполезными, являются единственными в своем роде, и вы вели их с величайшим умением и мужеством...»

...Дело «полковника Абеля» было закончено. В Москве ему присвоили звание Героя Советского Союза.

Самый безукоризненный из диссидентов

Александр Гинзбург учился в московской мужской школе № 12, после школы уехал в Новосибирский ТЮЗ, где работал актером и режиссером. Потом поступил на журфак МГУ, учился на заочном отделении, работал в «Московском комсомольце». В 1959–1960 годах составил самиздатский поэтический альманах «Синтаксис». В альманах вошли неопубликованные стихи его друзей — Генриха Сапгира, Игоря Холина, Сергея Чудакова, Николая Глазкова, Александра Аронова,

ШПИОН- СКИЕ МОСТЫ

Александр Гинзбург

Булата Окуджавы, Беллы Ахмадулиной. Там же впервые были напечатаны стихи Бродского. Альманах включал 10 авторов, каждый из которых был представлен пятью стихотворениями. Всего вышли три номера «Синтаксиса». Четвертый был подготовлен, но КГБ провел обыск «по подозрению в наличии антисоветской литературы».

Стихи изъяли. Поэтические тексты, по признанию Гинзбурга, по объему заняли у гэбистов «полгрузовика». Гинзбург был арестован. После безуспешных попыток КГБ сформулировать политическое обвинение следователи вменили ему в вину давний случай, когда Алики написал за товарища сочинение на аттестат зрелости в школе. Его осудили за «подделку документов» к двум годам. Отбывал он наказание в «смешанной зоне» на севере Кировской области в Вятлаге.

После освобождения вернулся в Москву, был рабочим музея, электриком, токарем и аварийным работником московской канализации.

Второй раз сел в 1966 году, когда составил сборник под названием «Белая книга» — о деле писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Гинзбург лично отнес пятый экземпляр машинописной закладки рукописи в приемную КГБ СССР на Кузнецком мосту с предложением обменять публикацию книги на досрочное освобождение Синявского и Даниэля.

Достаточно наивное предложение осталось без ответа.

«Белая книга» была разослана во многие официальные инстанции СССР, депутатам Верховного Совета СССР и в конце концов вышла за границу. А Гинзбург в Москве в 1967 году был осужден по статье 70 УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда») на пять лет лагерей.

Наказание отбывал в мордовском политическом лагере ЖХ 385/17. После освобождения поселился в подмосковном городе Таруса, так как по советским законам мог жить не менее чем за 100 километров от Москвы.

В феврале 1974-го, после ареста и высылки Солженицына, помогал Наталье Дмитриевне выносить из дома и перепрятывать рукописи и материалы писателя. Солженицын включил Гинзбурга в число своих тайных помощников. А с апреля 1974 года Алик стал распорядителем «Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям», созданного Солженицыным. Вскоре он стал одним из учредителей Московской Хельсинкской группы. Неоднократно подвергался обыскам, допросам, задержаниям.

3 февраля 1977 года в рамках кампании по разгрому Хельсинкского движения в стране Гинзбурга в числе других активистов хельсинкских групп арестовали; за антисоветскую пропаганду он был приговорен к восьми годам лишения свободы в колонии особого режима. 27 апреля 1979 года в результате переговоров на высшем уровне между СССР и США Александр Гинзбург вместе с четырьмя другими политзаключенными — Эдуардом Кузнецовым, Марком Дымшицем, Георгием Винсом и Валентином Морозом — был обменян на двух сотрудников КГБ — Р. Черняева и В. Энгера, — осужденных в США за шпионаж в пользу СССР на срок по 50 лет тюремного заключения каждый.

Гинзбург жил в США, потом во Франции, в Париже с женой Ариной Жолковской-Гинзбург и двумя детьми. Руководил Русским культурным центром в Монжероне, а с середины 1980-х годов и до октября 1997 года работал в газете «Русская мысль» — делал обзоры «Хроника текущих событий». А Арина была заместителем главного редактора Ирины Иловайской.

Когда-то Александра Свиридова, еще до эмиграции, сняла о нем замечательный фильм. Вот что говорит в нем о своем освобождении сам Гинзбург:

«Меня привезли в лагерь в сентябре 78-го, а в апреле 79-го уже дернули на этап. «Собирайтесь с вещами». С вещами сажают в «воронок», причем вижу, что это не единственный «воронок», отходящий от нашей маленькой зоны. От зоны отходят три «воронка». Дальше — вагон для заключенных, потом опять «воронок», пересыльная тюрьма.

Привозят в «Лефортово», приводят к начальнику тюрьмы. Сидит полковник Поваренков, начальник тюрьмы. И рядом двое в штатском, которые объявляют: «От имени Верховного Совета мы заявляем, что вы лишаетесь гражданства и высылаются за пределы Советского Союза». Дальше ведут не в камеру, а в боксик, через которые мы проходили, когда нас привезли в тюрьму. А там уже на стуле висит болгарский пиджак, венгерские штаны, польский галстук, стоят чешские ботинки, и все по нашему размеру. «Вот, переодевайтесь».

Нас хватают, буквально хватают, и — во двор, в машину. Черная «Волга». Никаких наручников. Как при аресте: двое — впереди, двое — у тебя по бокам... Первый раз видел в Лефортовской тюрьме, что были открыты двое ворот, — обычно это шлюзы: одни ворота открываются, машины выезжают, другие закрываются. А тут — машина выскакивает вперед и становится в хвост такой же точно машине, в которой сидит такой же точно стриженный затылок, который я вижу. Я был в последней машине и насчитал, что помимо меня как минимум еще четыре таких же. И этот кортеж по утренней Москве едет в Шереметьево. Впереди — милиционеры с мигалками, сзади — милиционеры с мигалками. И — прямо на летное поле. Нас выводят, заводят в самолет, Ту какой-то, на нем изображены олимпийские кольца, поскольку в Москве должна быть Олимпиада.

Приходят в самолет представители американского посольства и объявляют, что нас везут в Америку. Выясняют у нас про наших родственников. Кто-то говорит, что родственники

включены в то же самое соглашение, и так далее. Но про то, что это обмен — ни звука. Мы этого ничего не знаем.

Все, мы взлетаем! А когда приземлились и нас посадили в огромные белые «Кадиллаки», каждого — отдельно, и повезли по очень любопытному городу Нью-Йорку, по всем его виадукам, под мостами, над мостами, то я узнал. Мне досталась очаровательная попутчица. Сотрудница Совета национальной безопасности Джессика Такман, дочка известной писательницы Барбары Такман. Она мне и сказала, что это был обмен. Имена не помню, но это были сотрудники Советской миссии при ООН, которые попались с поличным на том, что получали от американцев завербованных какие-то секретные документы. Когда я собрался писать об этом книжку, она должна была называться «Две пятых советского шпиона»...

...Книжку он так и не написал.

Как готовят в министры

Натан Щаранский после окончания московского Физтеха устроился работать в ВНИИ нефти и газа — где работал инженером-математиком на должности младшего научного сотрудника. В свободное от работы время тренировал юных шахматистов в шахматном клубе в парке «Сокольники».

В середине 1970-х Щаранский становится одним из инициаторов создания Московской группы по контролю за соблюдением Хельсинкских соглашений в области прав человека (так называемой Хельсинкской группы), помощником и переводчиком академика Андрея Сахарова. Щаранский активно участвовал в еврейском движении в СССР, демонстрациях и голодовках протеста; был автором ряда писем и обращений еврейских активистов

к советским властям и международной общественности. Встречаясь с аккредитованными в Москве иностранными журналистами, Щаранский передавал им информацию о преследованиях, которым подвергались активисты-правозащитники, о необоснованных отказах в разрешении на выезд из СССР, о многочисленных случаях нарушений прав человека в СССР.

AP Photo

Натан Щаранский

ШПИОН- СКИЕ МОСТЫ

15 марта 1977 года был арестован по обвинению в измене Родине и антисоветской агитации. Одновременно с арестом в газете «Известия» было опубликовано открытое письмо Александра Липавского, одного из приближенных к Щаранскому людей, являвшегося агентом КГБ.

Обвинение утверждало, что шпионаж заключался в сборе и передаче Щаранским на Запад списков лиц, которым было отказано в выезде из СССР с обоснованием «сохранение государственной тайны»; что эти списки содержали материалы о 1300 лицах, располагавших военными и иными секретами, и информацию о дислокации, ведомственной принадлежности и режиме секретности двухсот предприятий в разных городах Советского Союза, о руководящих работниках этих предприятий; что Щаранский передал эти списки «работавшему в Москве под видом журналиста агенту американской военной разведки» Роберту Тоту, который использовал их против интересов СССР, опубликовав статью «Советский Союз косвенно раскрывает центры секретных работ»; и что Щаранский делал все это по заданию иностранных разведывательных служб.

Помимо этого утверждалось, что Щаранский помогал Тоту устанавливать «конспиративные контакты с учеными и специалистами, причастными к хранению секретной информации, в результате чего Тот получил не подлежащую публикации в открытой печати информацию о парапсихологии и космических и социологических исследованиях».

Обвинение утверждало, что «оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР» состояло в том, что Щаранский «передавал за рубеж материалы, намеренно искажающие действительную картину жизни в СССР» и «призывал правительства ряда стран, чтобы они — под предлогом заботы о правах человека — оказывали непрерывное давление на Советский Союз, побуждая его изменить внутреннюю и внешнюю политику».

Приговорили его к 13 годам.

Наказание Щаранский отбывал во Владимирской и Чистопольской тюрьмах, а затем в колонии строгого режима в Пермской области. За протесты против незаконных действий тюремного начальства примерно половину отбытого им девятилетнего срока заключения Щаранский провел в одиночной камере и более 400 дней — в штрафном изоляторе. Щаранский неоднократно объявлял голодовки протеста, подвергался принудительному кормлению.

11 февраля 1986 года Щаранского вместе с двумя гражданами ФРГ и гражданином Чехословакии обменяли на мосту Глинке на арестованных в США чехословацких агентов Карела Кехера и его жену Хану, а также советского разведчика Евгения Землякова, польского разведчика Ежи Качмарека и разведчика ГДР Детлефа Шарфенорта, арестованных в ФРГ.

После репатриации в Израиль в 1986 году — государственный и общественный деятель, депутат кнессета, писатель. Кавалер двух высших американских наград — Золотой медали Конгресса США (1986) и президентской медали Свободы (2006), лауреат Премии Израиля (2016).

Я общался со Щаранским в 1992 году, помню впечатление: маленький, я бы сказал — полноватый, улыбочивый, обаятельный человек, министр Израиля.

Да!.. Всех евреев, из-за «секретности работы» которых (в области парапсихологии?) Щаранского в свое время привлекали к суду, из СССР выпустили.

Getty Images

Владимир Буковский

Судьба «хулигана»

Владимир Буковский в общей сложности в тюрьмах и на принудительном «лечении» провел 12 лет.

В последний раз (в 1972 году) за «антисоветскую агитацию и пропаганду» его приговорили к семи годам заключения (с отбыванием первых двух лет в тюрьме) и пяти годам ссылки — максимальный срок наказания по статье 70.1 УК РСФСР. Срок отбывал во Владимирской тюрьме, затем в колонии Пермь-36. Находясь в заключении, в соавторстве со своим сокамерником, психиатром Семеном Глузманом, написал «Пособие по психиатрии для инакомыслящих» — руководство, призванное помочь тем, кого власти пытаются объявить невменяемыми.

В 1976 году Буковского обменяли на генсека чилийских коммунистов; уезжать не хотел, но его и не спрашивали. (Его друг Вадим Делоне написал тогда знаменитую частушку: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где

б найти такую ..., чтоб на Брежнева сменить?» Частушка пользовалась невиданной популярностью.)

Закончил

Кембриджский университет, нейрофизиолог. Автор многих книг, изданных по всему миру, в том числе в России. Участник «Московского процесса» о запрете КПСС. В 2007 году Буковский был выдвинут кандидатом на пост президента Российской Федерации, но Центризбирком отклонил его заявку,

мотивируя отказ проживанием Буковского вне территории РФ последние десять лет и отсутствием документов, подтверждающих его род занятий, Верховный суд подтвердил законность отказа.

Последние сведения об обменах

В июне 2010 года в США были задержаны сразу десять российских разведчиков-нелегалов: Анна Чапман, Ричард и Синтия Мерфи, Хуан Ласаро и Викки Пелаэс, Майкл Зотолли и Патрисия Миллз, Михаил Семенко, Дональд Хэтфилд и Трейси Фоли.

В обмен на задержанных в США агентов, которых сдал бежавший в США полковник Службы внешней разведки Александр Потеев, Россия выдала четырех заключенных, которые уже отбывали наказание в нашей стране. Это были обвиняемые в шпионаже на США и Великобританию бывшие сотрудники СВР и ГРУ Александр Запорожский и Сергей Скрипаль, бывший заместитель главы службы безопасности телекомпании «НТВ Плюс» Геннадий Василенко и бывший завсектора института США и Канады РАН Игорь Сулягин.

Смелые российские разведчики, среди которых выделялась очевидными талантами Анна Чапман, были приняты премьер-министром и вместе с ним, как сообщили агентства, исполнили в его кабинете песню «С чего начинается Родина».

Вполголоса?

Что же до тех, на кого наших разведчиков выменяли, то 4 марта 2018 года Скрипаль и его 33-летняя дочь Юлия, приехавшая из Москвы навестить отца, были найдены без сознания на скамейке близ торгового центра в Солсбери без видимых телесных повреждений. Их экстренно госпитализировали в больницу города в состоянии тяжелого отравления редким нервно-паралитическим веществом. Оба оказались в реанимации в состоянии комы. Всего в результате инцидента пострадал 21 человек, в том числе госпитализирован прибывший первым на место события полицейский Ник Бейли. Глава контртеррористического отдела Скотланд-Ярда заявил, что отравление было совершено при помощи нервно-паралитического отравляющего вещества, которое впоследствии было идентифицировано как боевое отравляющее вещество класса «Новичок». Власти Британии квалифицировали отравление Скрипаля как покушение на убийство.

Кстати, именно в Солсбери, где поселился Скрипаль, влекомые интересом к старинной архитектуре, приехали на день из России предпри-

Соцсети

Сергей и Юлия Скрипали

V_Zelenskiy / official Telegram

Виктор Медведчук

Christophe ARCHAMBAULT / AFP FILES / AFP

Виктор Бут

ниматели Петров и Боширов, как утверждают недоброжелатели, сотрудники ГРУ. Но Петров и Боширов в Москве отыскали где-то номер телефона Маргариты Симоньян и дали ей интервью, правда, на предубежденных врагов интервью

не произвело впечатления, на которое оно, казалось бы, вправе рассчитывать...

Российская сторона сообщила, что не располагает никакой дополнительной информацией о происшествии, и выразила согласие сотрудничать со следствием.

Кажется, оно продолжается до сих пор.

Британские официальные лица жестко отреагировали на инцидент с отравлением Скрипаля, который привел к существенной эскалации напряженности в российско-британских отношениях, высылке значительного

числа дипломатов обеими сторонами и другим взаимным санкциям.

...Виктор Бут — российский предприниматель, осужденный в 2012 году в США на 25 лет тюрьмы «за намерение незаконно осуществить торговлю оружием и поддержку террора». Американский суд признал Бута виновным по нескольким пунктам обвинения, в том числе, в сговоре с целью продажи оружия организации «Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа» (ФАРК), которую американские власти считают террористической.

Западные средства массовой информации называют Бута «оружейным бароном» и «торговцем смертью». По утверждению некоторых российских СМИ, «спецслужбы США» считают его «одним из крупнейших нелегальных торговцев оружием в мире».

Российская сторона почему-то к судьбе именно Бута проявляла особенный интерес.

8 декабря 2022 года Виктор Бут вернулся в Россию после обмена на американскую баскетболистку Бриттни Грайнер, осужденную за контрабанду наркотиков.

...Миллионер Виктор Медведчук — пожалуй, самый известный пророссийский деятель в Украине, как утверждают — кум нашего президента (президент — крестный отец дочери Медведчука Дарьи). Лидер парламентской фракции. Был обвинен в государственной измене, подвергнут домашнему аресту. Бежал.

12

апреля 2022 года задержан Службой безопасности Украины, о чем президент Владимир Зеленский

сообщил в своих соцсетях.

14 апреля 2022 года суд арестовал 154 объекта имущества Медведчука и его третьей жены: 26 автомобилей, 30 земельных участков, 23 дома, 32 квартиры, 17 парковочных мест, моторную яхту и доли в уставных капиталах в 25 компаниях.

21 сентября 2022 года Медведчука вместе с 55 российскими военнослужащими обменяли на 215 украинских военнослужащих (из которых 124 были офицерами), в том числе на 108 бойцов и руководителей полка «Азов» (командира Дениса Прокопенко — «Редиса» — и его заместителя Святослава Паламара — «Калину»), а также иностранных граждан, приговоренных в ДНР к смертной казни за наемничество. Сначала об обмене объявила украинская сторона, позже ее подтвердило и российское военное ведомство. Представитель Кремля Дмитрий Песков комментировать обмен Медведчука на командиров полка «Азов» отказался. После обмена политик отправился в Россию.

10 января 2023 года президентом страны был лишен гражданства Украины.

Шпионские мосты

«Обменный фонд» пополняется

С российской стороны в этом году к американцу Полу Уилану, отбывающему шестнадцатилетний срок в мордовской колонии, добавился собственный корреспондент The Wall Street Journal Эван Гершкович. Это первый американский журналист, задержанный в России по обвинению в шпионаже, с 1986 года.

Кстати, по словам адвокатов Пола Уилана, после его задержания им говорили, что его могут обменять на Виктора Бута, отбывавшего с 2012 по 2022 год срок в американской тюрьме. Но Уилан сидит, а Бут на свободе, и ЛДПР уже выдвигает его кандидатом в депутаты Законодательного собрания Ульяновской

области, говорят, даже планируется после избрания сделать его сенатором; а что, кадр, безусловно, ценный...

23 мая 2023 года российский суд продлил для Эвана Гершковича срок предварительного заключения на три месяца — до 30 августа. Агентство Reuters уточнило, что в случае, если журналиста признают виновным, ему может грозить до 20 лет тюрьмы. Можно сделать качественный обмен — на Западе кандидатов на сделку хватает.

Павел Гутионтов

«Обменный фонд» —

ситуация на сегодняшний день

От редакции

Как справедливо отмечено в статье Павла Гутионтова, «обменный фонд» пополняется. Правда, никогда никто из уполномоченных на это чиновников публично не скажет, кто в нем находится. Вплоть до момента, когда обмен вот-вот состоится, или, что чаще, — в его ходе или сразу после него. Такова практика служб, которые этим занимаются, и особая деликатность

подобной материи. Из-за лишнего слов все, на что сторонами обмена были потрачены огромные переговорные усилия, может в одночасье сорваться. Лучше потихому.

Впрочем, история «шпионских мостов» и обменов сидельцами дает возможность прикинуть, кто в этом «фонде» может находиться.

Попробуем на основании современной информации и опыта прошлого создать его вероятную модель.

Райво Суси

Карина Цуркан

Иван Сафронов

Rus.Postimees.ee

Владислав ШАТИЛО / РБК

Мосгорсуд / ТАСС

Андрей Петкевич

кр.ру

Владимир Кара-Мурза
(признан иноагентом в РФ)

АНТОН НОВОДЕРЕЖКИН / ТАСС

Согласно обвинительному заключению, Цуркан передала в Службу информации и безопасности (СИБ) Молдавии данные о поставках российской электроэнергии на Украину, представляющие собой гостайну. 29 декабря 2020 года Мосгорсуд приговорил ее к 15 годам колонии общего режима.

Андрей Петкевич (гражданин Украины). 23 мая с.г. осужден на 16 лет за шпионаж в отношении оборонных предприятий России.

Иван Забавский (гражданин Украины). Пока не осужден — 2 августа суд в Санкт-Петербурге отправил его в СИЗО по обвинению в шпионаже. 27-летний украинец пропал еще год назад, когда отправился в село под Харьковом (там тогда были российские войска), чтобы забрать из-под обстрелов свою мать.

Исторический опыт указывает также на гипотетическую возможность стать участниками обменов граждан нашей страны, осужденных по обвинению в госизмене. Наиболее знаковые фигуры в этой категории — Иван Сафронов и Владимир Кара-Мурза (который к тому же является подданным Великобритании, а в РФ признан иноагентом).

Кандидатом в попадание в «обменный фонд» может также стать бывший завхоз консульства США в Приморье Роберт Шонов. Его обвиняют по новой статье Уголовного кодекса 275.1 — «конфиденциальное сотрудничество со специальной службой иностранного государства, международной или иностранной организацией либо с их представителями». Арестован в марте с.г. во Владивостоке, находится под арестом в Лефортово.

Резерв российской стороны

Кроме уже упомянутых Гутионовым американцев Пола Уилана и Эвана Гершковича — наиболее вероятных кандидатов на обмен, есть еще несколько иностранных персон, обвиненных в РФ в шпионаже и разглашении гостайны.

Райво Суси (гражданин Эстонии). Владелец ряда эстонских компаний, занимающихся обслуживанием самолетов. Был задержан 10 февраля 2016 года в транзитной зоне аэропорта Шереметьево по обвинению в шпионаже. 11 декабря 2017 года Мосгорсуд приговорил Суси к 12 годам колонии строгого режима.

Карина Цуркан (гражданка России, Молдовы и Румынии). Член правления «Интер РАО».

Резерв со стороны «недружественных стран»

Вадим Красиков (он же по поддельным документам Вадим Соколов). Застрелил в Берлине в парке Тиргартен Зелимхана Хангошвили, уроженца Грузии чеченского происхождения, за что был приговорен к пожизненному заключению. В июле 2022 года РФ попросила включить Вадима Красикова в список для обмена. К этой просьбе присоединились власти США (был ва-

риант с обменом на Пола Уилана), но Германия тогда не согласилась, указав на тяжесть преступления Красикова..

30 июня с.г. в Польше по обвинению в шпионаже был арестован российский хоккеист Максим Сергеев, игрок польского хоккейного клуба первой лиги с российским гражданством. Его обвиняют в том, что он занимался «обнаружением критической инфраструктуры» в нескольких польских воеводствах. Ему предъявлено обвинение в участии в организованной преступной группе и в деятельности иностранной разведки против интересов Польши.

В Словении расследуют дело супружеской пары, обвиняемой в работе на российскую разведку. В начале декабря словенское Агентство разведки и безопасности (Sova) арестовало 38-летних супругов Людвигу Гиша и Марию Майер, предъявив им обвинение в шпионаже в пользу России.

В декабре 2022 года в Вене был задержан гражданин Греции российского происхождения, подозреваемый в многолетнем шпионаже в пользу российской военной разведки. 39-летний подозреваемый является сыном бывшего офицера Главного управления Генштаба ВС РФ, который во время службы работал дипломатом в Германии и Австрии.

В декабре 2022 года агента немецкой Федеральной разведывательной службы (BND) Карстена Л. обвинили в сотрудничестве с Россией. Он арестован, грозит тюремный срок вплоть до пожизненного. В конце января 2023 года по подозрению в измене арестован человек, которого прокуратура и разведка считают сообщником Карстена Л. Это экс-россиянин, а ныне гражданин Германии, которого называют «Артур Э.».

Потенциальными кандидатами на обмен называют также Александра Винника (находится в тюрьме в США, обвиняется в создании без лицензии биржи криптовалют и отмывке миллиардов долларов); Романа Селезнева (сына депутата Госдумы от ЛДПР), обвиненного в США в кибермошенничестве и осужденного на 27 лет заключения; российского бизнесмена Владислава Ключина, обвиненного в США в инсайдерской торговле ценными бумагами; Дмитрия Украинского, обвиненного в США в кибермошенничестве, хакерстве и отмывании денег в составе преступной группы.

Есть арестованные и в пока еще «дружественной» Турции

В Стамбуле в 2021 году по подозрению в шпионаже были арестованы граждане России чеченского происхождения Абдулла Абдуллаев, Равшан Ахмедов, Беслан Расаев и Асланбек Абдулмуслимов. Похоже, их «интересовали» представители чеченской эмиграции в Турции. То ли антикадыровские «шайтаны», то ли кандидаты на кровную месть.

РИФМЫ

Рубрика
Александра **Архангельского**

Пере- стройка: верное отключе- ние

Поиск параллелей в истории опасен, красота совпадений обманчива, слишком легко заиграться. Скажем, с разрывом ровно в 200 лет повторились сомасштабные процессы во Франции — и в позднем Советском Союзе. Даты сошлись, срифмовались — и как тут не выстроить случайности в закономерность?

1789 год. Король Людовик XVI созывает Генеральные штаты, выводит на арену исторического действия третье сословие и запускает механизм Революции. 1989 год. Горбачев открывает Первый съезд народных депутатов, разрушает монополию номенклатуры — и делает перестройку практически необратимой.

Проходит два года, и обе революции вступают в фазу заговоров. 1791-й: неудачное бегство короля. 1991-й: Горбачев заперт в Форосе.

Еще через два года начнутся «мятежи и казни». 1793-й: гибель Марии-Антуанетты и Людовика XVI; 1993-й: вооруженный бунт на улицах Москвы, стрельба по Белому дому...

Даты и дальше приятно рифмуются.

1799-й: полковник Наполеон становится генералом и вождем народа; 1999-й: подполковник Путин назначен премьер-министром и преемником. В обоих случаях ясна причина появления во власти человека как бы ниоткуда: революция себя исчерпала, она чахнет, и нужен умелый гасильщик, который не связан ни с ней, ни с аристократией. У него развязаны руки, он свободен в выборе действий. И может перенаправить революционный гнев в военное русло: Египетский поход 1798—1801, вторая чеченская 1999—2001...

1804-й: начинается последовательная реставрация, учреждается пожизненное консульство с перспективой императорства. 2004: второй антиперестроечный срок с перспективой вечного правления.

1808-й: русско-французская война. 2008-й: русско-грузинская. Если бы Наполеон ушел в 2018-м, он остался бы непобежденным, но случился 1812-й, и поэтому Березина, Ватерлоо, Эльба, Святая Елена...

И тут пора остановить полет фантазии. Не только потому, что параллели с каждым годом все рискованней; как нас учили классики:

Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

Но и потому, что очевиден произвол истолкования. Забавная нумерология на самом деле

ничего не объясняет и тем более не гарантирует, только приятно дразнит вольная игра ума.

Другое дело — долгосрочные закономерности. Они, в отличие от дат, не произвольны, хотя границы между ними проницаемы. Известно, что любая революция закономерно уступает место реставрации. Которая еще закономернее сменяется реваншем. После чего либо вечная корейская стагнация, либо новый этап перестройки. Она же революция. Она же смена веков.

Так вот, один из ключевых сюжетов революции, где бы и когда она ни совершилась, — это системная отмена запретов в области культуры. А движущий механизм реванша — системное же их восстановление. Каждому революционному действию соответствует свое противодействие, любому разрешению — свой запрет. Не потому, что так заранее планируют вожди, и не потому, что в области культуры зреют особо опасные заговоры или формируются реально опасные для власти партии, а только потому, что с помощью культуры в целом и тем более искусства в частности — можно показать самим себе, стране и миру, что крутые перемены начались — либо что они уже закончились.

Поэтому Французская революция отвергла прежнее идейные запреты и даже запретила запрещать, но в то же время поносила головы скульптурам библейских царей. Утверждая новый культ героев и вводя антиклерикальную законодательную практику. Не сами по себе библейские цари мешали левым радикалам. И не только вера или церковь как очаг сопротивления. Им мешало чересчур религиозное истолкование истории, нужно было обозначить новый вектор общего движения, продемонстрировать управляемость истории. Причем сделать это быстро. И зримо.

Победив в октябре 1917-го, большевики не только озаботились сменой календаря, перескочили со старого стиля на новый, но и приняли декрет о монументальной пропаганде. Голод, война, перемена формаций, какая тут символика, зачем заниматься скульптурами, обсуждать, достоин ли Андрей Рублев памятника от имени пролетарской власти? На самом деле логика имеется, причем железная. Если ты способен контролировать историю, значит, овладеешь и текущей ситуацией.

По той же самой причине финалом горбачевской революции стал демонтаж огромной статуи Дзержинского в Москве, а русский реванш 2020-х должен был начаться с возвращения скульптуры на Лубянку... Чтобы все увидели: новейшая история описала круг и вернулась в лубянскую точку. А когда не получилось, потому что электронный

референдум был проигран, началась системная (и тоже символическая) месть. Вы нам не дали возратить Железного Феликса? Вы не позволили нам обозначить символический реванш? Мы уничтожим ваши знаковые институты. Не потому, что нам особенно мешает ваш «Мемориал» (который был запрещен и ликвидирован), но потому, что вы лишаетесь ключевого знака перестройки. Мы лишились не Дзержинского как такового, но знака своего присутствия в мире; вы перестанете присутствовать в истории.

И тут пора сказать со всею большевицкой прямоотой: не с ельцинским наследием как таковым борется новейшая российская элита (по крайней мере, направление главного удара для нее пока не здесь, что бы там ни говорил режиссер Никита Михалков); имя реального врага — Михаил Горбачев. Во-первых, он допустил

“

...Старики решили воевать, заплатит молодыми жизнями за право оставаться на вершине — и все посыпалось в одну секунду

”

«главную геополитическую катастрофу XX века». Во-вторых, мирно ушел. В-третьих, он смирился с поражением. Вместо того чтобы повторить подвиг Милошевича и проделать грязную работу, которую теперь приходится делать нам. В каком-то смысле тот реванш, который мы сегодня наблюдаем, адресован не лихим, проклятым и ужасным 90-м, а второй половине 80-х. Точнее, грандиозному, опасному, наивному, мучительному шестилетию 1985—1991. Из этого не следует, что и на Ельцина не точат зуб; но единица измерения сегодня — перестройка. Девяностые гнобят скорее для порядка, а восьмидесятые последовательно отменяют. Преследуя тех, кто был знаковыми фигурами эпохи перестройки, от Бориса Гребенщикова до Андрея Макаревича (оба, кстати, признаны в РФ «иноагентами»). Отзеркаливая горбачевские шаги: все, что он принимал, — отвергая, все, что он отвергал, — возвращая.

И вот тут начинаются рифмы. Куда более звучные, нежели рифмы случайно столкнувшихся дат.

Еще раз: последний генсек и первый и последний президент СССР пришел не просто в результате политического кризиса, после многосерийных гонок старцев на катафалках, но на фоне неудачной войны, которая сломала логику смягчения советского режима. Да, смягчение — это не освобождение, как демократизация — не демократия, но Брежнев, подавивший Пражскую весну, до поры до времени надеялся вырваться из тупика. И к 1979-му у него почти получилось. В 1972-м он начал переговоры о Хельсинкских соглашениях по безопасности в Европе. В 1975-м поддержал финальный акт, куда включили и гуманитарную корзину. Права человека (хотя бы на уровне слов) вошли в советские риторические практики, диссидентов сажать стали чуть реже, евреев выпускать чуть чаще; политзаключенных обменивали на разведчиков; режим не то чтобы исправился, но стал слегка терпимей.

В награду за хорошее поведение «дорогому Леониду Ильичу» подарили московскую Олимпиаду 1980-го, которая превращала СССР в подобие нормального государства, приемлемого для всего сопредельного мира. (Как сочинская Олимпиада 2014-го обещала стать волшебным

цен — и начал лихорадочно строить аэропорты, школы, больницы; не сравнить с Европой и Америкой, однако жить стало полегче.

Система, слабея, продолжала огрызаться, но все чаще открывала шлюзы — в том числе в сфере искусства. Зрители увидели «Осенний марафон» и «Полеты во сне и наяву», Тарковского выпустили в Италию. На единой территории СССР возникали республиканские анклав, где художникам, писателям, философам делали поблажки; то, что выжигалось каленым железом в ленинградских театрах, запросто ставилось в Тбилиси; то, что не могло быть опубликовано в Москве, появлялось в таллинской печати; философу Мамардашвили не нашлось уютного местечка в Москве, но грузинский лидер Шеварднадзе ему благоволил.

Чем бы это кончилось, не знаем; может быть, испуганным откатом, может быть, медленной попыт-

кой выхода из тупика. Но роковое декабрьское решение 1979-го о вводе «ограниченного контингента» разрушило эту возможность. Старики решили воевать, заплатить молодыми жизнями за право оставаться на вершине — и все посыпалось в одну секунду. Олимпиада — бойкотирована,

обернулась позором. В Штатах, где в 1980-м намечались выборы, возник запрос на ястреба — вместо вялого голубя Картера; в ноябре в Белый дом придет Рейган. Иран получил своего Хомейни, а Польша, напротив того, «Солидарность». Андроповское ведомство выиграло. И нанесло сокрушительный удар по остаткам диссидентского движения, как бы взяв его в двойное кольцо: в январе 80-го был сослан в Горький академик Сахаров, вождь светской части оппозиции, и практически одновременно был арестован священник Дмитрий Дудко, которого в июне предъявят советским телезрителям в гражданском костюме с чужого плеча, чтобы он отрекся от всего, что делал до сих пор. В апреле схвачен редактор «Хроники текущих событий» Александр Лавут, в августе еще один священник-диссидент, Глеб Якунин, будет приговорен к пяти годам лагерей и пяти годам ссылки. А в 1981-м Анатолия Марченко приговорят к очередным пяти годам лагеря, откуда он уже не выйдет...

Среди проблем, которые встали перед молодым генсеком сразу после 11 марта 1985-го, высвобождение культуры, оно же «живое творчество масс», занимало отнюдь не первое место. Прежде всего, он должен был остановить войну, что в одночасье сделать было невозможно. Затем преодолеть взаимное непонимание с Западом; тут имелся союзник — сразу же поверившая в него Маргарет Тэтчер, однако тоже нужно было время, и немалое. Он обязан был наладить экономику, но тупая антиалкогольная кампания добила остаток ресурсов. Он хотел сменить геронтократию, и это тоже затяжной процесс. А необходимо было что-то быстро предъявить стране и миру, подкре-

66

...Как герой «Калевалы» делал пенцем лодку, лидеры перестройки отменяли запреты, создавая тем самым другую страну

99

символом признания России.) Впереди была «борьба за мир», «против ядерной скверны», лозунг «Это не должно повториться» зазвучал с новой силой. Добавим к этому, что после нефтяного кризиса и начала 70-х Советский Союз стал получать добавочный доход от роста

пять обещания, данные во время ленинградской поездки 1985-го и всколыхнувшие страну надеждой.

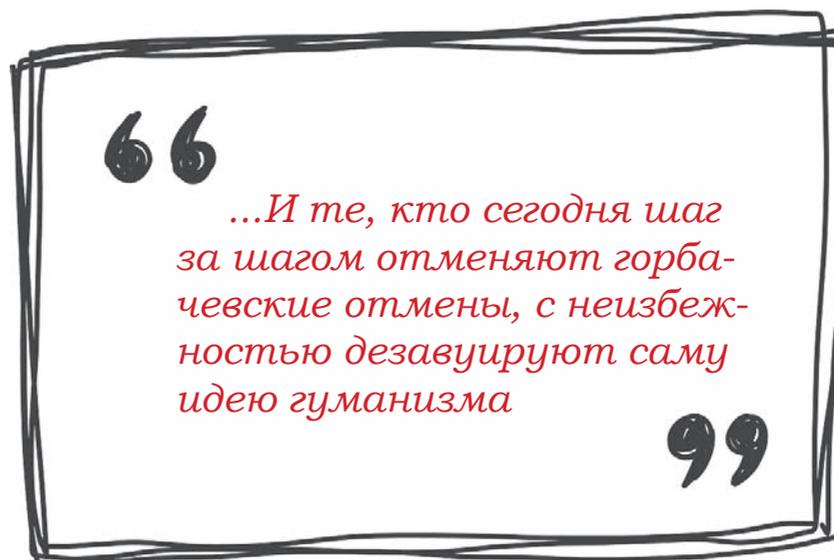
И тут сработал горбачевский политический инстинкт (усиленный влиянием жены и советами «прораба перестройки» Александра Яковлева). Он развернул Михаила Сергеевича в сторону культуры. Понимаемой предельно широко, вбирающей в себя конкретные запрещенные тексты, лежащие на полках фильмы, остановленные спектакли, «отмененные» фигуры ученых уровня Андрея Сахарова. Которого Горбачев демонстративно вернул в 1986-м из ссылки в Горький. Все это он делал не потому, что «гуманитарная политика» была ядром его программы, не потому, что он тогда был как-то лично расположен к диссидентам или эмигрантам. Чего не было, того не было: в начале горбачевского правления Марченко умер в лагере, так и не выйдя из голодовки, а вопрос о некрологе «парижскому» прозаику Виктору Некрасову решался на уровне Политбюро. Все это происходило только потому, что задача снять запреты была осуществимой, результат — мгновенным и заметным. В отличие от экономики, партийного строительства и (поначалу) — от переговоров. По сути, ранний Горбачев не реформировал всерьез систему цензурных ограничений; он только лишь ослабил жим, сознательно или подсознательно возвращая ситуацию на довоенный, доафганский уровень — когда расцвел шестидесятнический «Современник», снова задышал кинематограф, выставка «Москва—Париж», которую готовили задолго до «ограниченного контингента», продемонстрировала городу и миру потенциальную открытость советского музейного пространства.

В свою очередь, культура, лишившаяся к 1985-му даже тех немногих послаблений, которые достались ей благодаря разрядке, готова была с благодарностью откликнуться на любой встречный жест. Не срывая резьбу и лояльно предьявляя результаты. От положенных на полку фильмов, главный из которых — «Покаяние» Тенгиза Абуладзе — стал зримым символом грядущих перемен, до возвращения культурного наследия, легализация которого началась в 1986-м с публикации юбилейной подборки Гумилева в массовом еженедельнике, носившем бодрое название «Огонек».

Здесь не время и не место для подробного рассказа, как и почему далекое литературное наследие, от Бунина до Мережковского и от Александра Бека до Василия Гроссмана, стало полноценным инструментом актуальной политики, активно поработало на сиюминутную повестку дня. Важно подчеркнуть три вещи. Первое. Между литературными журналами началось соревнование, кто под прикрытием невинного «возвращения забытых имен» сильнее раздвинет цензурные границы. Второе. Афганская война, из тупиков которой выводила перестройка, так круто завела маятник запретов, что он не мог не сорваться и не пойти в противоположную сторону. Третье. Отменяя прежние отмены, перестройка создала простран-

ство общей свободы. Между тем, что в журнале «Новый мир» публикуется роман Пастернака «Доктор Живаго», и тем, что в Кремле созывается Первый съезд народных депутатов, обнаружилась странная связь. Как герой «Калевалы» делал пенем лодку, лидеры перестройки отменяли запреты, создавая тем самым другую страну.

Почувствовав, что тема хорошо идет, Горбачев и Яковлев вошли во вкус; они отметили 1000-летие православия на Руси, создали комиссию Первого съезда по пакту Молотова—Риббентропа и как минимум не помешали основанию общества «Мемориал» (которое потом помешало властям РФ, была запрещено и ликвидировано), главное призвание которого — не просто восстановить всю полноту памяти о сталинских репрессиях, но гуманизация сознания после целого столетия кровавой классовой борьбы... И те, кто сегодня шаг за шагом

отменяют горбачевские отмены, с неизбежностью дезавуируют саму идею гуманизма.

Все должно быть пересмотрено, все должно быть преодолено. Если перестройка началась с культуры, значит, на культуре с неизбежностью заикнется и реванш. Если главным словом Горбачева стала «гласность», значит, их кодирующее слово — «управляемость»; если горбачевская политика вела к высвобождению, стало быть, они нацелены на закрепощение; он возвращал в легальное пространство тех, кого его предшественники выдавили за пределы публичного поля; они изгоняют из этого поля тех, кто в нем находился изначально. Если бы Горбачев запрещал, они бы назло — разрешали. Если бы он вообще не вовлекал в свою политику культуру, они бы занимались спортом, массовыми гуляниями, чем угодно, только не ею. Горбачев — вовлекал и вовлекался. Значит, магическое действие по волшебному преодолению перестройки, замораживанию революции и ее последствий предполагает переход в противофазу.

Этим, и едва ли не только этим, объясняется заикленность эпохи десятых—двадцатых годов двадцать первого века на текстах, высказывани-

ях, спектаклях, а теперь вот уже и стихах. Когда-то многие недоумевали: зачем было давать отмашку на бессмысленное дело Серебренникова? Какой политический прок? Влияние на узкий слой, неучастие в прямой борьбе, невмешательство в прямую политику... Сегодня этот же вопрос возникает в связи с делом Жени Беркович и Светланы Петрийчук. Зачем их арест? Зачем показная жестокость? Чем они угрожают системе? Ничем. Но неправильно поставленный вопрос не имеет правильного ответа. Не зачем, а почему. Потому что важна не суть, а символ. Потому, что каждый сегодняшний жест должен снова, снова, снова дезавуировать перестройку, заговаривать зубы истории. Горбачев возвращал Любимова, Войновича, Шемякина — мы выдадим Туминаса, Шендеровича (ныне — «иноагент»), Крымова. Он выводил на официальные концертные площадки не только Юру-

музыканта, но и «Машину времени», и Гребенщикова (ныне — «иноагент»), мы отправим тех, кого получится, в изгнание, а кого не выйдет — приглушим. Перестройка вывела на телевидение поколение послевоенных философов, от Мамардашвили до Левады, Щедровицкого, Грушина, Карякина, Зиновьева (называю имена подряд, не ранжируя). Значит, Кагарлицкий будет экстремистом и отправится в кутузку. Потому что опасен? Отнюдь. Потому что надо заколдовать горбачевскую революцию, сделать бывшее небывшим, значимое

незначимым, а незначимое объявить значительным. Так волхования своеобразного мыслителя Дугина начинают звучать как доктрина спасения; вы нам предлагали Померанца с Пятигорским, получите вместо них, кого назначим. И распишитесь.

Еще и еще раз: бывают созвучия, основанные на смежности, бывают — на противоположности. Культурная политика сегодня направлена не против конкретных деятелей искусства или против современного театра и кино как таковых; это направлено против перестройки. Такой далекой и такой пугающей. Вожди реванша думают, что владеют будущим, а на самом деле никак не выскочат за пределы горбачевского шестилетия и просто топчутся на его окраинах.

Какой вывод из этого можно сделать? Что бесполезно с ними спорить. Нужно просто быть солидарными с теми, кто попал под раздачу. Помогать. Защищать. И составлять список предстоящих отмен.

Александр Архангельский

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА «ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

Кому доверять, а кому — нет?

Распространенное представление о том, что доверие — это непременно чувство близости, возникающее между людьми, что это эмоции, иррациональные по своей природе, имеет мало общего с его социологическим пониманием. Для социолога доверие — условие и предпосылка человеческой коммуникации, то есть самой возможности общения или взаимодействия людей, то, чего люди ожидают от других.

Оно не природно, ему (как и недоверию) научаются. «Доверие» — это наши ожидания, что действия других людей будут протекать в соответствии с порядком, основанным на взаимных моральных обязательствах, обычаях, интересах, общепринятых нормах поведения, представлениях, вменяемых всем членам общества, о том, как должны вести себя люди.

В доверии нет ничего от слепого шага навстречу неизвестности.

Когда мы говорим, что «доверяем» врачу, учителю, профессору в университете, кассиру в магазине, информации о расписании рейсов в аэропорту или на железнодорожном вокзале, другу или коллеге по работе, жене/мужу, банкам, иностранной валюте, вообще — деньгам, науке, метеопрогнозам, политикам, газетам, интернету и т.п., мы редко осознаем, что в каждом подобном случае наше «доверие» будет опираться на разные смысловые основания. Но все вместе это и создает то, что называется «обществом». Ничего «психологически про-

стого» и «очевидного» здесь нет. Супружеская верность (взаимное доверие супругов друг другу) принципиально отличается от веры врачу, к которому вы обратились, или фармацевту, которому вы предъявляете рецепт на выписанное вам лекарство, а доверие банку — от доверия школьника учителю или старшему брату. Доверие, на чем бы оно ни основывалось, — это основа человеческой солидарности, соответственно, основа общества. Отношения доверия характеризуют меру его цивилизованности и благополучия. Поэтому показатели «доверия» (как межличностного, так и доверия к различным институтам) служат важнейшей характеристикой самочувствия людей в разных странах, индикатором, используемым в международных сравнительных исследованиях. Для социологии эта проблематика представляет особую важность. Проводятся регулярные международные исследования, позволяющие фиксировать не только различия качества «доверия» в разных странах, но и изменения уровня доверия и факторы, влияющие на его динамику.

Самый высокий уровень доверия мы наблюдаем в развитых западных странах, имеющих источником своих ценностей протестантскую культуру самоконтроля, индивидуализма, ответственности и участия в общественных делах. Лидерами здесь будут Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, а также Швейцария, Австралия, Новая Зеландия. При средних показателях в 42–45% (доли положительных ответов на вопрос «Можно ли доверять людям?», задававшийся в исследованиях, в которых регулярно участвуют от 27 до 45 стран) уровень доверия в Скандинавских странах составлял от 60 до 81%. Именно там давно сложилась сеть организаций гражданского общества и высокий уровень муниципального самоуправления, именно там государственный аппарат находится под постоянным контролем СМИ, общественного мнения и парламента. Основа такой организации общества — общественный идеализм, солидарность, личное участие и устой-

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЛЮДЯМ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ ИЛИ ОСТОРОЖНОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ С ЛЮДЬМИ НИКОГДА НЕ ПОМЕШАЕТ?

Источник: «Левада-центр», в % к числу опрошенных

чивый консенсус относительно целей и средств социальной политики государства. Это накопленное институционализированное доверие является важнейшим показателем социального капитала данного общества, его способности к самоорганизации, то есть функционированию без использования инструментов государственно-полицейского принуждения для достижения коллективных целей.

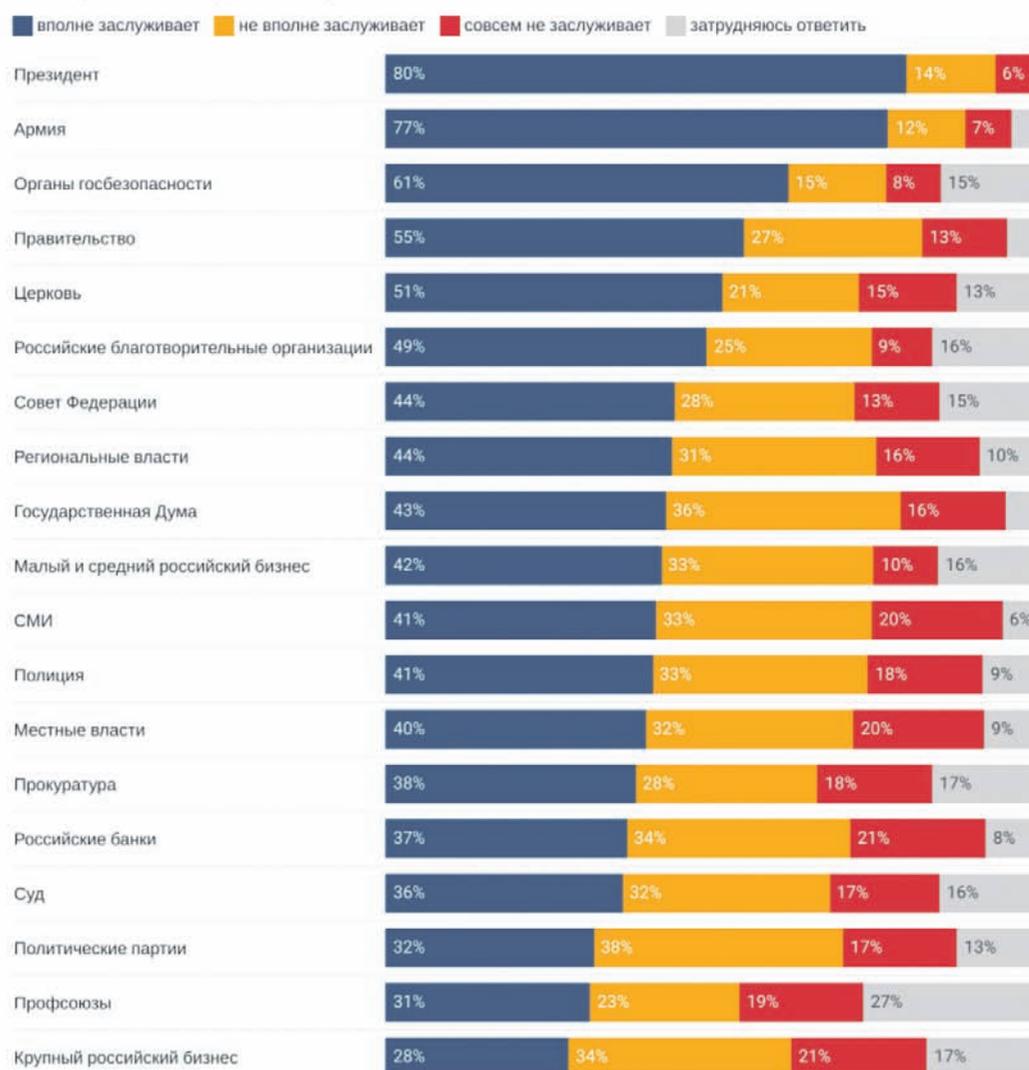
Напротив, страны с коротким радиусом социального доверия (то есть с низкими показателями социального капитала) отличаются высоким уровнем внутреннего насилия. Преимущественно это страны, находящиеся в процессе незавершенной модернизации, с сочетанием современных, но слабых формальных институтов и сильных традиционных или консервативных форм организации жизни. Как правило, такие общества характеризуются наличием авторитарных режимов или эти страны имеют в недавнем прошлом опыт существования при тоталитарных режимах, гражданских войнах, хронических межэтнических, межконфессиональных и других социальных конфликтах. Другими словами, это страны с высоким уровнем внутренней социальной дезорганизации.

Россия с ее средними показателями доверия в 31% (за 1989–2023 гг.) находится в нижней части этого списка, среди таких стран, как Чили, Уругвай, Доминиканская республика, Хорватия, Филиппины и т.п. После распада СССР и периода социальной нестабильности, реформ, утраты прежнего положения значительной частью населения недоверие и взаимное отчуждение между людьми, подозрительность стали преобладающими установками, что свидетельствует о сильнейших внутренних напряжениях в российском социуме. И такая картина не менялась на протяжении 20 лет путинского правления. Но в последние пять лет (пенсионная реформа, ковид, военный конфликт с Украиной) показатель доверия еще больше снизился: в 2018–2020 гг. до 18–19%. С концом эпидемии доверие поднялось, но в 2022 году опять упало до 14% (см. график 1 и таблицу 1). В 2019 году Россия занимала по показателю доверия последнюю строчку в списке из 27 стран, среди которых проводилось исследование. (График 1)

Исследования «Левада-центра» показывают двойственный характер «социального доверия» в российском обществе. Повседневное практическое недоверие, высказываемое по отношению к окружающим (малознакомым) людям, компенсируется высоким декларативным доверием к трем–пяти особо значимым символическим институтам: а) к главе государства; б) к армии; в) к политической полиции, «спецслужбам»; г) к церкви и д) к благотворительным организациям. Самые высокие значения «доверия» относятся к персонификации власти — тому, кто считается хозяином страны, кого пропаганда наделяет чертами «лидера» страны.

В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживает доверия..?

в %% опрошенных, август 2022, опрошено 1612 человек

Левада-центр, @levada_center, внесён в реестр иноагентов
Created with Datawrapper

В первых замерах это был Михаил Горбачев, после ГКЧП его сменил Борис Ельцин, теперь — Владимир Путин.

Другие социальные институты: СМИ, правительство, политическая полиция и спецслужбы, региональная и местная администрация, Госдума, система правосудия, силовые структуры (полиция, прокуратура), бизнес, финансовые организации, местные власти, политические партии и профсоюзы и т.п., — находятся в серой зоне полудоверия или полного недоверия населения. Чем ближе они к повседневной жизни обычных людей, тем ниже уровень доверия к ним. Наибольшим недоверием со стороны граждан отличаются полиция, суд, крупный бизнес, местные власти, профсоюзы и партии, именно в таком порядке. По отношению к этим институтам, определяющим общественную и повседневную жизнь россиян, проявляются устойчивые негативные установки — подозрительность и отчуждение, смесь страха и отвращения (особенно — к полиции, суду, но также и к де-

путатскому корпусу или чиновникам), нежелание иметь с ними дело, кроме как в случаях крайней нужды или чрезвычайных обстоятельств.

В крупных городах уровень межличностного доверия несколько выше, чем в средних и малых, отмеченных признаками социальной депрессии. Российские мегаполисы ближе к развитым странам, а средние города и малые тяготеют к странам третьего мира. Самое низкое доверие фиксируется в средних городах «индустриальной России» (советского варианта модернизации), настроенной весьма консервативно, ориентирующейся на советскую модель планово-распределительной государственной экономики и соответствующие этим образцам отношения власти и граждан, граждан между собой.

Лев Гудков

ГОРБИ
СОРБУ

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Деглобали- зация отме- няется

МИР, НЕСМОТЯ
НА ПАНДЕМИЮ,
КОНФЛИКТЫ И
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
СПЕКУЛЯЦИИ, КАК БЫЛ,
ТАК И ОСТАЕТСЯ
ГЛОБАЛЬНЫМ

Термин «глобализация» уже давно приобрел в российском политическом дискурсе отчетливо негативный смысловой оттенок. Глобализация нередко трактуется у нас как некая тяжелая болезнь, неожиданно поразившая человечество на рубеже XX и XXI столетий. А сторонники и активные участники глобализационных процессов — так называемые «глобалисты» — воспринимаются как вольные или невольные переносчики этого заразного и крайне опасного вируса. Другая распространенная интерпретация явления глобализации — представление его в виде глубоко законспирированного международного заговора могущественных и никому не подотчетных «транснациональных элит», стремящихся подчинить весь мир своей своекорыстной власти в интересах привилегированного меньшинства, так называемого западного «золотого миллиарда».

Андрей

Кортунов,

научный руководитель Российского совета по международным делам (РСМД)

Из такого понимания глобализации логично вытекает заключение о том, что наблюдающиеся в мире глобализационные процессы — это своего рода аберрация истории, досадное и даже трагическое отклонение от ее естественного хода и, более того, — открытый вызов фундаментальной человеческой природе как таковой. А коль скоро это так, то борьба против глобалистов не только справедлива и морально оправдана. Она к тому же совсем не безнадежна и, напротив, имеет все шансы на безусловную победу в самом недалеком будущем.

Такая логика предполагает, что у «мирового большинства», если оно выступит против глобализации единым фронтом и проявит должную настойчивость и решительность, более чем достаточно экономических возможностей и политических инструментов, чтобы справиться с этим опасным заболеванием и окончательно покончить с вредоносным вирусом, год от года разрушающим иммунные системы человеческого сообщества. Отсюда прямо вытекает тезис о необходимости международной консолидации всех «здоровых» или же «консервативных» сил, призванных дать решительный отпор продвигающей пагубную идеологию глобализации «неолибералам».

Как измерить (де)глобализацию

Этому нарративу, при всем схематизме и заведомой неполноте большинства его изложений, не откажешь в известной логике и последовательности. Но насколько он соотносится с реальным положением дел в мире сегодня? Что, если глобализация — это все-таки не временное отклонение от нормы мирового развития, а именно новая норма? Что, если это не изощренный заговор злокозненных элит, но естественная и исторически предопределенная стадия развития человечества на пути к общемировому единству планетарного социума? Что, если ценой невероятных усилий наступление глобализации можно отодвинуть на какое-то непродолжительное время, но невозможно отменить или игнорировать?

Вероятно, перечисленные выше вопросы кому-то покажутся неуместными и даже кощунственными, поскольку они никак не укладываются в уже устоявшийся российский нарратив. Следуя

совету Вольтера, прежде чем спорить, стоит договориться о терминах. По всей видимости, наше отношение к глобализации напрямую зависит от того, какие конкретные параметры мы склонны выделять в этом расплывчатом и нередко противоречивом понятии. И прежде всего стоит освободить понятие глобализации от многочисленных крайне субъективных идеологических клише и популярных политических коннотаций.

Анализируя процессы роста взаимосвязанности и взаимозависимости стран и народов, эксперты чаще всего обращаются к четырем измерениям глобализации: к прямым иностранным (а иногда также и к портфельным) инвестициям; международной торговле; трансграничным перемещениям людей и к международным информационным потокам. Каждое из этих измерений, в свою очередь, складывается из большого числа конкретных показателей, отражающих состояние и динамику глобализации в тех или иных сферах человеческой деятельности или в отдельных обществах, странах и регионах мира.

Сведение глобализации к четырем вышеозначенным базовым измерениям, фигурирующее, в частности, в ежегодном докладе DHL и Университета Нью-Йорка DHL Global Connectedness Index 2022, разумеется, обедняет происходящие в современном мире глобализационные процессы и потому очевидно уязвимо для критики. Оппоненты предлагаемой модели могут вполне обоснованно задать вопрос, почему в ней не учитываются другие измерения глобализации (и, соответственно, деглобализации) — от динамики программ международной экономической помощи до распространения космополитической массовой культуры или стандартов образа жизни западного среднего класса.

Тем не менее эта модель дает возможность перейти от абстрактных общеполитических дискуссий к анализу переменных, выраженных в достоверных количественных показателях.

Сравнивая современный мир с миром накануне Первой мировой войны, который считается своего рода высшей точкой глобализации XIX века, мы наглядно убеждаемся в том, насколько за столетие с небольшим повысился уровень взаимозависимости стран и народов. Если в начале прошлого столетия экспорт составлял от силы 10% мирового валового продукта (ВМП), то сегодня он достиг 30%. А общий объем накопленных прямых иностранных инвестиций увеличился с тех же 10 до 45% ВМП. Доля мигрантов первого поколения в совокупном населении планеты за это время тоже кратно возросла — с 1,5% до почти

4%. Если Европа начала XX века представляла собой континент с относительно высоким уровнем взаимосвязанности национальных политических, интеллектуальных и частично экономических элит, то для мира современности характерен совершенно иной уровень взаимосвязанности народов и обществ в целом.

При всех подъемах и спадах глобализационных процессов напрашивается вывод о том, что историческое развитие все-таки идет не по кругу, а по самой что ни на есть спирали. И это предполагает, что «отменить» глобализацию едва ли получится, как не получится, например, вернуться в славную

“При всех подъемах и спадах глобализационных процессов напрашивается вывод о том, что историческое развитие все-таки идет не по кругу, а по самой что ни на есть спирали”

эпоху Вестфальского мира в Европе или во времена классической механики Ньютона.

Глобализация возвращается

Имеющаяся на данный момент статистика свидетельствует о том, что говорить о радикальной смене вектора от глобализации к деглобализации или даже о выходе глобализационных тенденций на какое-то устойчивое плато было бы неправильным. Глобальная торговля товарами резко сократилась на протяжении первого полугодия 2020-го, но уже к концу этого года практически вернулась к доковидным показателям. Быстрый и устойчивый рост торговли товарами продолжался на протяжении 2021-го и первой половины 2022 года, превысив доковидные показатели примерно на 10%. Помимо этого, пандемия стала мощным катализатором электронной торговли, причем опережающий рост последней фиксируется и после завершения пандемии.

Международная торговля услугами претерпела более резкое падение — главным образом за счет обрушения международного туризма во время пандемии, но и она восстановилась уже в 2021 году. К концу прошлого года общий годовой объем мировой торговли превысил 32 трлн долл., что значительно превышает ВВП США (25 трлн долл.) или сравнимый с американским совокупный ВВП стран — членов БРИКС. Несмотря на все геополитические осложнения, вызванные российско-украинским конфликтом, МВФ уверенно прогнозирует рост мировой торговли на 2,4% в текущем году и на 3,4% в будущем году.

Текущая динамика международных инвестиций тоже не указывает на то, что началась деглобализация. В период пандемии падение этого показателя в целом соответствовало сокращению международной торговли, а его восстановление шло быстрее за счет высокой мобильности трансграничного движения капитала. В результате в 2021 году общий объем прямых иностранных инвестиций превысил 1,6 трлн долл., хотя и не достиг пиковых показателей 2015 и 2016 годов (более 2 трлн долл.). Российско-украинский конфликт, безусловно, повлиял негативно на международную инвестиционную активность, но его влияние оказалось в целом менее существенным, чем последствия коронавируса двумя годами ранее, — вероятно, в силу относительно скромного места, которое занимают Россия и Украина в мировой экономике и финансах.

Что касается трансграничных информационных потоков, то на них пандемия оказала

Деглобализация отмечается

буквально взрывное воздействие. В самый драматический первый год пандемии — 2020-й — интенсивность этих потоков практически удвоилась, а в последующий период они росли в среднем на 20–30% в год. За исключением отдельных частных показателей (например, количество научных работ, публикуемых российскими и западными соавторами), нет никаких признаков того, что трансграничные информационные потоки будут мелеть в ближайшие годы. Скорее, наоборот, новые прорывные технологии (5G, ИИ, квантовые компьютеры) будут и дальше повышать интенсивность этих потоков, несмотря на вероятные попытки отдельных государств поставить их под свой жесткий контроль.

Более противоречивая картина вырисовывается в сфере транснациональной географической мобильности. Общее число международных поездок сократилось в 2020 году на 72%, процесс восстановления шел медленно и трудно; эксперты предсказывают, что к концу 2023 года общие

уровни международно-го перемещения людей окажутся на 5–20% ниже доковидных максимумов. Количество обучающихся за рубежом студентов и количество иностранных мигрантов также резко сократилось в 2020 году, но в начале третьего десятилетия XXI века рост этих показателей также возобновился. Полного восстановления географической мобильности до доковидных уровней можно ожидать в 2024–2025 годах. Временное же снижение географической мобильности нельзя

выдавать за прекращение процессов глобализации в целом.

Риск «стратегической расстыковки»

Наиболее серьезный вызов глобализации — перспектива американо-китайской «стратегической расстыковки». Хотя уровень экономической, технологической, финансовой взаимосвязанности двух стран по-прежнему остается очень высоким, со времени прихода к власти в США администрации Дональда Трампа в отношениях между Вашингтоном и Пекином стали накапливаться разнообразные проблемы. В итоге доля Китая в американском импорте за последние семь лет снизилась с 22 до 17%, а доля США в импорте КНР — с 10 до 7%. Особенно пострадали те сектора, где стороны начали войну тарифов, а также американо-китайское сотрудничество в сферах высоких технологий. По всей видимости, эта тенденция сохранится и в дальнейшем. В скобках отметим, что даже при наличии соответствующей политической воли «стратегическая расстыковка» неизбежно окажется длительным процессом — для того, чтобы вывести 10% производства айфонов из Китая, корпорации Apple потребуется не менее восьми лет.

Пессимисты полагают, что «стратегическая расстыковка» США и КНР может оказаться прелюдией более масштабного процесса регионализации мировой экономики. Если пока все еще единое мировое хозяйство окончательно распадется по линии противостояния Вашингтона и Пекина, то мировая экономика может потерять 5–7% своего совокупного объема, а издержки для отдельных стран могут вообще измеряться двузначными показателями. Кроме того, технологический раскол мира,

“...сейчас не существует убедительных подтверждений начала распада мировой экономики на изолированные друг от друга региональные блоки”

скорее всего, приведет к замедлению технического прогресса на многих наиболее важных направлениях, что также неизбежно скажется негативным образом и на многих процессах глобализации.

В более общем плане стоит заметить, что глобализационные процессы могут быть замедлены или даже обращены вспять, если мир вступит в эпоху жесткого протекционизма на фоне продолжающегося кризиса ВТО, эгоистичных решений в финансовой сфере со стороны ведущих экономик мира и превращения односторонних санкций в стандартный инструмент внешней политики. Было бы недальновидным недооценивать риски в условиях, когда геополитические соображения все чаще перевешивают рациональные экономические интересы, а государственные лидеры нередко оказываются заложниками флуктуаций текущей политической конъюнктуры и вынуждены идти на поводу у популистов.

Однако, как я уже отметил, сейчас не существует убедительных подтверждений начала распада мировой экономики на изолированные друг от друга региональные блоки: динамика базовых показателей торговли, инвестиций и информационных потоков показывает, что тенденция к глобализации на данный момент не сменилась на тенденцию к регионализации.

Новый глобализационный цикл

Важный вопрос — как минимизировать негативные последствия глобализации для разных обществ и как максимизировать те новые возможности, которые она представляет. Бессмысленно бунтовать против закона всемирного тяготения и пытаться взлететь, бросившись в пропасть с обрыва, но закон тяготения вполне можно поставить себе на службу. Именно так мы и поступаем в каждый день повседневной жизни: любой сделанный нами шаг сопровождается переносом центра тяжести в горизонтальной плоскости при минимальных затратах энергии.

Естественно, у глобализации как объективного исторического процесса есть не только универсальные измерения, но и субъективные, частные особенности. Например, справедливо ли будет утверждать, что глобализация неразрывно связана с американской или даже с более широко трактуемой западной гегемонией в международных делах? Исторически предыдущий цикл глобализации конца прошлого — начала нынешнего столетия действительно формировался в условиях «однополярного момента» в мировой политике, а многие импульсы глобализации изначально распространялись из «западного ядра» к «незападной периферии».

Однако Соединенные Штаты, постепенно утрачивая позиции безусловного международного гегемона, вполне способны оказаться в рядах антиглобалистов, к числу которых вполне можно отнести, в частности, администрацию Дональда Трампа, а по некоторым параметрам — и наследовавшую ей администрацию Джо Байдена. Более того, антиглобализм оказался в той или иной степени присущ руководству большинства стран Запада, все чаще обращавшихся к протекционизму, к ограничению внешних миграций, к попыткам репатриировать на свою территорию когда-то выведенные за границу производственные мощности.

В то же время руководство Китая в лице председателя КНР Си Цзиньпина все чаще позиционировало себя в роли защитника свободы торговли, свободного трансграничного перетока инвестиций и других проявлений глобализации. Вспомним хотя бы знаменитое выступление китайского лидера в Давосе в январе 2017 года, после которого Си Цзиньпина мировая пресса даже окрестила «царем глобализации». В каких-то случаях главными двигателями глобализации вообще выступали не великие державы, а малые или средние страны — например, Сингапур, Новая Зеландия или Нидерланды. И это не случайно — располагая очень ограниченными внутренними рынками, малые и средние страны не в состоянии делать главную ставку на повышение внутреннего спроса, а потому региональная и глобальная экономическая открытость для них оказывается вопросом не только процветания, но и выживания.

Общее правило — сторонниками глобализации чаще всего выступают те страны (или те групповые интересы внутри отдельных стран), которые в наибольшей степени выигрывают от повышения уровня взаимосвязанности и взаимозависимости отдельных государств и народов. Соответственно, в роли противников глобализации оказываются те страны (или групповые интересы), которым по тем или иным причинам не удалось органично вписаться в процессы глобализации. Разумеется, для политических лидеров всегда крайне соблазнительно переложить ответственность за внутренние проблемы на факторы внешней среды, в том числе и на глобализационные процессы.

В каждом отдельном случае внутри отдельных государств важен баланс между сторонниками и противниками отдельных измерений

глобализации. Сегодня во многих странах, находящихся на излете своего могущества или испытывающих серьезные внутренние проблемы, этот баланс смещается в сторону антиглобалистов — притом что большинство обществ остаются расколотыми по этому важнейшему вопросу их дальнейшего развития. Тем не менее остановить глобализацию в принципе невоз-

“

...для политических лидеров всегда крайне соблазнительно переложить ответственность за внутренние проблемы на факторы внешней среды

”

можно. Издержки глобализации не перевесят ее достижений, подобно тому, как несомненные многочисленные негативные последствия урбанизации не остановили этот процесс двумя веками раньше. Вопрос лишь в том, насколько вполне вероятные в ближайшем будущем возможные тактические успехи антиглобалистов отодвинут начало нового глобализационного цикла.

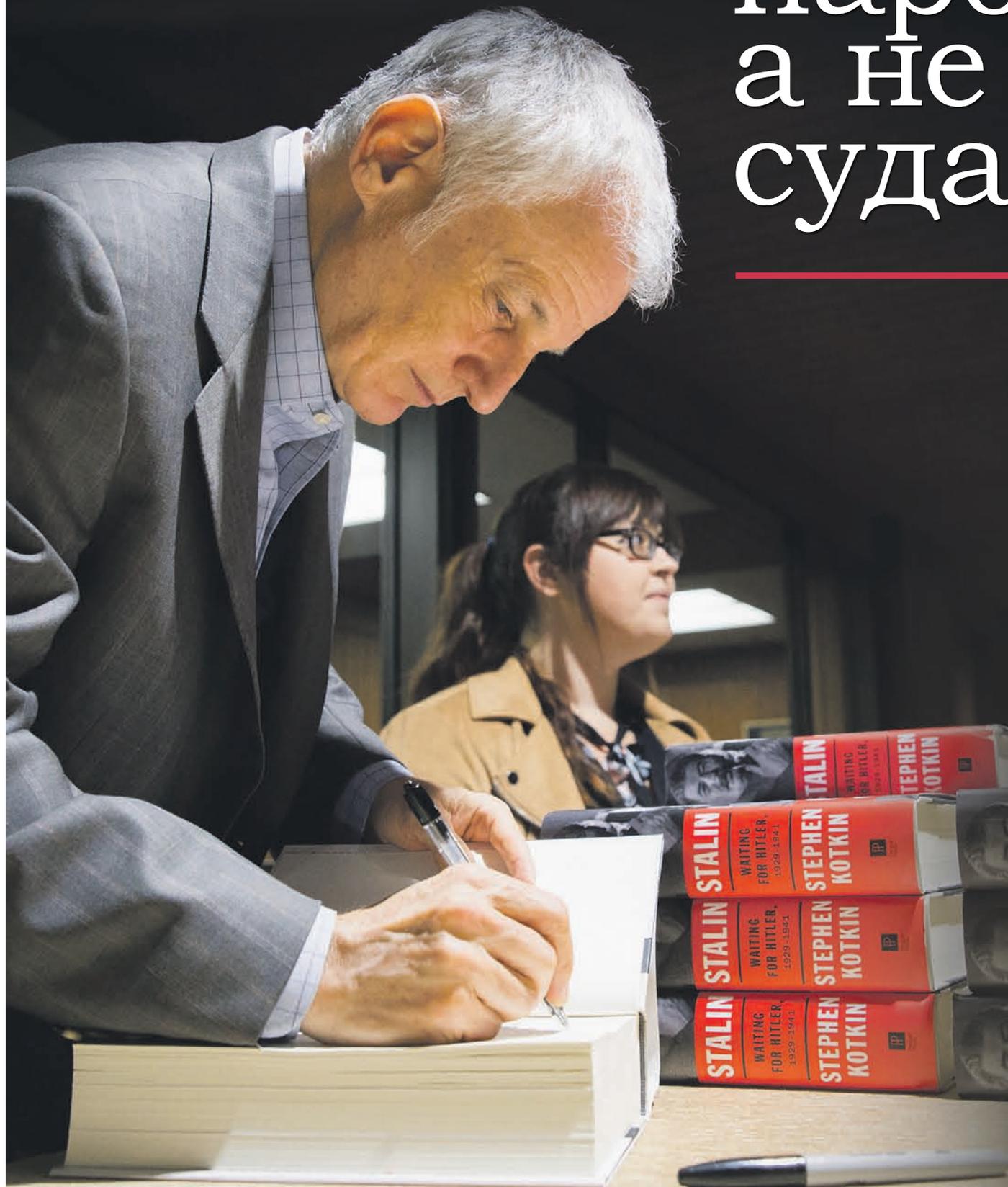
Можно долго спорить о том, каким окажется следующий глобализационный цикл и как именно он будет развиваться. Но в любом случае давление общих проблем (изменения климата, угрозы биоразнообразию, дефицит продовольствия, энергии, воды и минерального сырья) с течением времени будет только усиливаться. В то же время развитие новых технологий будет генерировать новые возможности для трансграничной деятельности во многих сферах — от образования и работы до развлечений и социального взаимодействия. Таким образом, проявится то сочетание потребностей и возможностей, которое должно так или иначе вывести человечество на новый уровень глобального управления. В общих интересах сделать этот переход по возможности более плавным и менее болезненным.

Андрей Кортунов

Стивен
КОТКИН:

Hoover.org

«Нужны инвестиции в российский народ, а не в го- сударство»

Стивен Коткин постепенно завершает свой эпохальный труд — многотомную фундаментальную биографию Сталина, которая поможет разобраться не только в феномене самого тирана, но и во многих загадках и ловушках российской истории. Сейчас он завершил ту часть рукописи, которая заканчивается 1945 годом — впереди страшный послевоенный период борьбы с «космополитами» и новым витком репрессий, завершившийся кончиной диктатора и началом либерализации страны. Профессор Коткин, один из лучших мировых историков, называет себя патриотом нашей страны, изучению истории которой он посвятил почти все свои исследования и книги. И потому именно с ним «Горби» счел необходимым поговорить о порочных кругах российской истории, синдроме великой державы, стоившем России сегодняшней трагедии, и возможных альтернативах авторитарному режиму.

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА.

— Начнем с главного. Объясните, пожалуйста, как историк, что произошло с миром? Или если не со всем миром, то с Россией?

— Что ж, есть одна закономерность.

Закономерность, проявлявшаяся на протяжении многих веков. Она не постоянна в каждый исторический период, но вытекает из российских амбиций, из стремления России быть великой державой первого порядка, что называется, провиденциальной — державой под Богом, державой с особой мировой миссией, особой страной. И это очень давнее стремление России.

Оно прослеживалось при многих и многих различных режимах. Причем Россия — не единственная страна, которой свойственны подобные устремления. Но проблема России в том, что ее устремления не соответствуют ее возможностям.

Между этими возможностями и стремлением быть державой первого порядка — очень большой разрыв. Инструментом сокращения и, возможно, устранения такого разрыва было государство.

Поэтому под руководством государства Россия неоднократно проводила принудительную модернизацию, призванную подтолкнуть страну в направлении, отвечающем этому ее стремлению быть великой державой первого порядка, державой с особой миссией в мире. Иногда на протяжении короткого периода времени это срабатывало.

Синдром несоответствия

Что в итоге получается? Вы проводите принудительную модернизацию, даете толчок, совершаете небольшой рывок, но потом приходите к застою и упадку. Мало того, пытаясь построить сильное государство, чтобы преодолеть разрыв между собой и сильнейшими странами, вы приходите в итоге не к сильному государству, а к персоналистской власти.

Это происходило снова и снова: при царизме, при советской власти, а теперь и в постсоветский период.

В каждом периоде не все так, как в другие времена, есть много важных различий, но закономерность узнаваема. И в рамках этой закономерности, когда устремления превышают то, на что можно рассчитывать, в попытке преодо-

леть отставание прибегают к силе государства, а затем переходят к персоналистскому правлению. И судьба страны увязывается с судьбой единовластного правителя.

Это неверно, это неправда, но при персоналистской власти страну всегда смещивают с режимом. И утверждают, будто выживание

страны зависит от выживания режима.

У России есть выбор. Либо она каким-то чудом расширит свои возможности, чтобы соответствовать своим устремлениям, либо откажется от стремления быть державой первого порядка, провиденциальной державой, державой под Богом.

Посмотрите на опыт Франции и Англии, а также Японии и нацистской Германии: все эти четыре страны испытывали похожее стремление. Две из этих стран отказались от такого стремления добровольно: Англия и Франция. С трудом, ибо отказаться от него нелегко. А у японцев и немцев это желание было отбито поражением в войне.

А сегодня стремление быть державой первого порядка проявляют Китай, США и Россия. И мы видим, что Россия, безусловно, слабейшая из этих трех стран, и она страдает от названной закономерности, или, если хотите, от синдрома несоответствия. Избавиться от него можно, только если привести два фактора в соответствие — либо расширить возможности, либо умерить желания.

Наиболее значим для России пример Франции. Франция — страна с сильной монархической, абсолютистской традицией, с обширной бюрократией. Еще у нее в истории — революция, которая была болезненным процессом, а также «традиция» угрожать своим соседям. Во времена Наполеона, как мы знаем, Россия сыграла большую роль в том, чтобы Наполеон отступил к Парижу и в конце концов лишился власти. И Россия может стать такой страной, как Франция. Она может являться страной с монархическими абсолютистскими традициями, бюрократическими и революционными традициями, но больше не угрожающей своим соседям.

Россия могла бы стать такой страной, но для этого нужно отказаться от стремления стать на одну доску с Китаем и США.

— А что вы можете сказать о значении русской имперской идеи, русского мессианства и «особого пути»?

— У каждой страны свой особый путь. Ни одна страна не похожа на другую. Россия в этом смысле ничем не отличается от остальных. Есть британский путь, немецкий путь, японский путь. Вопрос не в особом пути. Дело в природе институтов. В том, как осуществляется управление. Есть ли ограничения для исполнительной власти? Есть ли у общества потенциал для процветания и для того, чтобы государство было инструментом общества, а не общество — инструментом государства?

Россия в культурном отношении — европейская страна. Ее культура многослойна. В ней есть и восточный слой, как мы знаем, от татаро-монгольского ига. Здесь господствует восточная, а не западная ветвь христианства, но культурно Россия относится к Европе. Однако институционально это не западная страна.

“

..культурно Россия относится к Европе. Однако институционально это не западная страна

”

Можно привести сравнение с Японией. Япония не относится к Европе в культурном отношении, но в институциональном — это европейская, точнее, западная страна.

Так что Япония — страна западная, но не европейская. А Россия — европейская, но не западная.

Посмотрите на успех Японии, а также бывших японских колоний — Южной Кореи и Тайваня. Это азиатские страны. Они образуют так называемую первую островную цепь: Корейский полуостров плюс острова в Азии. Они очень далеки от Европы, но сегодня это государства западного типа.

В них существуют ограничения для исполнительной власти. У них динамичная, свободная и открытая рыночная экономика. И там государство находится на службе у общества, а не наоборот.

Получается, что для России путь, который она выбрала, чтобы стать великой державой первого порядка, почти никогда не был успешным, и он отдалил Россию от Запада, в то время как неевропейские страны сумели присоединиться к Западу.

Стивен
КОТКИН:

Hoover.org

Недолговечные вершины

У России было три исторических вершины. Первая — когда Петр Великий победил Карла XII Шведского, и в начале XVIII века Россия, как вы знаете, получила выход к Балтийскому морю.

Вторая вершина была достигнута, когда Александр победил Наполеона и дошел до Парижа. И главенствовал в определении условий мира.

Ну и, конечно, следующей вершиной была победа Сталина над Гитлером, когда войска Сталина дошли до Берлина.

За каждой из этих вершин в истории России (победа Петра Великого над Швецией, Александра I над Францией и Сталина над Германией) вскоре следовал период упадка. После великой победы над Наполеоном до Крымской войны, как вы знаете, оставалось не так уж долго: через два поколения — поражение в Крымской войне. А крах Советского Союза случился через три поколения после разгрома Гитлера.

Таким образом, эти вершины оказались недолговечны и неустойчивы. В остальное время Россия по большей части была слабее, чем любая из держав первого порядка. Но вкус державной мощи, ощущение вершины подпитывает стремление повторить прежнее достижение, вернуться на то место, которое Россия когда-то занимала.

Так что это своего рода понятное искушение. Оно очень глубоко укоренилось в элите. Однако это искушение — иллюзия. Идти по этому пути — значит гнаться за химерой. И кто будет расплачиваться? Российский народ? Соседи России?

Россия должна быть великой страной с блестящей репутацией. В свете всех ее культурных достижений невозможно представить себе мировую цивилизацию без русского вклада. Живопись, музыка, танец, литература, искусство, наука — по своему вкладу во все это Россия не уступает никому.

Россия должна быть процветающей страной, а не страной, которую презирают, которая стала изгоем и находится в упадке, застое или экономическом спаде. Это трагично не только для соседей России, но и для нее самой. И поэтому надо попытаться взять пример с Франции: признать важность реформ, необходимых для того,

«Нужны инвестиции в российский народ...»

чтобы превратиться в страну не только с европейской культурой, но и с западными институтами.

И согласиться с менее значительным положением в международной системе, как сумела Франция. Учтите, Франция шла на это неохотно. После кризиса 1956 года Франция была весьма недовольна тем, что ее статус великой державы ослаб. Она тяжело переживала утрату империи.

Французы много лет воевали в Алжире. При де Голле Франция пыталась отстоять какую-то автономию в рамках европейской системы и в рамках Североатлантического альянса. Франция пыталась навязать французский язык международным организациям. Она прошла трудный, но успешный путь — ей удалось сохранить гордость великой страны, но также пришлось принять менее значительную роль в международном устройстве. И в результате добиться процветания и мира для французского народа и его соседей.

Я думаю, такое было бы большим достижением для России. Однако вместо этого мы сейчас имеем то, что имеем.

— Значит, можно сказать, что Путин стремится пойти по стопам Петра Великого, покорившего Балтику, по стопам Александра, дошедшего до Парижа, и Сталина, дошедшего до Берлина, — то есть хочет добраться до той точки, где, в его представлении, лежит возвращение величия России?

— Да, каждый раз это происходит все менее убедительно. Видите ли, эта попытка устранить стратегическую слабость России лишь еще больше ее ослабляет. Путин думает, что преодо-

леает эту слабость, но он делает Россию только слабее. Он почти пленник этой задачи о мощи России в мире.

Между сталинизацией и десталинизацией

При Сталине система принуждения была гораздо жестче, и было подчинение Восточной Европы, но для Советского Союза все это означало перенапряжение сил. Сталин выиграл войну, но проиграл мир. Потому что в 1990-х годах, после распада Советского Союза, все войска России пришлось отвести из Восточной Европы, и даже из стран Балтии, обратно к Москве. Они отступали по тем же дорогам, по каким отступал Наполеон, только в обратном направлении.

Так что Россия победила в войне — Второй мировой войне, Великой Отечественной войне, но проиграла мир. И сейчас Россия географически дальше от центра Европы, чем в любой период со времен Петра.

— Что ж, вы объяснили эту логику. Но мне кажется, что, вообще говоря, вся история современной России — это чередование периодов сталинизации и десталинизации. И сейчас мы переживаем очередную реинкарнацию процесса сталинизации. Кто-то может сказать, что до Сталина нынешнему режиму еще далеко, но в любом случае похоже, что российской истории свойственна некая цикличность, чередование периодов.

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

— Да, надо быть осторожнее и не сравнивать Путина со Сталиным. Разница вам известна. При Сталине было убито миллионов 18–20, не считая жертв войны, развязанной Гитлером. Путин не является фигурой того же масштаба, что и Сталин, и никогда ею не будет. И хорошо, что так.

Но вы правы. Есть некая закономерность или синдром в том, что, как мы видим, антизападничество набирает очень и очень большую силу. Репрессии внутри страны и антизападничество, направленное вовне, сочетаются и почти всегда идут рука об руку. А затем наступает период прозападничества или сближения с Западом и либерализации внутри страны.

Периоды антизападничества и репрессий были более продолжительны, чем периоды прозападничества и внутренней либерализации. Фигуры, стоящие на позициях антизападничества и репрессий, как правило, более популярны в воображении россиян. Поэтому искушение попробовать еще раз, даже если раньше не удалось, не исчезло.

Сидя в Кремле и говоря о том, как сильна Россия, как велика русская цивилизация, вы в то же время осознаете ее относительную слабость. Вы видите свою армию — и видите армию Запада. Вы видите свою экономику — и западную экономику. Вы видите свою «мягкую силу» — и «мягкую силу» Запада. И по всем параметрам вы слабее Запада.

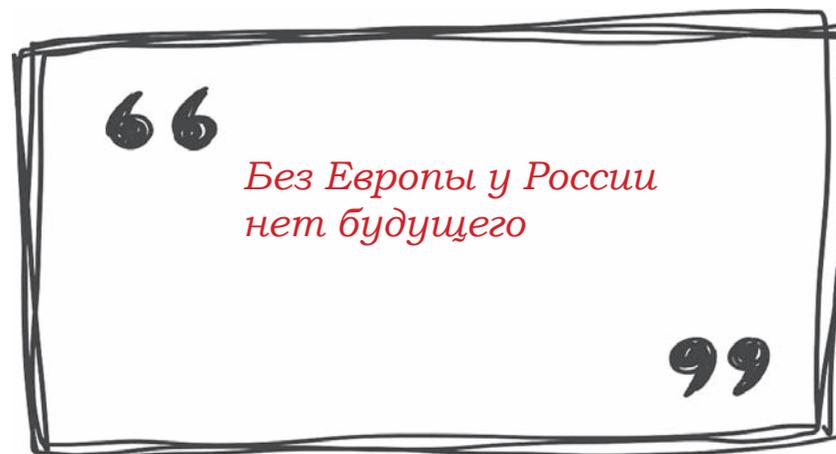
И у вас возникает соблазн попытаться как-то преодолеть этот разрыв. И соблазн пойти на репрессии. Вы думаете: да, я на это способен. Пусть Запад сильнее, а я слабее, у меня все равно это получится.

И еще вы слышите множество мифов и сказок. Запад разлагается. Запад в упадке. Запад ни за что не станет сражаться. Запад коррумпирован. Но каждый раз, когда эти мифы испытывают на прочность, оказывается — нет, Запад не в упадке. Не разлагается. Не убегает от сражения. Оказывается, что Запад сильнее. Он свободен. Его институты на самом деле сильны. Его экономика динамичнее. И его технологии лучше.

Откуда берется либерализация

Так отчего же случаются эти периоды либерализации? Оттого, что Россия упирается в стенку, приходит к застою и упадку. Когда представители элиты — не народ, а суровые мужчины, составляющие опору режима, сотрудники служб безопасности, военные — приходят к пониманию, что отрыв от Запада становится не меньше, а только больше. И, как правило, именно эти люди принимают решение, что нужно выправлять ситуацию, сближаться с Западом.

Вы ведь знаете, откуда взялся Горбачев? Михаил Сергеевич? Да, он прибыл из Ставрополя. Мы знаем его историю — но он протезе Андропова, он протезе суровых мужчин, опоры режима. Понимаете, КГБ куда раньше осознал, что отставание от Запада нарастает. Советский Союз проигрывал конкуренцию в холодной войне. Это понимали в КГБ. Они смотрели на то, что произошло в Польше, на польскую «Солидарность». И смотрели на то, что происходило в советской экономике. Только они владели точной информацией, для всех остальных информация была под цензурой и режимом секретности.

И вот они выдвигают человека, который не коррумпирован, который, как они надеются, вдохнет в систему новую энергию, и одобряют сближение с Западом — не для того, чтобы сдать позиции, не для того, чтобы отказаться от стремления быть сверхдержавой, великой державой первого порядка, а для того, чтобы снова поднять Россию до этого уровня.

Одно из первых же обращений Горбачева к Западу содержало просьбу отменить контроль за экспортом технологий, поскольку страна голодает, а экспортный контроль лишает Советский Союз технологий с Запада. По той же причине КГБ создавал всякие подставные компании, прежде всего в Германии, чтобы нелегально приобретать западные технологии. Потому что такой ослабшей державе, как Россия, которая экспортирует сырье — раньше это было зерно, потом углеводороды, то есть нефть и газ, — нужна технология с Запада.

А в сегодняшней России мы имеем технологическую пустыню. Она хуже, чем в позднесоветский период. Так что может случиться, что кто-нибудь придет и скажет: эта стратегия терпит провал. Мы всё больше отстаем от Запада. Слабость России усугубляется. И нам снова необходимо сближение с Западом. Нам нужно добиться снятия санкций. Нам нужна передача технологий.

Но такой шаг еще не выйдет за рамки великодержавного синдрома. Это еще не преобразование. Преобразование начнется тогда, когда скажут: нам нужно менять внутренние институты, чтобы страна стала больше похожа на Францию. Нам нужно установить ограничения на исполнительную власть. Они нужны не потому, что страна большая. И нужны не ограничения по обстоятельствам, а ограничения, заложенные в институциональные структуры. Реальные конституционные ограничения, встроенные в так называемую систему сдержек и противовесов, или разделения властей, восходящую к идеям Монтескье.

Вот тогда будет по-другому. Это было бы не просто сближение с Западом, передача технологий, дружба с Западом на короткое время, чтобы затем снова пойти тем же путем, что и сейчас, используя механизмы принуждения. Это было бы фундаментальным институциональным преобразованием. Инвестицией в российский народ, а не в российское государство.

И это возможно. Подобное происходило при Борисе Ельцине. Помните — соратники Ельцина изучали фран-

цузскую конституцию, французский государственный строй. Люди думают, что они копировали американскую систему. А на самом деле соратников Ельцина больше всего интересовала именно французская система.

И это была верная идея. Но ее реализация провалилась. Крах Советского Союза продолжался и после 1991 года. Россия унаследовала этот крах вместе с хаосом. Многие видели, например, что Ельцин не здоров. Другим не нравилась приватизация: люди, занимавшие государственные должности, во многих случаях получали под свой контроль собственность, что в глазах народа было нелегитимно.

Так что никакого перехода и не было: просто продолжались крах и хаос с выдвижением идей о том, что, может быть, России предстоит стать такой же страной, как Франция. В девяностые годы этого добиться не удалось. Но ситуация может повториться. Потребуются твердые люди внутри режима, которые скажут: нынешняя стратегия ведет к провалу.

Стивен
КОТКИН:

«Нужны инвестиции в российский народ...»

— Но, похоже, процесс был сложнее. Я имею в виду, что перемен желал отнюдь не только КГБ, но и некоторые группы в ЦК КПСС, Госплане, интеллектуалы при власти и в академической среде. Это было более широкое движение, и перемен хотели в том числе снизу.

И еще один момент. Когда после Афганской войны были введены санкции, под угрозой оказались целые сектора или даже отрасли — например, химико-технологическая промышленность. И это видела не только элита КГБ, но и промышленная элита.

— Директора. Совершенно верно.

— Министерства, отраслевые министры, люди из правительства.

— Именно так. В этом заключалось превосходство советской системы над путинской. Она была организована. Заинтересованные группы были организованы в рамках институций и могли выражать свои интересы.

Прежде всего проводились заседания Политбюро. Горбачев мог многое делать, как хотел, без всяких указаний. Но вот созывалось заседание, куда он должен был прийти и рассказать о том, что делает. А сейчас мы этого не видим.

Нет института, подобного заседаниям Политбюро. Нет групп промышленного лобби, таким же образом организованных при министерствах. Они существовали даже при Викторе Черномырдине. После 1991 года были, а сейчас их нет. Так что в условиях персоналистского режима институционализация фактически отсутствует.

Но КГБ играл критически важную роль, потому что на самом верху он держал под контролем каналы связи. И если в некоем кругу обсуждалось, кто придет на смену Черненко, то сотрудники КГБ их прослушивали. Они же пристально следили за происходящим.

Стратегическое поражение и альтернатива

Мы пока не видим признаков изменений. Ничто о них не свидетельствует. Но они могут проявиться под давлением общества.

Некоторые промышленники, у которых сейчас нет представительства, могут внезапно взять и создать ассоциацию — если откроется возможность, если они перестанут бояться. А кроме того, организация может возникнуть и «после того», а не «до того».

— Да, это один из возможных сценариев, но оснований для оптимизма не так много, потому что ситуация, в которой находится Россия, может затянуться, оставаясь в прежних рамках.

— Конфликт с Украиной — это стратегическое поражение. Россия теряет свои позиции в мире. С этого ей придется начинать, а затем, чтобы добиться институциональных преобразований, надо будет проводить их гораздо глубже, вовлекая в них общество в целом.

Это удалось Польше, потому что она вступила в Европейский союз. Это удалось Японии, Южной Корее и Тайваню, потому что они были союзниками США.

Каков же будет механизм, посредством которого это сможет сделать Россия? Сейчас Россия сблизилась с Китаем. Она движется в направлении, противоположном предлагаемому мною. Китай не обладает механизмом, годным для преобразования внутренних институтов России в сторону ее вестернизации на устойчивой и долговременной основе. Поэтому может случиться так, что близость к Китаю превратится в проблему, которая спровоцирует реакцию элиты. Слишком большая зависимость от Китая. Потеря Россией стратегической автономии.

Я этого не предсказываю. Я только говорю, что такое может произойти.

— К сожалению, похоже, что мы движемся по порочному кругу.

— К сожалению, да. Но были и достижения. Когда закончился советский период, царил хаос, почти анархия. Воровство. Насилие. Не насилие между Россией и другими странами, а насилие внутри России.

Девяностые годы были временем большого насилия. Но и временем открытий: открывалось сознание людей, расширялся их опыт, открывались возможности. Особенно для тех, у кого прежде не было реального будущего. Россия надеялась на более светлое будущее. И это осталось в памяти людей.

Да, возникла и реакция, направленная против хаоса. Против обнищания в девяностых. Она, как вам известно, явилась одной из причин, по которой Путин стал популярен, — негативная реакция на все это.

Но по мере того, как меняется настоящее, люди по-другому вспоминают о прошлом. Когда при Путине, в первый срок его президентства, наступил экономический подъем, довод о том, что девяностые годы были ужасным временем, еще имел силу. Сейчас при оглядке на девяностые годы этот довод уже не так действен и не так однозначен.

Россияне, проживающие за рубежом, — это обычно очень хорошо образованные люди. С предпринимательскими навыками. Они там открывают бизнес и зарабатывают больше денег, чем население в среднем даже в тех странах, где россияне образуют диаспору. Виден огромный потенциал России, проявляющийся, как только людям представляются возможности.

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

И поэтому россияне есть везде — в Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Турции, во всех странах, куда им не нужна виза. Кто-то из них преуспевает. Кто-то терпит неудачу и возвращается назад. Но те места, куда бежали россияне, сейчас переживают экономический бум. Они получили массу преимуществ от притока талантов из России.

Представьте себе этих талантливых россиян в их родной стране. Вы увидите, что потенциал России огромен. У нее масса возможностей, если она сможет найти путь к институциональным преобразованиям и отказаться от химерических попыток вести себя как держава под Богом с особой миссией в мире.

Так что это — тупик, что называется, *cul de sac*¹. Совершенно очевидно, что Россия не на восходящей траектории. Это ясно всем. Это ясно и нам с вами, патриотам России.

¹ Тупик (фр.; дословно: дно мешка).

Сейчас России еще труднее, чем раньше, представить себе возвращение в Европу. Но без Европы у России нет будущего. Россия, изолированная и полностью отрезанная от Европы, не сможет преуспеть как страна. А быть вассалом Китая — это не путь России к успеху. И, между прочим, не России решать, быть ли ей вассалом Китая. Это Китай выбирает, кого делать своим вассалом. И очень может быть, что он Россию в вассалы не возьмет. Потому что в России неразбериха. Россия — это баскетбольная сетка, корзина без дна. Россия — это нечто, за что китайцы не хотят нести ответственность.

Ну и некоторые из тех русских, кто внутри режима, это осознают. Режим сузился, он охватывает куда более узкий круг, чем еще пять лет назад. Первый эшелон очень невелик. Второй и третий эшелоны отодвинуты, они очень далеки от первого эшелона. Они не знают, что происходит. Не знают, как принимаются решения.

Но они живут и видят последствия. А последствия не позитивны. И поэтому если возникнет возможность для перемен, то еще неизвестно, что может случиться. Не исключено, что они ухватятся за такую возможность. Знаете, бывает, что авторитарные режимы терпят провалы во всем. Бывает, они даже проигрывают войну, но выживают — до тех пор, пока преуспевают в одном отношении: в подавлении политических альтернатив. Подавляя альтернативы, они способны пережить любые свои ошибки, поражения, которые сами же на себя навлекли, даже разгром в войне. Но если возникает альтернатива, авторитарные режимы могут очень быстро ослабнуть.

Откуда же берется альтернатива? Возможно, возникнет что-то лучшее внутри режима. Режим непрозрачен, и такие вещи всегда происходят случайно, а не запланированно.

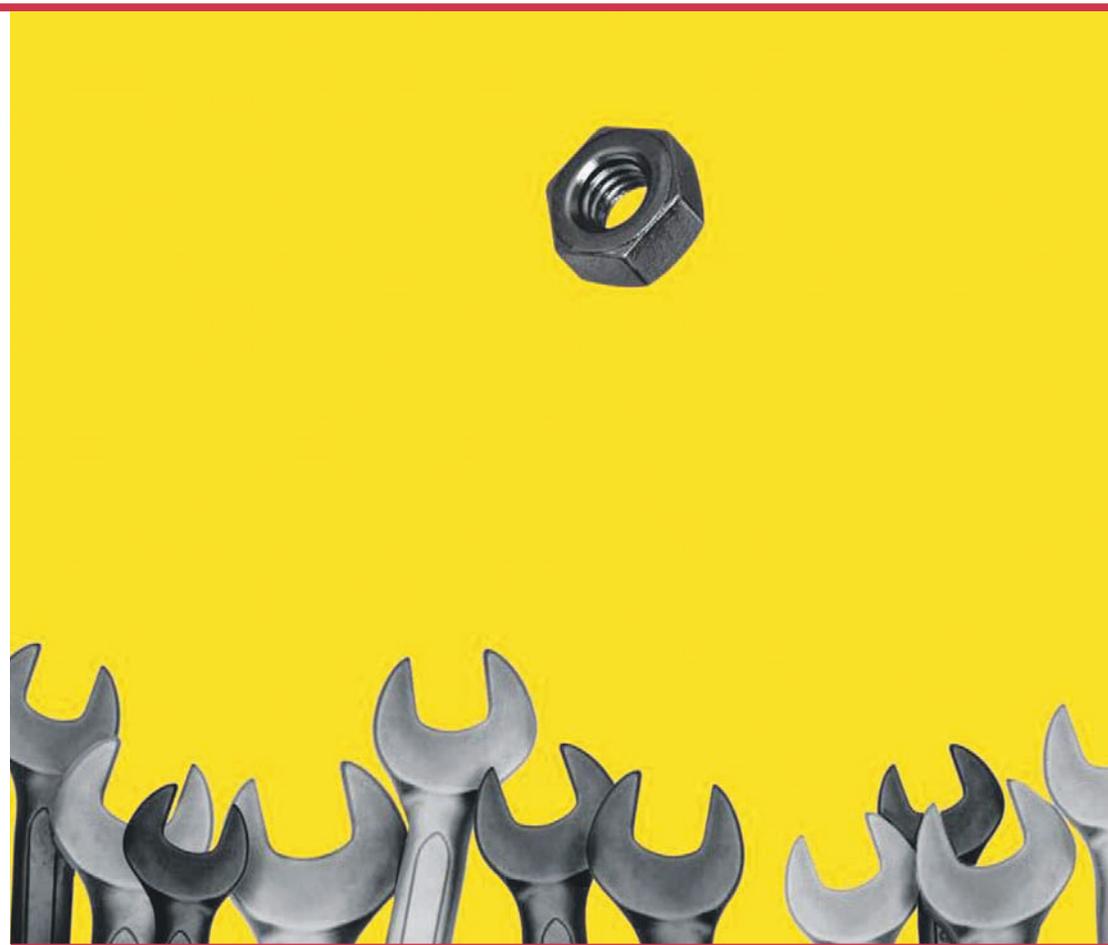
— Исторически все перемены исходили от верхов.

— Вы правы. Они исходят от верхов, потому что таким образом построена система. Сейчас, поскольку государство контролирует общество, а не наоборот, изменения в основном формируются изнутри государства. Но даже большие перемены идут не только сверху — например, Горбачев являлся выразителем процессов, совершавшихся и в обществе тоже. Он получил высшее, университетское образование. И он — образчик трансформации общества в период после Второй мировой войны. Его соседом по комнате в общежитии Московского университета был Млынарж. Сталин умер, когда Горбачев учился в университете. Он посетил Чехословакию вскоре после Пражской весны.

Все это шло не сверху. Но Россия нуждается в некоем прорыве изнутри режима. И если такой прорыв произойдет, то он, возможно, трансформируется в нечто более широкое, с более широким общественным участием.

Беседовал

Андрей Колесников

Петр САРУХАНОВ

СПРАВКА

Стивен Коткин (род. в 1959 году) занимает позиции старшего исследователя в Стэнфордском университете и Гуверовском институте, более 30 лет преподавал в Принстонском университете. Учился у выдающегося американского историка Мартина Малиа в Калифорнийском университете. Многократно стажировался

и занимался исследованиями в Советском Союзе и России. Особые научные интересы профессора Коткина — обстоятельства распада СССР и биография Сталина. На русском языке была опубликована книга «Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000» (НЛЮ, 2018). Издательство Института Гайдара

в 2022 году опубликовало две книги первого тома «Парадоксы власти. 1878–1928» и в 2023-м первую книгу второго тома «В ожидании Гитлера. 1929–1941» фундаментальной трехтомной биографии Сталина. Автор заканчивает работу над третьим томом — «Тоталитарная сверхдержава. 1941–1990».

НОВЫЙ миф о Горбачеве

ИМЯ ГОРБАЧЕВА —
СИМВОЛ. СКАЖИ
МНЕ, КАК ЧЕЛОВЕК
ОТНОСИТСЯ
К ГОРБАЧЕВУ,
И Я СКАЖУ
ТЕБЕ — КТО ОН

Символическое размежевание остро проявляется среди людей, заставших распад Советского Союза; среди же тех, кто родился позже — детей 1990-х и 2000-х, — дело обстоит сложнее. Если для их родителей имя Горбачева связано с болью — для «государственников» по «потерянной стране», для «демократов» — по «несбывшимся надеждам на мирное/свободное будущее», то для новых поколений Горбачев все менее реален и более далек. Для них он становится мифом.

О том, как складывается этот миф, и о парадоксах восприятия Горбачева глазами своих ровесников — двадцатисемилетний писатель Кирилл Фокин.

1. Персонаж в театре

Спектакль «Горбачев» в постановке латвийского режиссера Алвиса Херманиса вышел посткарантинной осенью 2020 года. Партер Театра Наций заполнила московская светская публика — был и сам Горбачев, смотревший

Театра Наций

Спектакль «Горбачев»

спектакль из ложи. Для современной российской культуры этот спектакль стал событием — и дело не в качестве постановки и не в ее меседже.

Все гораздо проще: нормальная для Европы и Америки манера ставить спектакли или снимать кино о политиках первого ряда из недавнего прошлого — не прижилась в России. Причины этого художественного дефицита понятны. Русский театр, кстати, вообще по какой-то причине воспринимается как представляющий «вечное, классическое», и потому любая постановка, тем более касающаяся политики, тем более болезненной и современной, — априори обречена на внимание.

И хотя создатели уверяли, что в спектакле «личность вытесняет политику», как зритель должен свидетельствовать — это не так. Ясно, что для Москвы-2020 нормализация Горбачева уже выглядела неблагонадежно — и потому Евгений Миронов как мудрый театральный менеджер выбрал для пиара тактику дистанцирования от «актуальности».

Конечно, в спектакле не было подробного описания горбачевских реформ и проч. Но изображение политика такого масштаба как мифо-

логического героя — и его интерпретация, пусть даже исключая банальную поверхностную «политику», — естественно, это заход в область «политического театра». Гуманизм Горбачева был не только политической программой, но и философией. Оттого спектакль, построенный как байопик, ведущий зрителей к истокам личности Горбачева — ищущей его гуманность в детстве, юности, первых партийных интригах и так далее, — разумеется, был политическим высказыванием.

Построен спектакль был в «жанре» Netflix — сериальный формат, быстрая динамика сюжета, множество комических реприз. Идеальный зритель для этого спектакля — тот, кто ничего не знает и никак не относится к исторической фигуре Горбачева. Формально документальный (текст — коллаж интервью и воспоминаний обоих Горбачевых), по факту — сочинение по мотивам, попытка «залезть в душу» и достать там то, что авторы хотят сами, — вполне нормальный спектакль, апокриф о Горбачеве, которого европеец Херманис и россияне Миронов и Хаматова пере придумали каждый для себя.

Я вел курс по political fiction и обсуждал этот спектакль со своими студентами. Меня интересовал вопрос, в какой момент политика превращается в миф. Спектакль о Горбачеве представлялся очень удачным опытом — в отличие от огромного количества неудачных произведений, включая и всякую сатиру, о политиках наших дней (конечно, обсуждали мы в основном зарубежный материал — вроде сериала «Правило Коми» о президентстве Трампа и так далее). Ясно, что должно пройти время — но сколько? Политик превращается в миф уже в процессе своего публичного существования; но когда этот миф становится возможно интерпретировать — не рискуя уйти в пропаганду и одновременно не избегая сложных моральных вопросов?

Ключей, как я полагаю, два.

Первый — последствия. История политика должна быть дописана до точки: не физической смерти, конечно, а момента «эпилога» — когда уже можно оценить долгосрочные последствия. Не всегда последствия являются прямым результатом действий политика — но трагедия, скажем, чело-

века, который «пришел дать волю», но наследники эту его «волю» вновь отняли (а он был вынужден это наблюдать, не в силах остановить) — ясна и мифологична даже в такой простой структуре.

Второй — восприятие. Вы можете иметь свое отношение к политике — но примерно так же, как при просмотре фильма о Юлии Цезаре. Вы можете знать что-то о нем, а можете не знать ничего. Знания/отношение изменит ваше восприятие художественного произведения; но отсутствие этого знания даст вам шанс прожить «историю», которая так дорога создателям.

Нельзя сказать универсально, сколько времени должно пройти в каждом конкретном случае. Но с Горбачевым теперь нам известно это наверняка. Политика Горбачева закончилась в 1990-х, его политическое наследие — в 2000-х, его гуманистическое наследие — в 2010-х. Спектакль вышел в идеальное время — в эпилоге его жизни. С 24 февраля мы прошли полный круг — и Горбачев окончательно развоплотился. Миф о нем зажил своей жизнью — и если его можно было обратить в легкое представление о лирической судьбе юного еще-пока-не-генсека и его молодой жены в 2020 году, то в 2023-м необходимость в этом мифе — особенно в глазах моих сверстников — стоит подвергнуть ревизии.

2. Персонаж в учебнике

Многие из нас, родившихся уже после перестройки, выросли с ощущением необходимости занять позицию в отношении Горбачева и Ельцина. Положительное отношение выдавало воспитание в семье «демократов», отрицательное — в семье «государственников». Но это отношение, разумеется, имело мало общего с историческим Горбачевым. Через отношение к нему люди формулировали страхи и переживания сегодняшнего дня — разумеется, ответ в этом политическом размежевании лежал в путинской эпохе, а не в 1986, 87, 88, 89 годах.

Для моих ровесников, конечно, это прошлое уже отжило свой век. Горбачев не отзывается в нас болью: и мне очень трудно представить современного молодого человека, зрителя Netflix и слушателя Spotify, кто всерьез бы размышлял и спорил о первом и последнем президенте СССР. В этом смысле формат спектакля-сериала, о чем я сказал выше, был идеально подобран под запросы новой аудитории.

Новый миф о Горбачеве

То, однако, что отношение к настоящему формулируется через прошлое — более чем нормально. Отношение к будущему тоже можно формулировать через прошлое — через что же иначе его формулировать? Воображение слишком прозрачно, а исторический опыт все-таки вещь конкретная. Хотите как в Париже, хотите как в Вашингтоне, или хотите как в перестройку — ясная отсылка к ясным культурным кодам. Такие отсылки можно обсуждать, можно деконструировать, можно высмеивать — но они дают точку опоры.

Русское государство ведь пошло вслед за невеликой мудростью Михаила Покровского — «история есть политика, опрокинутая в прошлое». «Невеликой» я называю ее потому, что историю нельзя заместить политикой. Можно попытаться — но чистого результата не будет, потому что культурный шлейф или колей, в которой мы живем, как раз сформированы этой историей. Иными словами, и вся современная политика — это в равной степени история, обращенная в будущее.

Причинно-следственная связь здесь не ясна, хотя пропагандистам нравится думать, что прошлое подчиняется их воле, а не наоборот. Поэтому настоящей точкой размежевания — и обсуждения — они выбирают скорее Сталина, нежели Горбачева. Выпуклая фигура, жестко поляризующая общество, сама по себе гранитная, огромная, кровавая и бесчеловечная, — куда эффективнее в качестве отправной точки дискуссии и выявления «врагов народа», чем противоречивый, человеческий, живой Горбачев.

От него государство скорее отмахивается — он некая aberrация, странность, человек, который как бы «любил жену больше, чем власть». Так это или не так — не имеет, кстати, никакого значения. Таков миф: и этот миф является неудобной странностью. Правители в истории России должны любить власть и совершать из этой любви либо подвиги (Сталин), либо преступления (Ельцин) — но как можно не любить власть? Не любить силу и мощь государства?

Парадокс Горбачева — свобода для людей в его стране пришла вместе с концом этой страны. И пока мы остаемся в старой системе координат, где госдеятеля оценивают эпическими критериями, где страна, государство, нация — это всегда высшее благо, где «Родину не выбирают, за нее умирают», даже самые либерально настроенные мыслители вынуждены призна-

вать — в итоге государство-то он «не удержал». Как будто в «удержании» государства как такового есть самоценность. Как будто «государства» — это навсегда.

А они не навсегда.

Возникают концепты «общества без работы», «общества безусловного дохода», «общества искусственно замедленного экономического роста» и так далее. Две главные социальные проблемы — глобальное потепление и риск

глобальной войны — не решить техническими, естественнонаучными решениями. Они требуют решений гуманитарных — новых, научных, но социальных технологий.

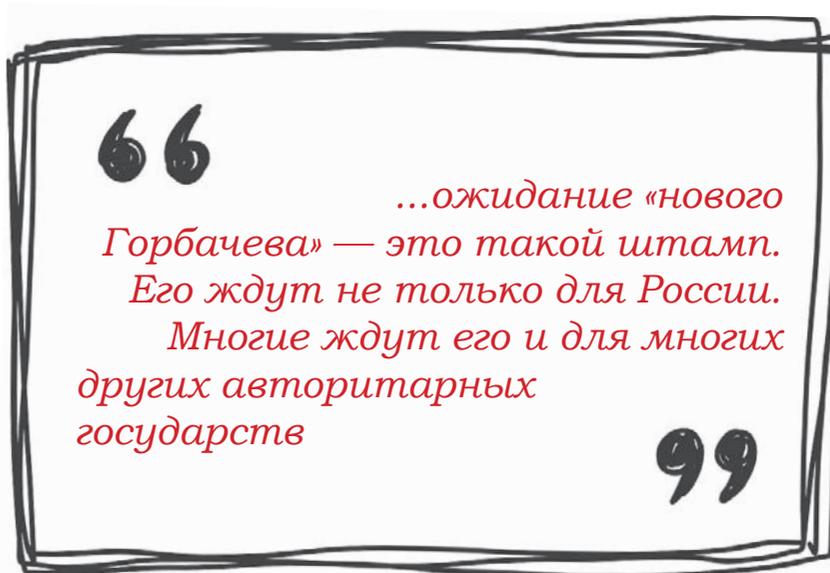
Возвращения к международному праву. Переосмысления международного права. Новых систем международной безопасности. Глобальных экологических программ. Системы судов, принуждения к миру, к исполнению общих решений. Системы «гарантов» этих решений. Системы смягчения эффекта экономических «бумов» и «приседаний», без которых

глобальное потепление разрушит нашу цивилизацию быстрее, чем мы начнем ядерную войну (обратное тоже возможно).

Необходимое условие, которое нам ставит это «давление будущего», для того, чтобы будущее у нас в принципе было, — переосмыслить сам концепт «суверенного государства». И его морально-этическую сторону, соответственно.

Когда эксперты говорят, что 24 февраля «национальные государства вернулись» (или, как вариант, «вернулись великие державы») — это звучит сомнительно. Скорее весь мир получил еще одно доказательство губительности традиционных государств — а значит, маятник качнется в обратную сторону сильнее, чем мог бы.

Перестройка текущей системы международных отношений будет жестче, чем могла бы быть, — и будет вовсе не такой, как мечта-

3. Персонаж в будущем

Современный мир — в интеллектуальных дискуссиях, большей частью проходящих за пределами и России, и Восточной Европы, — озабочен будущим. Оно наступает стремительно: гораздо стремительнее, чем многие предполагали. Развитие биотехнологий и искусственного интеллекта перемещает вопросы о границах «человечности» из плоскости теологии в область практической этики. Но помимо «технических» вопросов, связанных с новыми технологиями, не менее остро стоят вопросы о новых социально-экономически-гуманитарных технологиях.

Иван ГАЛЕРТ

ют мыслители-консерваторы. Глобализация вернется, и новая глобализация будет вовсе не такой вегетарианской, как прошлая. Мы еще увидим зубы «гуманитарных интервенций» и новые технологии международного управления спорных технологий — и многие из нынешних глобалистов-гуманистов в ужасе уйдут в противоположный лагерь антиглобалистов.

Это гипотеза. Не утверждение, а предположение. Мы идем в будущее по колее, но на этой колее есть развилки. И многое на этих развилках зависит от воображения — и способности помыслить альтернативы.

И здесь вернемся к началу.

Мы мыслим будущее через прошлое, модернизируя и перепридумывая его под себя. Это не сознательное «искажение», это просто данность, которую нужно осознавать, допуская умозаключения про исторические, а равно — мифологические политические фигуры.

Если реальный Горбачев уже закончился, и болевые точки, которые он задевал как политик, у нации в прошлом (увы, теперь болевые точки у нас новые) — это вовсе не значит, что в будущем

ему нет места. Наоборот: в будущем у Горбачева больше шансов преуспеть, чем в прошлом.

Парадоксальным образом человечный Горбачев, чье политическое мышление затрагивало судьбу всего человечества и чье главное антивоенное достижение (разоружение) имело планетарный масштаб, для кого личность была важнее государства и государственных границ, — такой политик легко впишется в дни, которым еще предстоит наступить. В дни, когда мышление планетарными интересами станет не факультативным, а необходимым для политиков; в дни, когда границы будут уничтожать, а не создавать новые; в дни, когда карты придется менять — снова и снова, потому что экономический и географический рельеф на них станет важнее политического.

Политика высоких технологий — не столько желательное, сколько единственно возможное будущее человечества. Потому что в противном случае у человечества вообще не будет никакого будущего. Значит, эту «новую политику» — нужно не бояться и не закрываться от нее, в том числе потому, что «какая нам разница, что будет завтра, нам бы сегодня пережить». Это подход поражен-

ческий, потому что от силы нашего воображения сегодня зависит, каким может быть это завтра.

Мифический Горбачев — новый мифический Горбачев — может быть отличной точкой отсчета для этих обсуждений. По крайней мере, потому, что он — единственный, наверное, из последних лидеров России — смог бы быть политиком в мире будущего. По крайней мере потому, что он был нормальным человеком, а для лидера России — это уже событие. По крайней мере потому, что перепридумывать и переизобретать миф — это тоже нормально.

Не случайно, я думаю, ожидание «нового Горбачева» — это такой штамп. Его ждут не только для России. Многие ждут его и для Китая, и для Северной Кореи, и для Ирана, и для многих других авторитарных государств. Придут ли эти «новые Горбачевы» и подарят ли миру относительно бескровный демонтаж опасных для будущего политических систем изнутри — я не знаю. Но миф о них нам может очень сильно помочь.

Кирилл Фокин

ГОРБИ
GORBY

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Дом для книг, который построил Федор- Ченко

*Некровавых сказок не бывает.
Всякая сказка исходит из глу-
бин крови и страха.*

Франц Кафка

Лечу на Урал. Всего два с небольшим часа — и я у режиссера Алексея Федорченко: в студии, дома и в его библиотеке. Сначала были на коррекции звука его будущей картины «Новый Берлин» — еще одно умопомрачительное мокьюментари, пересказывающее конспирологические версии существования спрятавшегося под антарктическими льдами «четвертого рейха». Сыпали камушки, топали, лили воду, шумели фанерой — создавали ощущение подлинности вершащейся на экране фантасмагории.

Потом переместились в библиотеку. Гигантская, неохватная коллекция. В какой-то момент дома ей стало тесно. Пришлось арендовать небольшую квартиру. Здесь вспоминаешь профессора Аронакса из романа Жюль Верна, его искреннее восхищение книжным собранием капитана Немо: «Ваша библиотека сделала бы честь любому дворцу на континенте; и я диву даюсь при мысли, что такая сокровищница сопутствует вам в морские глубины!» Ну не в морские глубины... Но о коллекции Алексея Федорченко тоже практически ничего не известно.

Лариса

Малюкова

Подкрылки и закрылки

— Как возникло собирательство редких книг — прежде всего, репрессированных ученых и писателей?

— Я рос в библиотеках — дедовской, родительской. Лет семь назад сидел среди своих собраний и думал: «Книжка к книжке подобраны, но никому это не нужно. Дети читают в электронке, в компьютере». Случайно на каком-то из сайтов мне попался автограф кого-то из членов Еврейского антифашистского комитета, разгромленного после войны. Я его купил и вдруг понял, что обрел цель — зачем собирать книги. Эта тонкая книжка с авторской надписью должна сохраниться не только потому, что является артефактом, историческим объектом. Она — звено нескончаемого кошмара: обжигающая руки книга убитого автора.

Год, наверное, занимался Еврейским антифашистским комитетом, искал книги 12 расстрелянных в 1949-м, нашел список пострадавших. Более 300 человек, в основном писатели и поэты, разыскивал их книги.

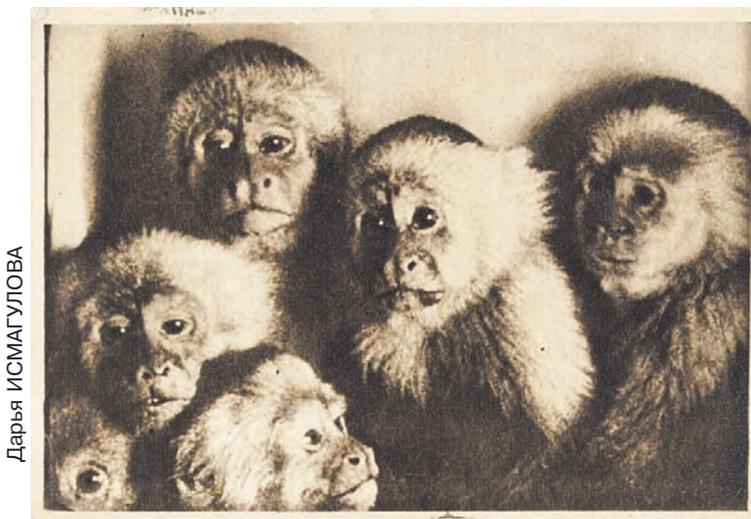
— Что ты узнал про этих людей? Открывали ли книжки, документы дополнительные сведения о том, что с ними произошло?

— Например, популярный в 40-е детский поэт Лев Квитко. Создавал классические стихи, был тонким переводчиком. Чуковский писал о его легком даровании, безразмерном восхищении миром: «Все, к чему он хоть на миг прикасался, становилось золотом поэзии». У меня есть квитанция — брат принес ему деньги в тюрьму, выдали квитанцию. Дошли ли деньги? Квитко расстреляли за «измену Родине». Поэтам-имажиниста Григория Сорокина из когорты Есенина и Мариенгофа арестовали в 1949-м как «безродного космополита». В мае 1954-го в лагерной конторе ему сообщили об освобождении. Он пошел в барак за вещами — сердце остановилось.

Когда пришли первые книги, меня накрыло — все эти люди, безвинно убитые, держали эти книжки в руках, радовались изданию, собственноручно подписали. Не удалось собрать все автографы, но приобрел книги едва ли не всех жертв этого гигантского дела. Например, книжку с автографом биофизика и физиологу Рине Штерн, первой женщине — академику АН СССР и лауреату Сталинской премии. Ей чудом удалось выжить.

— Они столько для родины сделали, а им объявили беспощадную войну. Многие исчезли. Как ты искал?

— Интернет — наше все. Я на все аукционы подписан. И поскольку пострадавших тысячи и тысячи, я стал выходить на другие дела: биологов, геологов, востоковедов, археологов, математиков. В разные периоды заводились «дела» — и вырезали либо научное направление, либо профессию вместе с ее ведущими специалистами. Востоковедов, историков, астрофизиков — по так называемому академическому делу, — многих ученых упрятали за решетку.

Дарья ИСМАГУЛОВА

Та самая открытка, посланная Михоэлсом дочери

— Даже театральные критики пострадали.

— Разумеется. И полярники, спортсмены, артисты, военные, художники, астрономы — по делу Пулковской обсерватории.

— Ты составлял списки репрессированных и потом искал их труды и книги?

— Думаю, что каждая книга, попадающая в руки, посылается не случайно. Нужно понять, для чего книга пришла ко мне. Сначала были ученые. Я относился к ним, как к эльфам, потому что их книги были с диковинными поэтическими названиями. К примеру, «Теория подкрылка и закрылка». В обыденной жизни мы таких слов и словосочетаний не встречаем; казалось, я попал в библиотеку эльфийского царя.

— А какой разброс цен примерно?

— Можно брошюры купить с автографом и за 500 рублей, а есть и за 50 тысяч книги. Чем «попсовее», то есть известнее автор, тем дороже. Самые дорогие книги — прижизненные издания Пушкина, его современников. Пушкин, Лермонтов, Гоголь могут стоить и пять миллионов, и восемь. Затем по дороговизне — прижизненные издания с автографами поэтов Серебряного века: Маяковский, Есенин, Ахматова, Цветаева. Примерно от миллиона до двух. Люди собирают красивые корешки для библиотек богатых домов. Остальное можно найти намного дешевле — пока это не стало

модным. Михоэлса сложно найти дешевле чем за 30–40 тысяч.

— У тебя есть книжки Михоэлса?

— Есть замечательная открытка Михоэлса, написанная дочери. Я почему за нее зарубился — там на обложке обезьянки, и он пишет: «Смотри, как на нас похожи!» Самое дорогое во всем этом, когда в тексте, — человеческое: грусть, смех, влюбленность. А когда автор, и отправитель, и адресат арестованы, книжки заряжены болью, запахом времени.

Доводилось покупать уникальные издания, связанные с невероятными историями, — руки не доходят, чтобы запечатлеть их на экране. Когда готовил так и неосуществленный проект про Первую мировую войну, было полшкафа специально подобранных книг.

— В «Ангелах революции» ты рассказал о судьбе расстрелянного театра латышского «Скагувэ», работавшего в Москве. Перед расстрелом труппы на Бутовском полигоне в 1937-м был последний спектакль, когда на сцену вышли только женщины — мужчины уже были арестованы НКВД. А что стало импульсом

рождения кинофрески об отношениях России и Кавказа — «Большие змеи Улли-Кале»?

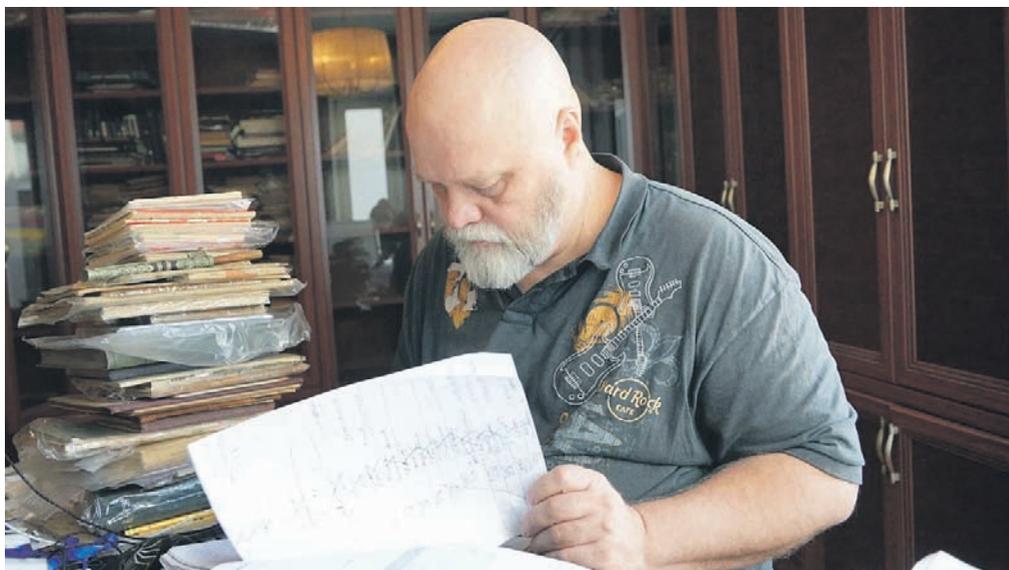
— Случайно набрел на книжку «про доблестного чекиста Ушаева». Выяснилось, что этот начальник областной милиции и член ЦИК — беспробудный мерзавец. Убивал, травил, заживо сжигал людей в 20-е. Его ненавидел весь Дагестан. Когда ему приглянулась дочь шейха Патимат, он заявил: «Кто к ней приблизится — убью», и уехал в Туркестан с басмачами воевать. С разрешения старейшин девушка и ее жених Арсали Латыров ушли в лес. Ушаев хотел их убить, но старейшины пригрозили бунтом в республике. Пришлось отпустить. А Ушаева кровники потом отравили.

Звоню Лиде (Лидия Конашева — соавтор Федорченко. — Ред.), говорю: «Слушай, я нашел настоящий истерн. Напишем какой-нибудь масскульт? Стали собирать материал. Находим могилу Патимат — золотой склеп, к которому идут поклоняться жители Чечни и Дагестана. Оказалось, она дочка одного из последних суфийских шейхов Овды. Начали изучать это учение, в том числе труды учителя Овды — Хаджи Кишиева, проповедовавшего непротивление злу и оказавшего влияние на Толстого и на историю Чечни, хотя сегодня в республике стараются о языческих первоосновах забыть».

Дом для книг, который построил Федор- Ченко

Дарья ИСМАГУЛОВА

Я предложил остановить поиски, начать писать. Это дело такое: увлекаешься — забываешь про сценарий. Мы нанизали разные истории начиная с начала XIX века на одну нитку. Дошли до 1912-го: Толстой умер и последний абрек, объявивший Российской империи газават — Зелимхан, — умер. А история Патимат и Арсали только начиналась. Куда ее? Так что «Большие змеи» — приквел фильма, которого не случилось.

— Здесь у тебя такое драматургическое богатство: помимо книг жертв антифашистского

комитета, процессов над командующими армий — менгрельское дело, дела врачей или «социально чуждых». Не было идеи сделать о ком-то из них кино?

— Можно сделать фильм про любого из них. Но я же не могу сделать несколько тысяч фильмов.

— Федорченко не может снять несколько тысяч фильмов?

— Ты иронизируешь, но я действительно воспринимаю работу с книгами на первом месте. Слово через меня током проходят тысячи высоковольтных тем: каждый день проживаю чужую жизнь. Допустим, вчера целый день за-

нимался «Памиром» — объединением группы сибирских литераторов рубежа 20–30-х, которые мечтали о независимой Сибири. Нашел несколько номеров популярного журнала «Сибирские огни», вокруг которого они собирались. Читаешь оглавление — более половины авторов репрессированы. Среди них — Вивиан Итин, сочинитель одного из первых советских фантастических романов «Страна Гонгури». Кристоферу Нолану бы понравилось. Как молодой революционер Гелий попадает в плен к колчаковцам, ждет расстрела. Его сокамерник, старый врач Митч, погружает юношу в гипнотический сон, в котором тот переносится почти на 2000 лет в будущее. Здесь автограф Вивиана Итина — настоящая реликвия.

И вот абсолютный раритет — брошюрка «Секрет фирмы» несохранившегося фильма режиссера Владимира Лебедева-Шмитгофа, поставившего первую советскую кинокомедию «Н+Н+Н», написавшего текст марша пионеров «Эх, хорошо в стране советской жить!» на музыку Дунаевского. Дружившего с Маяковским и Есениным. Арестован в 1938-м по обвинению в шпионской деятельности в пользу Германии. А все из-за съемок. Для фильма «Форпост великой родины» нужна была машина, похожая на машину посла, режиссер обратился в посольство с просьбой ненадолго воспользоваться одной из машин...

— Тысяча и одна фантастическая история реальных людей. Как ты их фиксируешь? Это же большая проблема — рассеивание информации.

— Хотел бы немного притормозить с кино. Это сложно, потому что у меня кинокомпания, которая должна работать. И все же надеюсь остановиться, заняться книгами, каталогом. Утопаю в информации. Необходимо сделать заметки про каждую книгу и ее автора.

Лида Конашова — моя соавторша — любит мою библиотеку больше, чем я. «Ты умрешь, — говорит, — мне останется». Отвечаю: «Нет, не останется».

— А правда, ты умрешь, кому она останется?

— Думаю об этом и пока хозяина не вижу. Главное, найти время на каталогизацию, привести библиотеку в порядок, что непросто. Я в месяц получаю по 30–50 посылок. Вот стопка на столе — еще не распечатанные. Все деньги уходят на книги. Есть букинистические сайты, там миллионы книг, миллионы секретов, историй, надо знать, как этот «жемчуг» отыскивать. Каждый день аукционы в России и мире, отслеживаю их.

— И как же ты находишь время на съемки, пьесы и все прочее, ты же снимаешь параллельно по три фильма в год?

— Раньше режиссер мог полнометражный документальный фильм спокойно год сни-

мать. Но ведь время растягивается и сжимается. Я недавно «Больших змей» закончил, сейчас занимаемся звуком антиутопии «Новый Берлин», делаем докальманах «Подногами». Истории про то, что если внимательно смотреть под ноги, увидишь увлекательную жизнь. На постпродакшене фильм «Марк Соскин и Бессмертный полк» — про первого пленного Отечественной войны, оказавшегося в плену в Брестской крепости 23 июня. Мой одноклассник Марк Соскин рассказал мне историю про своего деда.

— Кажется, теперь я разгадала секрет раблезианской творческой неумности Федорченко. Это книги. Их нерастрченная энергия питает, не дает возможности успокоиться. Но к некоторым книжным раритетам, особенно ветхим, страшно прикасаться.

— Надо все цифровать, публиковать. Сейчас Ельцин-центр обратился ко мне с просьбой выставку сделать. Думаю собрать для них репрессированные энциклопедии, словари и справочники. Есть у меня такое отдельное направление.

— А за что репрессировали научную литературу, словари и справочники? Это же академическая сухая информация?

— Информацию собирали «иные», «дискредитирующие», укорененные в культуре, способные думать. И рассказывали порой про «неблагонадежных» с точки зрения конкретного политического момента. Когда это нравилось власти? Первая Советская энциклопедия 1928-го вышла полностью. В первом томе есть список людей, отвечавших за научное направление, моду, искусство. Там 400 фамилий авторов статей примерно. Три четверти из них уничтожены. Начинали выпускать десятки разных энциклопедий, например Сибирскую, Уральскую... Выходили первые тома, потом и энциклопедию, и редакцию — «под нож».

У меня примерно 30 словарей репрессированных авторов — русско-персидский, русско-молдавский... Только украинских, наверное, шесть словников.

А вот, смотри! Две почти одинаковых книжки: «Краткий философский словарь» Тимофея Ищенко. Видишь разницу? Одна — 1930-го, другая — 1931-го. В первой он даже не упоминает Ленина, не считая его философом. Пришлось немедленно переиздавать. Все равно арестовали.

— Да, такой объем информации способна вместить только электронная библиотека.

— Объем — это огромная проблема.

Наибольшее воздействие на понимание произошедшей трагедии имеет одно имя, одна книга. Берешь ее в руки, осознавая, какую уникальную личность потеряли. Узнаешь биографию, библиографию, рассматриваешь фото, беспечное, отпускное, с надписью маме, брату, любимой девушке. Видишь

почерк. Узнаешь, как погиб... Испытываешь холодящий кровь ужас. Как только увеличивается количество самой жуткой информации, мозг гасит ее. Если десять книг перед тобой, эмпатия снижается, если шкаф — сочувствия еще меньше... Тысяча книг превращает боль в статистику. В этом беда сегодняшнего отношения к репрессиям. Громадные значения мозг не воспринимает. Коммунисты говорят: «800 тысяч жертв, а не миллионы». Всего. А когда видишь поименно, кого убили, как скрупулезно вырезали генофонд — трагедия непоправимая разворачивается. Я же, когда ишу книги, вижу не только авторов научных монографий, но и кондитных дел мастера, сапожника, сторожа, настройщика, повара, тренера. Несчастных людей, которых вырвали с мясом из их судеб. И сразу — 58-я: расстрел, расстрел, расстрел.

Сказка с несчастливym концом

— Как возникла идея на основе этих судеб сочинять сказки о репрессированных?

— За самыми беспощадными фактами темяются искры живой, пульсирующей эмоциями истории. Даже если не снимаешь кино, хочется как-то художественно осмыслить эту информацию, донести до людей не протокольно. Поэтому возникли сначала рассказы. Но они были столь странные и удивительные, что превратились в сказки. Мы с Лидой Конашовой написали их уже с полсотни.

— Что же тут волшебного? Жил человек: создавал, открывал, снимал, исследовал. Его, невинного, арестовали и убили...

— Мы редко рассказываем о самом факте репрессий, хотя это может стать финалом истории. Чаще находим удивительный сюжет, поворот жизни конкретного человека, начинаем копать, смотрим, что он написал. Если повезет, находим дневники его или его друзей, отыскиваем эпизод, нас изумивший. Например, был ученый-энтомолог. В его семье прятался Сталин в 1917-м, и в этой семье о рябом революционере осталась память, что он ночами воровал котлеты. Эта история с котлетами пригодилась в научной деятельности энтомолога: в исследовании «крысок» — личинок, которые в грязи живут, дышат через такой хвост-жало.

Сталин в этой сказке просто упоминается. А вот послесталинская история инженера-конструктора Александра Болонкина. Он работал в конструкторском бюро ракетных двигателей академика Глушко. За распространение самиздата, кажется из-за Солженицына, был арестован. Почти 15 лет — тюрьма, ссылки, работа на лесоповале в самых страшных лагерях. Сахаров публиковал обращение к ученым мира в его защиту.

Продолжение материала
Ларисы Малюковой

Дарья ИСМАГУЛОВА

Вышел в 1988-м, при Горбачеве. Реабилитирован «за отсутствием состава преступления», уехал в Америку, стал одним из директоров НАСА, председателем секции космических полетов. Масса изобретений мирового значения. Я написал стихотворение «Молитва зэка Болонкина», нашел его адрес, успел ему отправить. Но не знаю, успел ли он прочитать — он недавно умер. Начинается так: «Хьюстон-Хьюстон, Аве Отче, бьют по почкам больно очень. / Бьет по почкам прапор-гнида, мыс Канаверал, Флорида».

Есть волшебная история — из моих любимых. Она была дочкой лютеранского епископа в храме Петра и Павла в Москве. Отца расстреляли. Она стала филологом-германистом, профессором

Дом для книг, который построил Федор-Ченко

Дарья ИСМАГУЛОВА

МГУ, руководила изданием самого большого русско-немецкого и немецко-русского словаря. Но и редакцию, и редколлегию репрессировали. Нашли профашистские намеки. Знаешь, как? Сравнили первые и последние на страницах слова, выделенные, чтобы легче было искать. И в сочетании разрозненных слов нащупали крамолу. Мы сочинили историю про Питера и Пауля, которые дружат с девочкой, играющей на органе в их костеле. Питер высокий, как башня, заводит большие часы — такие точные, что Бог по ним сверяет время. А Пауль — маленький, живет в органе, и когда девочка начинает играть, он оживает. Когда девочка исчезла, орган отправили в Новосибирск, его трубы использовали для декорации в спектаклях, раскрасив как березы. А механизм часов из храма отвезли на Лубянку — на здание КГБ. И бедный Бог сейчас сверяет время по часам на Лубянке.

История посвящена Елизавете Александровне Мейер. По этому делу арестовали 140 человек. Елизавету Мейер отправили в 3-й лагпункт,

«Морсплав». Приговорена «тройкой» к расстрелу. Реабилитирована в 1989-м.

— После каждой сказки будут реальные факты о жизни человека, которому она посвящена?

— Конечно. Но для каждой истории ищем свой жанр. Есть считалочка, сценарий, пьеса, микрорассказ, стихи. Или приключение. Востоковед Владимир Казакевич, крупнейший эксперт по монгольской истории — собиратель реликвий, привез из экспедиции в Ургу в стеклянном сосуде отрубленную в местных расприх голову Джа-ламы — одного из монгольских властителей. Рассказ называется «Белая голова Джа-ламы».

Времени нет

— Существует множество толковых и абсурдных объяснений, почему репрессировали собственный народ, но ты сам не задавался детским вопросом: «А зачем государству, которое об индустриализации печется, мечтает догнать и перегнать Америку, — в каждом направлении науки, производства, военного дела вырезать «плодородный слой»?

— Страх непременно превращается в неостановимую пандемию...

— ...распространяющуюся с самого верха. Страшно увидеть рядом с собой, ничтожным, кого-то умнее, сильнее, остаться не у власти. Надо выкорчевать все, чтобы ни леса, ни щепок.

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Только что вы завершили работу над фильмом в редком жанре киновидеодетектива «Колбаса Митрофана Аксенова». История малоизвестного философа и ученого, сформулировавшего теорию времени как четвертого измерения. Как ты про него узнал?

— Исчез в Изяславе в 1922-м, когда через город проходили и махновцы, и дикая дивизия Котовского, потом голод, тиф... От коренного населения города осталось процентов 10–20. В апреле 2022-го я должен был ехать на Украину по тем местам. Но после 24 февраля это стало невозможно. И тогда пришлось придумать неожиданный драматургический поворот.

— А его последняя книжка как называлась?
— «Времени нет».

Дом для книг и его обитатели

Смотрю на эти полки, на бесчисленные стопки книг, документов, фото, наивных раскрашенных открыток. И время замед-

ляет ход, «шевелия кандалами цепочек дверных». Обретает, как предсказывал Митрофанов, неосознаемое трансцендентальное измерение, «адреса, по которым найду мертвецов голоса». Беспочвенная надежда «пугливыми шагами» шелестит пожелтевшими страницами. Почти неразличима в глубине черной тоски, страданий. Прерванного смеха и полетов. Изломанных, смятых судеб. Остались лишь эти книжные корешки, чернильные закорючки автографов, записки на обрывках, клочках великолепных космических идей, рифм и вытравленных земных жизней.

Столько имен. О каждом можно написать повесть, роман, снять фильм.

Или, как решил Федорченко с его соавторшей Лидой Конашовой, — сказку. Как пел Цой: «Там за окном сказка с несчастливим концом. Странная сказка». Здесь жизнь отдельного человека — странная сказка, написанная пальцами Бога и уничтоженная корявыми пальцами убийц-мракобесов, способных лишь нажимать на курок.

Книга как код памяти, восстановления «линии жизни».

Атлантиды несостоявшегося народа.

Вот лишь несколько из обитателей этого книжного дома, который строит и бережет Федорченко.

Из мартиролога Федорченко

Бруно Адлер — профессор кафедры географии и этнографии Казанского университета, антрополог. Занимался картами первобытных народов. С Горьким, Ходасевичем и Белым выпускали в Берлине журнал «Беседа». Редактировал тексты первого издания Большой советской энциклопедии. 58-я, расстрелян в 1942-м.

Альфред Людвигович Бем — Достоевист. Автор десятка книг, редактор и один из составителей пяти томов библиографической серии «Обзорение трудов по славяноведению». В мае 1945-го арестован в Праге советскими спецслужбами, бесследно исчез.

Еллий Богданов — биолог и зоолог, один из основоположников отечественной зоотехники, награжден большой серебряной медалью Общества любителей естествознания, золотой медалью Московского университета. Основатель двух научных школ — по кормлению и разведению молочного скота. После «разоблачения богдановщины» и травли — уволен.

Окончание материала
Ларисы Малюковой

Дарья ИСМАГУЛОВА

Поступления за неделю

— Смотрю, на аукционе выставили книгу, называется «Смерти нет». Митрофан Аксенов, 1906 год. Глаз у меня наметанный — могу среди лотов сразу своих любимцев рассмотреть. Залезаю в Википедию, там, в основном, прочерки, но сказано, что в своих работах он предвосхитил теорию относительности Эйнштейна на 10 лет. К сожалению, научный мир его не поддержал. Мы стали искать, в первую очередь по книгам. Я собрал практически всю коллекцию: его книги, журналы, где Аксенов упоминается. Первую рецензию на книгу, полемику вокруг его теории в журналах «Русское богатство» и в приложении к «Ниве». Мы обнаружили места, где он жил. Это Харьков, Житомир и маленькие городки вокруг. Нашли переписку со Львом Толстым, речь Аксенова на похоронах его друга философа Николая Николаевича Грота под Харьковом, в селе Кочеток. Там была водолечебница, отдыхал Толстой, они, скорее всего, там встречались. Мы брали интервью у единственного специалиста по Аксенову, оказалось, что он живет в Клязьме. Там же и дача богатого купца Абрикосова, финансировавшего журнал «Вопросы философии». Абрикосову Аксенов посвятил одну из книг, наверняка бывал у него на Клязьме. Я отыскал остатки поместья Абрикосова «Дубы» — кроме дубов там ничего не сохранилось, под дубами мы и снимали. По осколкам складывали биографию, как стеклышки. Где родился, женился, где дети, какова их судьба. И поскольку вообще ничего не было известно, каждый шаг для нас становился открытием. А кино — историей про то, как мы ищем Аксенова.

— Что с ним случилось?

Дарья ИСМАГУЛОВА

Матвей Бронштейн — гениальный астрофизик, занимавшийся квантовой теорией гравитации и слабого магнитного поля. Предложил решение задачи о лучистом равновесии звездной атмосферы, известное как «соотношение Хопфа-Бронштейна». Ученый с мировым именем по совету Маршака начал писать книги для детей — «Солнечное вещество», «Лучи Икс». Был мужем Лидии Чуковской. Светило науки — убили в 31 год.

Алексей Бялыницкий-Бируля — зоогеограф, палеонтолог, энтомолог, член-корреспондент РАН, директор Зоологического музея АН СССР. Участвовал в экспедиции Колчака по северному пути Шмидта. Один из главных специалистов по паукообразным, прежде всего — телифонам. Сказка о нем называется «Телефон».

Виноградов Николай Николаевич — священник, историк, этнограф, археолог. Участвовал в подготовке Карельской энциклопедии. Составил соловецкий «разговорник». В 1938-м повторно арестован и расстрелян. О нем рассказ — «Лабиринты Большого соловецкого острова».

Георгий Горбачев — литературный критик, профессор ЛИФЛИ, собиратель, в 1930-м принес в Пушкинский дом рукопись предсмертного стихотворения Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Арестовали в 1934-м, расстреляли в тюрьме. Репрессировали и расстреляли и его жену Евгению Мустангову. Рассказ называется «Морж и мустанг» (близкие называли Горбачева «Моржом»).

Лев Александрович Зильбер — вирусолог и иммунолог, создатель советской школы медицинской вирусологии. Старший брат Вениамина Каверина. Боролся с эпидемией чумы, после чего был обвинен в диверсии: стремлении заразить чумой население Азербайджана. Очередной арест — за отказ от предложения работать над бактериологическим оружием. В 1937-м совершил открытие мирового значения, обнаружив возбудителя клещевого энцефалита, предложив методику борьбы с ним. В лагерях на Печоре сформулировал прорывную концепцию происхождения раковых опухолей. После освобождения ему вручили Сталинскую премию. Сталин лично извинился перед Зильбером.

Владимир Ипатьев — химик, генерал-лейтенант Русской армии. Руководитель Главхима, основал несколько институтов и химических исследовательских центров в СССР. Во время Международного энергетического конгресса в

Дом для книг, который построил Федор-Ченко

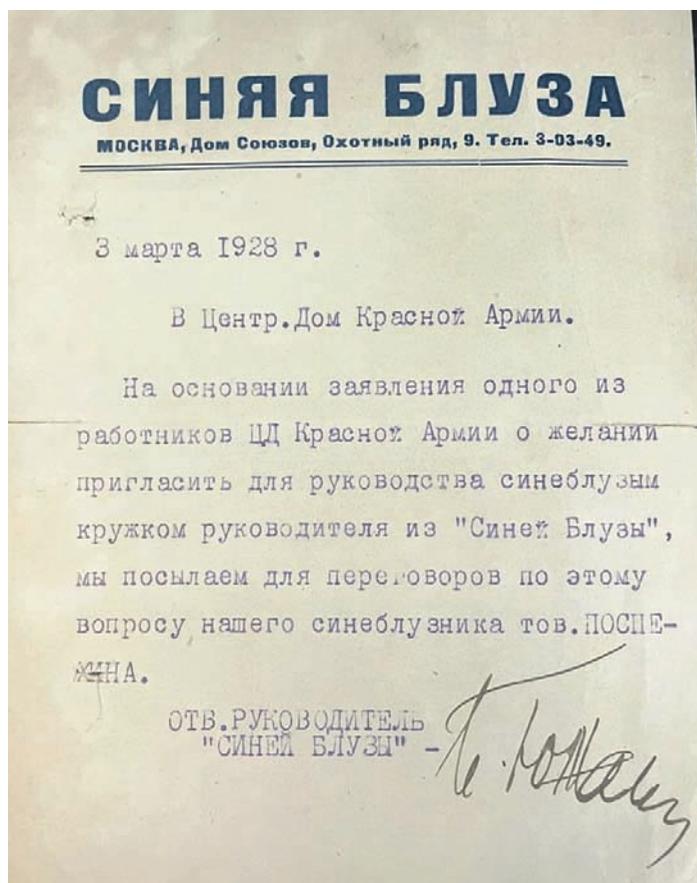
Германии узнал об аресте почти 2000 инженеров «по делу Промпартии», в том числе в его отрасли, его учеников и коллег, — и решил не возвращаться. Стал профессором Северо-Западного университета в Чикаго, один из основателей нефтехимии в США и химического оружия Америки. Среди его изобретений — высокооктановый бензин, позволивший самолетам США добиться решающего перевеса в скорости во время Второй мировой войны. Лауреат Золотой медали Гиббса, высшей награды для химиков в Америке. В США получил более 200 патентов. Брат Николая Ипатьева, владельца дома, в котором расстреляли царскую семью.

Модест Клер — «свердловский швейцарец», знаменитый гидролог, с его помощью решены проблемы водоснабжения уральских заводов. Изучил глины всего региона. Про него рассказ «Глина для идеального кирпича». Был арестован сначала как французский шпион, потом по «делу Промпартии».

Сергей Клычков — поэт, прозаик, переводчик. Написал

Дарья ИСМАГУЛОВА

Дарья ИСМАГУЛОВА

Николай Померанцев — блестяще образованный искусствовед, реставратор. Осознав невозможность сохранить Вознесенский и Чудов монастыри на территории Кремля, вместе с коллегами собрал и сохранил сотни томов архивов и бесценных реликвий разрушаемых объектов, проводил архитектурные обмеры, фотографировал «Лейкой». Спрятал в фондах Оружейной палаты древние иконы. Арестован по делу работников Центральных реставрационных мастерских, обвинен в попытках дискредитации советской власти «путем противодействия сносу ненужных памятников старины». После окончания в 1954-м срока выезжал в «Онежские экспедиции» на реставрации Ферапонтова, Соловецкого, Кирилло-Белозерского монастырей.

Сергей Радлов — знаменитый режиссер и педагог, создавал театры, ставил экспериментальные и классические спектакли. Оказался с частью труппы в оккупации. В конце войны переехал с женой в Париж. По

автора с автографом и работа инженера, успешного издать одну брошюру.

Здесь книги Макса Левина (философ, биолог, один из редакторов Большой советской энциклопедии), Андрея Лейферта (японец, лингвист, художник-иллюстратор), Григория Мейстера (ученый, селекционер), Георгия Олсуфьева (музейщик, реставратор, руководил реставрацией «Троицы»), Евгения Бернета (морской офицер, гляциолог, занимался теорией ледовых периодов).

Здесь философские труды Павла Флоренского и исследования миграции рыб, очерки развития танков и земледелия, томики поэзии и брошюра о засечной черте Московского государства в XVII веке.

Прижизненные издания, автографы, письма, в том числе письма Вавилова о злаках, написанные в Западной Украине перед тщательно разработанным и разыгранным как по нотам арестом выдающегося ученого по приказу Берии.

Золотой фонд человечества. «Каталог задохнувшихся судеб».

Кажется, реальность — не за окнами, где идет очередная стройка, а именно здесь, в библиотечной тишине, боящейся спугнуть напряженную жизнь идей, чувств, открытий, спря-

несколько романов. Его стихи созвучны поэзии новокрестьянского поколения — Есенина, Клюева, Ганина. Дружил с Мандельштамом и Коненковым. Перевел «Витязя в тигровой шкуре». Расстрелян в 1937-м.

Сергей Колбасьев — морской офицер, наш первый теоретик джаза. Один из героев фильма «Мы из джаза». По свидетельству очевидцев среди большой группы заключенных замерз на лесоповале в Талнахе.

Григорий Кривошеин — гидрограф, главный инженер Волховстроя, проектировал мосты: Пантелеймоновский и Чернышев — через Фонтанку, Николаевский — через Неву, Бородинский — через Москва-реку. В 1919-м арестован. В 1921-м удалось тайно покинуть Россию через Финляндию, жил в Чехословакии.

Мария Лаврова — китаевед. Занималась бронзовыми зеркалами по технологии древних китайских зеркал. Федорченко отыскал ее единственную сохранившуюся работу «Китайские зеркала Ханьской империи» — с автографом. После убийства Кирова была выслана, приняла монашеский постриг в Фергане.

Евгений Поливанов — востоковед, изучал редкие диалекты, создал теоретическую транскрипцию японского языка, которую японцы называют «поливановской». Основал ОПОЯЗ — Общество по изучению поэтического языка. Отправлен в Сынцзинь — организовывать революцию. Настоящий Джеймс Бонд, авантюрист, ученый. Обвинили в шпионаже, жестоко пытали, на Коммунарке расстреляли.

предложению советской миссии вернулись в СССР. Были арестованы, обвинены в измене Родине, отправлены на 10 лет в лагерь, там погибла его жена, поэтесса Анна Радлова. Его освободили в 1953-м, но без реабилитации. Федорченко нашел редкую книгу с автографом Радлова жене.

Каталог задохнувшихся судеб

Сегодня уже сама коллекция начинает диктовать необходимость той или иной книжки. Для Федорченко равноценны и монография известного

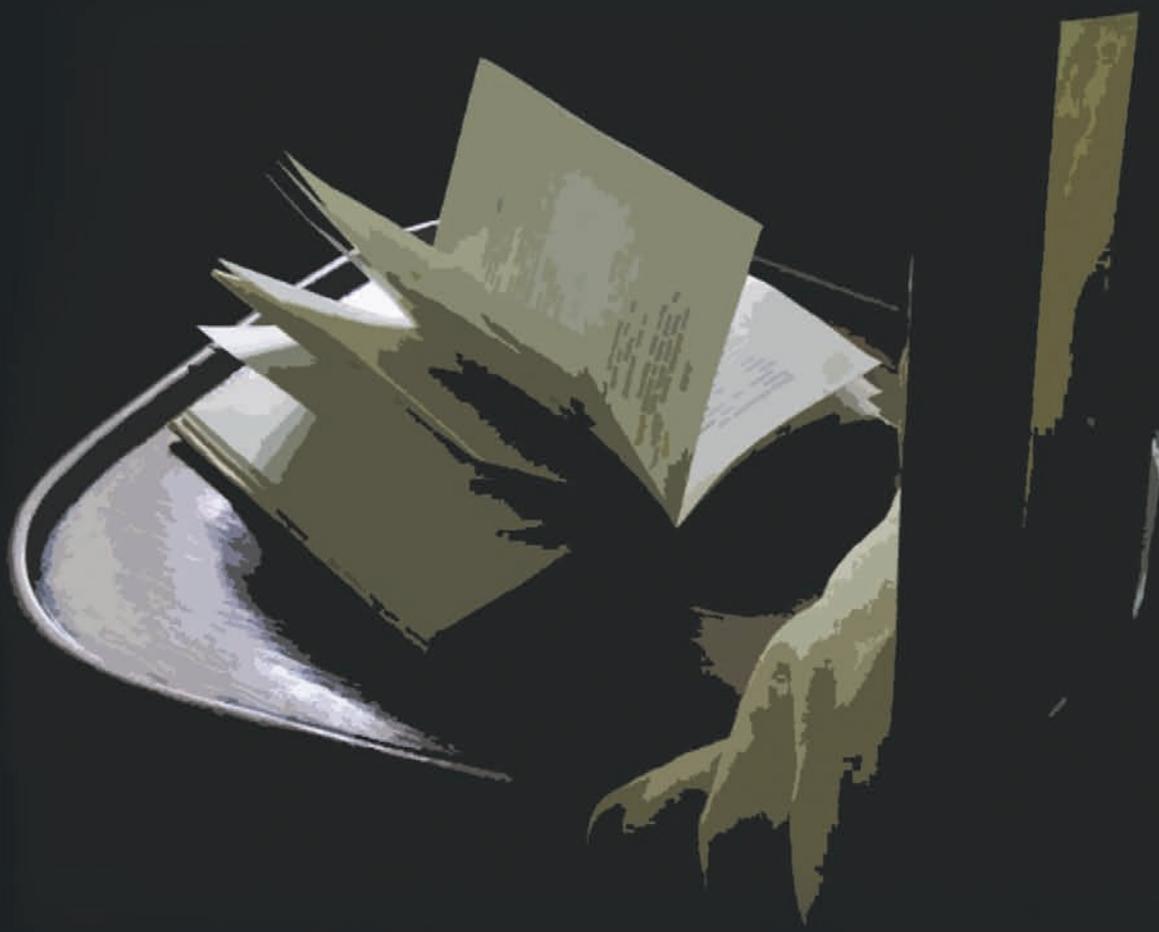

танных в конвертах за тонкими стеклами книжных шкафов, в картонных коробках.

Как в той самой подводной библиотеке капитана Немо, где тоже преобладали научные книги, а современники Орфея перемахивали границы времени. На мягких и твердых обложках книг коллекции Федорченко — имена наших современников, близких... с которыми никогда не встретился.

*Лариса Малюкова,
Москва—Екатеринбург*

Поэзия — это власть?

СПРАВКА

Клуб «Поэзия» возник в Москве в 1985 году и просуществовал до середины 90-х. Он объединил широкий круг московских неподцензурных поэтов, которых критики называли «новой волной», «параллельной культурой», «гражданами ночи» и т.п.

В клубе мирно сосуществовали концептуалисты, полистилисты, метаметафористы, постакмеисты, иронисты и просто поэты.

Здесь сошлись наиболее яркие звезды тогдашнего московского поэтического андеграунда — Пригов, Арабов, Искренко,

Еременко, Иртенев, Рубинштейн, Бунимович, Гандлевский, Айзенберг, Сопровский, Тучков, Аристов, Шатуновский, Байтов, Кацов, Гуголев, Туркин и многие другие.

К клубу примыкали прозаики, музыканты, художники и прочие деятели неофициальной культуры.

Филиалы клуба создавались в Ленинграде, Свердловске и других городах.

Евгений
Бунимович

Случай в ДК «Дукат»

*Пока ламбурим, а там посмотрим,
Куда искусство нас приведет...*

Николай Байтов

Однажды осенью, в час самого заурядного заката, в Москве, на тихой улице Гашека, что близ метро «Маяковская», редкие прохожие с изумлением наблюдали, как толпа ломится в двери Дома культуры табачной фабрики «Дукат». Скромная афиша, висевшая у входа, сообщала о вечере некоего клуба «Поэзия».

Час спустя с объявленного начала удалось собрать ошалевших поэтов. Гул не затихал, я вышел на подмостки. Зал на полтыщи мест был переполнен, сидели на полу перед сценой, забились все проходы, стояли вдоль стен, толпились в дверях... «Люди разве что с люстр не свисали», — свидетельствовал в мемуарах всегда трезвый Д.А. Пригов. Мне показалось, что свисали.

Наэлектризованный зал встречал на «ура» все, включая довольно сложные, отнюдь не «эстрадные» тексты. Бесконечный поэтический марафон должен был завершиться перформансом не помню какой группы. Следуя хрестоматийной традиции футуристов, они предприняли попытку забрызгать водой первые ряды слушателей. Освещавшие сцену софиты, закрепленные вдоль рампы, начали взрываться...

Перформансисты растворились в клубах дыма. Выйдя к микрофону, я увидел, как одновременно возникшие во всех дверях милицеские наряды, несмотря на некоторые трудности движения по телам сидевших в проходах любителей поэзии, неумолимо продвигаются к сцене, и объявил: «На этой оптимистической ноте мы завершаем наш вечер».

Виктор ВЕЛИКЖАНИН / ТАСС

Дмитрий Александрович Пригов

youtube.com

Юрий Арабов

В ту же ночь о загадочных поэтах сообщили «вражьи голоса», а с утра по Москве потекли не только слухи, но и цитаты из стихов — сплошным потоком, еще без разделения на авторов.

Кирилл Ковальджи, который за все это безобразии отвечал как официальное литературное лицо, ходил объясняться по поводу скандального вечера «по инстанциям». Но это были уже судороги системы — в перестроечной суматохе инстанции сами не знали, как себя с нами вести.

Центр мира на краю Москвы

*Летел я вслед за Горбачевым
Из ниоткуда в никуда,
И не представить ничем вам
То ощущение...*

Игорь Иргеньев

Клуб «Поэзия» — это история про время, когда не только все сошлось, но и всё сошлось. Редко, но так бывает. Все светила выстраиваются в нужной конфигурации, все карты ложатся как надо, и уже не просто может что-то произойти, а не может не произойти.

Впрочем в чумовой перестроечной атмосфере все возникало как будто само собой. Помню, однажды невесть откуда взялась «ночь искусств» — но не как сегодня, а без решений, постановлений и прочей бюрократической канители. «Граждане ночи» повывлезали из всех щелей,

из всех подвалов, шлялись по Москве ночь напролет — еще туда надо зайти, там почитать, там послушать, там посмотреть. Незабываемый воздух свободы, не в политическом даже смысле или поэтическом, а свободы вообще, свободы личностной, творческой, человеческой. Казалось возможным все.

Приблудившийся к нам той ночью французский поэт, обалдев от происходящего, признался, что видит такое впервые.

— Это же как у вас в Париже, богема там и прочее, — неуверенно возразил я, еще ни разу не побывавший к тому времени за стремительно рушившимся «железным занавесом».

— Да что ты, у нас ничего подобного не бывает, да и быть не может...

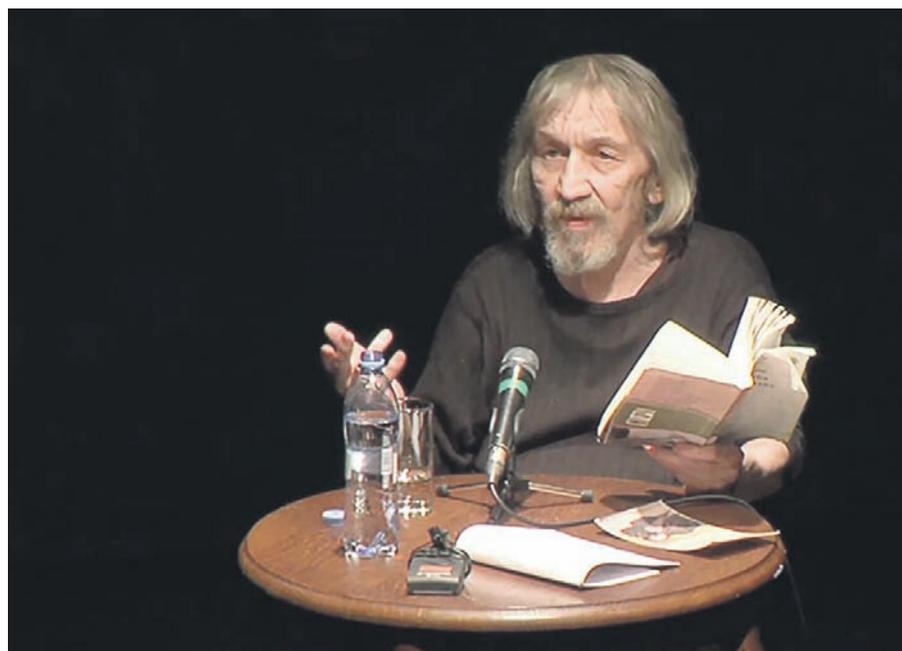
Ответ француза только подтвердил тогдашнее мое ощущение, что центр мира — здесь. Там, где я, там, где мы, — там и центр мира. Да хоть в случайной жилконторе на краю Москвы, в подвале, где в самые первые месяцы перестройки, как только это стало возможным, один странноватый молодой человек Леня Жуков, которого никто до того не видел и не слышал, зарегистрировал некое объединение — клуб «Поэзия» (над названием второпях не особо заморачивались). Не было еще в помине интернета, соцсетей, всех нынешних информационных пузырей, да кроме домашнего телефона вообще ничего не было, и тем не менее все тут же все узнали, и вот уже все набились в этот подвал.

Поэзия — дело одинокое, но это было недолгое удивительное время взаимоприятия, «сведение несводимого» — как диагностировал тогдашний андеграунд Михаил Айзенберг. Многие и до того были так или иначе знакомы, было немало пересечений, но тут нарисовались сразу все — чудики, маргиналы, таланты, гении, социопаты, городские сумасшедшие. Одни зависали в клубе практически круглосуточно, другие появлялись изредка, мелькали, примыкали, вступали и выступали. И хотя в пародийном уставе клуба утверждалось, что «членом клуба «Поэзия» считается любой, написавший не менее восьми строк о свойствах страсти», в критический момент возник даже такой вполне советский атавизм, как худсовет.

«Помню рукопись одного парня по фамилии Запоев, — вспоминает об участии в этой курьезной затее Юрий Арабов. — Фамилия мне сразу понравилась, стихи тоже... И вдруг Пригов возьми и брякни: «Запоева больше нет. Запоев тяжело умер». — «Как так?!» — «Он сменил свою фамилию на Кибиров».

Поэзия — это власть?

Театр «Мастерская П. Фоменко» / YouTube

Александр Еременко

Вслух

*И вот уже партер перерастает в гору,
подножием своим полсцены охватив,
и, с этой немотой поддерживая ссору,
свой вечный монолог ты катишь, как Сизиф.*

Иван Жданов

Клуб был недолговечной и непрочной, но естественной формой кристаллизации параллельной культуры, выходом уже не из, не за, а к.

К читателю, хотя тогда еще — к слушателю. Публиковать нас еще не решались, но чтения-выступления шли чуть не ежедневно. Вообще-то после «Дуката» выступать нам вроде как запретили, но никакие запреты уже не работали.

Аудитории были самые разные, маленькие, большие, центровые и не очень, но никогда — ни до, ни после — не встречал я такой живой и в то же время адекватной реакции на каждое слово поэта. А ведь звучала не только и не столько стихотворная публицистика, но непривычные, зачастую и просто очень непростые тексты. Тем более для восприятия на слух.

Недолгое необыкновенное время, когда люди были готовы на усилие ради постижения. Вслушивались в головокружительную метафизику Парщикова, вникали во все ювелирные нюансы концептуалистских картотек Льва Рубинштейна, совершали головокружительные переходы от карнавала к трагедии с Андреем Туркиным, драматически рано ушедшим Иванушкой-дурачком и одновременно Соловьем-разбойником русской поэзии: «А птицы вжик по небу, вжик! / Как будто пули. / Когда нам дали эту жизнь, / Нас обманули».

Незадолго до того получивший в честном соревновании титул «Король поэтов» Александр Еременко чеканил: «Мы сейчас, как всегда, попытаемся снова свести / траектории тел. Вот условие первого хода: / если высветишь ты близлежащий участок пути, / я тебя назову существительным женского рода», — и чуял притихший зал, что это — не абсурдный набор канцеляритов, бюрократической тарабарщины и цитат из школьных учебников, а пронзительное объяснение в любви, чистая лирика, мучительно продирающаяся по заизвесткованным, забитым словесным шлаком кровеносным сосудам родного языка.

Опавшие листья русской поэзии

*Как Ты музыкою синей
Этих троллей наделил...*
Сергей Гандлевский

Год спустя все-таки рискнули нас напечатать, да еще в журнале «Юность» с его тогдашним тиражом в несколько миллионов экземпляров. Однако не в привычном разделе «Стихи», а (как бы чего не вышло) — под специально для этой акции придуманной рубрикой «Испытательный стенд».

Я зашел за авторскими экземплярами в редакцию, там стояли на полу в коридоре три больших холщовых мешка с письмами. Это была реакция читателей на первый «Испытательный стенд». Спросили мрачно и ревниво: «Может, заберете? Деть некуда». Я взял наугад несколько писем из тех, что лежали сверху. Там было и про гениально, и про чудовищно, и про, наконец, свежий воздух, и про похороны русской поэзии.

Сразу же появились разгромные статьи в официозе, где сообщалось, что все мы — «опавшие листья русской поэзии» (номером раньше в той же газете про Бродского, получившего тогда Нобеля, писалось примерно то же самое), но тут уже и другие, иногда совершенно неожиданные издания рискнули опубликовать непривычные тексты поэтов «новой волны» — от ведомственной газеты «Советский цирк» до многотиражной «Сельской молодежи».

Это было время, когда на страницах литературных журналов появилось отнюдь не только наше безбашенное поколение, но и весь самиздат и тамиздат, вся неподцензурная русская классика — Платонов, Набоков, Шаламов, Бродский, Солженицын, Мандельштам... И рядом, на соседних страницах — мы.

Помню, как мои стихи попали в один такой стремный номер. Казалось, вся Москва уткнулась в этот журнал — в вагоне метро, в очереди в парикмахерскую, к врачу в район-

Соцсети

Сергей Гандлевский

ной поликлинике... Каждый раз я ревниво заглядывал через плечо. Увы. Журнал был открыт не на моих страницах.

К дебютным публикациям традиционно полагались небольшие предисловия, напутствия мэтров. Еще один советский атавизм. Однако и тут все смешалось, перепуталось — где мэтры, где сантиметры. Пригов, с ходу перешедший в классики из «молодых поэтов» (так по привычке называли поэта любого возраста, которому был перекрыт выход в советскую печать), написал текст перед моими стихами для журнала «Театр», а я ему, чуть позже, — для его публикации в только возникшей «Новой газете»...

Она утонула

*Кто насмерть, а кто схоронится,
кто вякнет, кто ляжет на дно.
И нашей ползучей границы
растет нефтяное пятно.*

Юлий Гуголев

Клуб «Поэзия» — это, конечно, яркий момент выхода на литературные просторы «поколения дворников и сторожей», которых ревнивые шестидесятники тут же метко прозвали «восьмидесятами». Но именно — момент.

Центростремительные силы времени и места вскоре сменились более естественными для поэтов силами центробежными. Внутренне состоявшимся и состоятельным литераторам, многие из которых пришли в клуб с самими, может быть, знаменитыми

впоследствии своими текстами, оказалось достаточно одномоментного общего импульса. Вскоре литературная жизнь стала у каждого своей. Индивидуальной. Штучной.

Свои книги, свои выступления, свои премии, свои кризисы, своя судьба.

И все же, глядя на происходившее тогда сквозь призму прошедших времен, понимаешь, что главным в распаде клуба стало все же не это.

Необходимое признание. Я никогда не отличался прозорливостью в своих прогнозах. Жил как жил, не ждал никаких перестроек, а тут, как сказано в известной книге, «это было навсегда, пока не кончилось». А на исходе недолгих перестроечных 80-х, в период полных залов литературных вечеров и пустых полок магазинов, как-то на вопрос из зала, чего еще ждать, ответил, что для меня все уже произошло, можно жить как хочешь, читать что хочешь. «А колбасы не будет никогда!» — наивно заполировал я наивный свой спич.

И буквально тут же наступили 90-е, и на прилавках появилась вождеденная колбаса, правда, в связке с путчами, сумасшедшей инфляцией и рухнувшим нерушимым Союзом.

Однако распалась не только советская империя, но и нематериальная, параллельная и одновременно перпендикулярная ей империя смыслов, где слово значило много и стоило дорого. Бывало, что и жизнью платили.

Свято место, как известно, не бывает пусто. Появились новые красивые слова: ваучер, авизо, рэкет, секвестр, дефолт. Они манили своей нездешностью и, как вскоре выяснилось, тоже стоили очень дорого, но это был уже совсем другой мир, определяемый местами в попсовых хит-парадах и индексом Доу-Джонса.

А что же случилось с литературной Атлантидой? Она утонула.

В режиме бродячей собаки

*Полистилистика
это когда я хочу петь а ты хочешь
со мной спать
и оба мы хотим жить
вечно*

Нина Искренко

Вситуации полураспада клуб продолжал некоторое время влачить свое призрачное, фантомное существование, изредка ошарашивая праздных москвичей своими акциями, проходившими, как писали в афишах, «в режиме бродячей собаки». Клуб жил благодаря неиссякаемой творческой энергии Нины Искренко, которую Андрей Вознесенский справедливо назвал «душой клуба». А сама Нина была уже мучительно и смертельно больна. Она затевала литературные акции невесть где, в совершенно безумных местах — на Кольцевой линии метро, в очереди в свежееоткрытый Макдоналдс, среди птеродактилических скелетов палеонтологического музея, в ерофеевской электричке Москва–Петушки, на катке Патриарших прудов.

Это был праздник вопреки, праздник во что бы то ни стало, он не всегда удавался, иногда казался нелепым и недостаточно праздничным не только зачуханным и хмурым пассажирам электрички, но и нам, друзьям-поэтам... Но Нина ушла — и праздника не стало.

С ее смертью в 1995 году закончился и клуб «Поэзия», и наша затянувшаяся поэтическая молодость. Как точно заметил Юрий Арабов, «клуб «Поэзия» — ювенильная греза русских мальчиков, которые однажды все-таки выросли. <...> Так что клуб «Поэзия» в некотором смысле — явление вечное».

P.S. *Казалось, время, когда в отечестве моем поэтическое слово снова станет значимым, не наступит уже никогда. Но это казалось мне, которому (см. выше) прогнозы никогда не удавались.*

С нынешним грозным движением тектонических плит пришло и время стихов. Оказалось, сказанное Генрихом Гейне два столетия назад: «Когда мир раскалывается, трещина проходит через сердце поэта», — это не расхожая банальность, стертая в хлам постоянным цитированием. Это правда.

Мир раскололся, и стали слышны трагические голоса поэтов.

Бог помочь вам, друзья мои.

Евгений Бунимович

2023, Москва

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Книги во времена несвободы

Никита

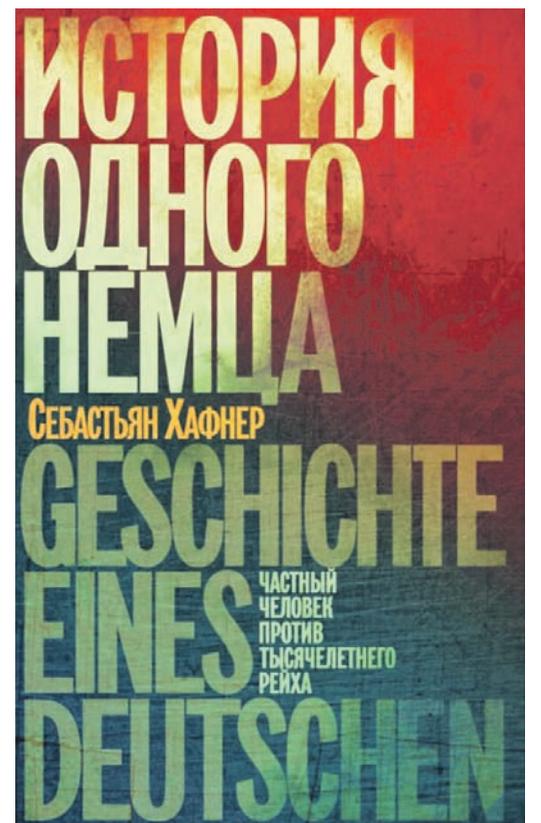
Кондратьев

В 2022–2023 годах в России в целом все хуже продаются бумажные книги. За исключением работ на одну тему — нацизм, диктатура и Вторая мировая война. С момента объявления мобилизации осенью 2022 года торговые сети отметили 20-процентный рост продаж книг о войне, писал «Коммерсантъ». Наиболее популярные и активно освещенные рецензентами произведения — сборник дневниковых записей и писем простых жителей Третьего рейха от оксфордского историка Николаса Старгардта «Мобилизованная нация. Германия 1939–1945» (Колибри, 2023, перевод Александра Колина)*; «Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов» британской писательницы Джулии Бойд

* Подробно о книге и восприятии диктатуры в интервью Старгардта автору обзора.

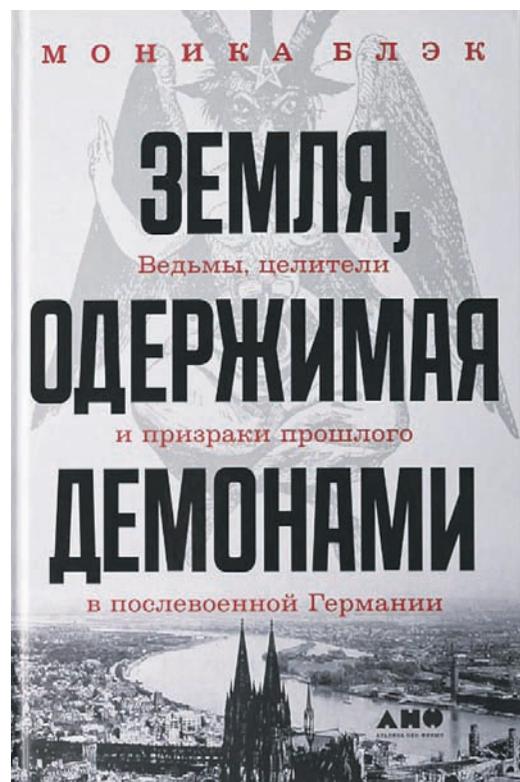
(Эксмо-Пресс, 2020, перевод А. Андреева). — Тоже сборник свидетельств, но уже от иностранцев: дипломатов, политиков, знаменитостей того времени и студентов; а также «В саду чудовищ» американского журналиста Эрика Ларсона (Карьера Пресс, 2014, перевод Ирины Юценко) — о жизни посла США в Германии Уильяма Додда с 1933 по 1937 год.

У этих авторов есть и другие работы, помогающие посмотреть на несвободу с непривычного ракурса — например, «Свидетели войны» Старгардта о детях в нацистском режиме или «Деревня в Третьем рейхе» Бойд о жизни деревушки Оберстдорф на границе Германии и Австрии. Но они, к сожалению, пока не переведены на русский язык. Мы коротко расскажем о некоторых других произведениях в жанре нон-фикшн, которые доступны на русском и рассказывают о жизни накануне, во время и после темных времен.

Себастьян ХАФНЕР.
«История одного немца»
(СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 2023,
перевод Никиты Елисеева)

«**Н**а моих глазах разыгрывалось «падение в дерьмо», сопровождаемое патристическим ликованием и ревом национального триумфа, я кричал в приступе ярости и отчаяния, что хочу эмигрировать» — так уехавший из Германии от нацистского режима журналист Себастьян Хафнер в 1939 году вспоминает последние дни на родине. Книга Хафнера — хрестоматийный пример мемуаров, в которых становление германской диктатуры увидено глазами немцев. В изгнании Хафнер уже интуитивно понимает, каких масштабов катастрофа наступит после 39-го года. Книга журналиста-эмигранта — она резонирует не только с новыми «уехавшими» (кто еще разделит это самоощущение эмигранта-обузы с пугающим паспортом и который к тому же «побит и ищет убежище?»), но и с «оставшимися» — Хафнер много пишет о «фасаде нормальной жизни» на фоне «тайного запаха безумия и веселья танца смерти».

Моника БЛЭК.
«Земля, одержимая демонами»
 (М.: Альпина нон-фикшн, 2022,
 перевод Натальи Колпаковой)

Послевоенная Германия — не мифическая страна, где все сразу смыли с себя грехи и начали строить демократическое, цивилизованное и экономически развитое общество. Страна под оккупационными силами победителей, в новое правительство пускают бывших нацистов, экономического чуда еще не случилось, преступления вермахта пока не признаются, никто не понимает, почему проиграна война; многие по-прежнему ненавидят евреев, дезертиры и эмигранты считаются предателями, а понятий коллективной вины и ответственности еще просто не существует. Историк и профессор университета Теннесси Моника Блэк исследует, как жители постнацистской Германии пытаются не сойти с ума, обращаясь к эзотерическим практикам предков (точнее, не переставая обращаться к ним — оккультные практики Аненербе, рунические писание и прочая тяга к темной материи прекрасно уживались и в диктатуре), а крах в конце войны связывают не с чем иным, как с карой Небесной. Блэк рассказывает историю обычного (поначалу) шарлатана, а позже звездного экстрасенса Бруно Грёнинга, который объявил себя мессией и дурачил немцев во время сеансов «массового» исцеления по радио и на публичных мероприятиях через «струящуюся божественную силу» Heilstrom.

Также профессор изучает судебные процессы над ведьмами (sic!) в северной ФРГ в 1950-х — на

удивление широко распространенную практику в стране, которая через считанные годы станет экономическим локомотивом Европы. Блэк даже находит некоторую связь с антисемитизмом сельских жителей — те и евреев считали носителями опасной магии. Оккультизм и магия процветали в сельской местности Германии задолго до прихода Гитлера к власти, но после войны немцы, не желавшие признать себя побежденными, обиженные на весь мир, нашли в этом единственную форму массового эскапизма. «Как заметила одна пожилая пассажирка, «дудочнику-крысолову стоит только заиграть — отовсюду сбегаются дети», — кажется, так объяснить произошедшее куда проще.

Александр БАУНОВ.
«Конец режима: Как закончились три европейские диктатуры»
 (М.: Альпина Паблицер, 2023)

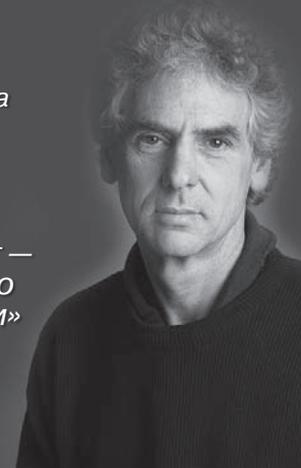
Журналист, старший научный сотрудник Фонда Карнеги (Фонд признан Минюстом «иностранным агентом». — Ред.), специалист по античности Александр Баунов выпустил книгу, ставшую бестселлером. В «Конец режима» рассказывается история почти одновременного краха режимов испанского фашиста Франсиско Франко, португальского диктатора Антониу ди Салазара и хунты «черных полковников» в Греции. Это аналитика без отсылок к настоящему и без упоминаний о Гитлере — нам просто показывают, как бывает (хотя, видимо, не обязательно всегда). «Реальное взятие Бастилии

или штурм Зимнего сильно отличается от легендарных рассказов. Миф не обязательно противоречит событию, часто он его всего лишь упрощает. С течением времени миф о событии вытесняет само событие. Это касается и демократизации целых обществ и государств», — напоминает автор. В Греции хунта хотела маленькой победоносной войны на Кипре, но споткнулась о сопротивление и тем самым заставила работать политическую систему, которая и смела «полковников».

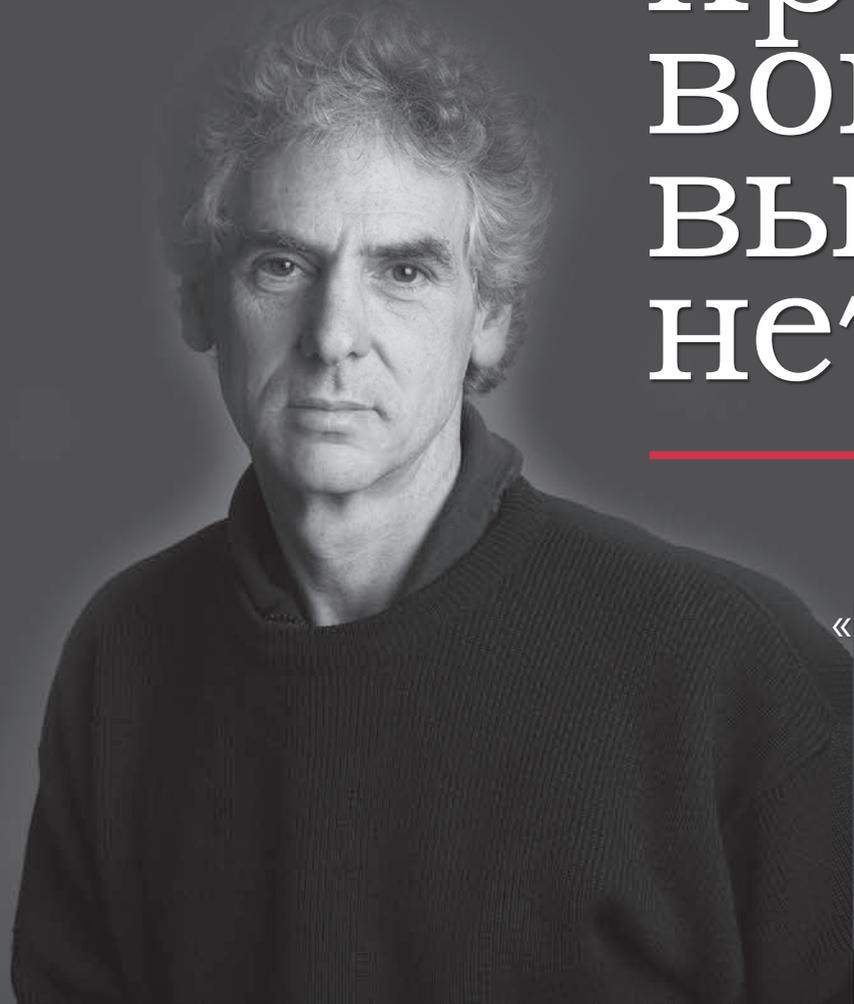
Португальский диктатор Салазар просто постарел и одряхлел — а вместе с ним и режим, окончательно сметенный «революцией гвоздик». А в Испании произошло нечто невероятное — этому и посвящена львиная доля книги. В ней даже есть интервью с экс-главой МИД РФ Игорем Ивановым (состоял на дипломатической службе в Мадриде в последние годы правления Франко). После ухода диктатора и восстановления монархии исполнительную власть берет в руки премьер Адольфо Суарес — бывший член фашистской партии «Фаланга» — и, к удивлению многих, объявляет амнистию политэкам, легализует коммунистов, вводит многопартийную систему и проводит свободные выборы. Так бывает. Но не факт, что такое возможно повсюду. Работа Баунова явно дает беспорную надежду только в одном месте — в посвящении: «Моей маме, жительнице мира в закрытой стране».

Немцы убеждали себя: кроме войны, выхода нет

Автор мирового бестселлера «Мобилизованная нация»
 Николас Старгардт — в интервью для «Горби»

Немцы убеждали себя: кроме войны, выхода нет

АВТОР МИРОВОГО
БЕСТСЕЛЛЕРА
«МОБИЛИЗОВАННАЯ
НАЦИЯ»
НИКОЛАС
СТАРГАРТ —
В ИНТЕРВЬЮ
ДЛЯ «ГОРБИ»

Никита
Кондратьев

Николас Старгарт — австралийский исследователь и профессор истории Магдален-колледжа в Оксфорде.

В 2022 году стал одним из самых читаемых зарубежных историков в России. На фоне частичной мобилизации взлетели продажи его книг об истории нацистской диктатуры и немецкого милитаризма. Хотя Старгарт и родился в Мельбурне, история его семьи имеет прямое отношение к истории немецкой диктатуры. Его отец, немецкий еврей и социалист, бежал из Третьего рейха в 1939 году в 18 лет.

В книге «Мобилизованная нация» Старгарт цитирует дневники и письма обычных немцев, чей голос обычно не слышен, когда речь заходит о той эпохе. Мы поговорили со Николасом Старгартом о том, что приводит целые народы к жизни в диктатуре, как авторитарный строй и война меняют человека и, главное, — как нация может выйти из порочного круга войн и репрессий.

— Ваша книга *The German War: A Nation Under Arms, 1939–1945* (в русском издании — «Мобилизованная нация». — Ред.) впервые опубликована в России еще в 2021 году, но только осенью 2022 года ее популярность достигла пика. Как думаете, почему россияне сегодня ищут ответы на вопросы о сегодняшнем дне именно в вашем труде о прошлом Германии?

— Моя книга вышла на русском под названием «Мобилизованная нация». Я не выбирал это название, но сам по себе заголовок подходящий, потому что огромная часть книги — это исследование дневников, писем и других источников, которые помогают понять детали частной жизни этих людей. Как они сами убеждали себя в важности войны? Почему они считали,

что у них нет другого выбора, кроме как воевать?

Я старался с осторожностью отбирать истории людей из разных регионов Германии, из разных религиозных общин, разных социальных классов. Важно заметить, что во многих случаях эти люди не считали себя нацистами, не рассматривали себя как естественных сторонников режима. Если бы все немцы были сторонниками режима, в их дневниках мы видели бы такую же нацистскую пропаганду, как и в официальных источниках, не было бы никакого разрыва между тем, что они говорили в личной жизни и на публике. Да, есть и такие [состоящие из пропаганды] дневники, но они почти ничего не рассказывают нам о той эпохе. Интереснее

читать дневники и письма людей, смотрящих на внутреннюю политику с долей скепсиса. Кому-то из них не нравились нападки на католическую церковь, кто-то не разделял антисемитских идей или был недоволен чем-то другим. В 1939 году огромное число демократически мыслящих людей все еще считали себя частью германской нации, у них появилось предчувствие большой войны, которой они уже не смогут избежать, да и не должны. Первый и самый важный шаг в этой трансформации — убедить себя, что другого выбора не осталось.

В 1914 году германское правительство уже пыталось обставить начало Первой мировой войны так, будто кто-то собирался вторгнуться на территорию страны. Они предпринимали очень

осторожные шаги — позволили российской императорской армии пересечь границу Пруссии и только после этого заявили, что Германия подверглась атаке. На тот момент уже никого не волновало, что германские силы вторглись во Францию и Бельгию. Зато это позволило даже немецким социалистам заговорить о необходимости вести оборонительную войну.

К 1939 году режим уже знал, что нужно делать, чтобы мобилизовать людей: убедить их, что война ведется ради защиты. И чем дальше заходит эта война, тем очевиднее становится ее оборонительный характер. В этом смысле становится очень просто легитимизировать войну. По сути, война становится куда более легитимной, чем сам нацистский режим.

Но важно понимать две вещи. Первое — не все авторитарные режимы и диктатуры фашистские по своей природе. Это не значит, что они более снисходительны к гражданам, просто фашизм всегда основан на массовой поддержке. А авторитарные режимы [современности] целиком и полностью созданы самим государством. Да, многие авторитарные режимы довольно жестоки, но это не фашизм, так как в их основе нет настоящего общественного движения. Массовая поддержка режима в Германии создавалась не только национал-социалистами, но и обществом в широком смысле. Ее суть — отрицание того факта, что страна по-настоящему потерпела поражение в 1918 году. У немцев было желание не ввязаться в новую войну, а именно провести ревизию итогов прошедшей.

Мало кто из них хотел идти на войну в 1939 году. Идея о том, что страна окружена врагами, зародившаяся еще в 1914 году, была проговорена еще раз в 1939 году и стала для немцев достаточным обоснованием.

Они не видели себя агрессорами, для них это действительно было способом защититься от «британской блокады», от преследования этнических немцев на территории Польши.

Как видите, в авторитаризме можно выстроить множество разных конструкций, каждая из которых базируется не на фактах современности, а на попытке перепрошить историю и заявить свое моральное право [на территории] исходя из квазиисторической истины. Немцы не признавали права Чехословакии, Польши, Литвы и других стран на существование, так как все они вышли из многонациональных империй.

— В дневниковых записях героев вашей книги тем не менее прослеживается понимание того, что бомбардировки немецких городов — это возмездие за все то, что национал-социалистический режим сделал с евреями.

— Да, это осознание становится более острым с течением времени. В 1941 году Геббельс убеждает Гитлера ввести «еврейскую звезду». К концу года немецких евреев депортируют, а к 1942 году строятся лагеря смерти, и Германию буквально заполняют слухи о них. Но это не становится темой для обсуждений. Геббельс пытается зару-

читься поддержкой в антисемитских кампаниях, но быстро понимает, что эта тактика не работает, поэтому пропаганда на время замолкает.

Только после Сталинграда начинает работать негативная пропаганда, принцип усиления через страх, когда уже возможно запугать людей, рассказывая им, что случится, если страна проиграет войну.

После встречи с Герингом Геббельс пишет в своем дневнике, что не видит ничего плохого в том, чтобы рассказать народу правду о массовых убийствах евреев, потому что, оказавшись в тупике войны, люди начнут сражаться более фанатично. Весной и летом 1943 года режим начинает чаще рассказывать о том, что случилось с евреями, и для контраста рисует сцены страшных еврейских комиссаров Красной армии, политруков с Восточного фронта.

На Западе другая картина — британские и американские бомбардировки немецких городов рассматриваются как нападение на безоружных гражданских, а нацистская пропаганда представляет их как «террористические еврейские налеты». Это начинает волновать немцев, только когда бомбардировки становятся по-настоящему разрушительными.

Летом 1943 года Гамбург подвергается ковровым бомбардировкам, около 45 тысяч людей убиты, 800 тысяч эвакуированы из города-миллионника. Это становится для населения огромным шоком, да еще и происходит одновременно со свержением Бенито Муссолини в Италии. Следующие шесть недель немцы только и говорят о том, как бы им повернуть что-то похожее дома. Они убеждены, что нужно хотя бы выйти из войны с Западом.

— Вы могли представить, что паттерны из 30-х и 40-х могут когда-либо снова повториться в Европе?

— И да, и нет. Есть очень много параллелей в популистской риторике политиков из Польши, Венгрии, Италии, в какой-то степени и Британии. Крайне правые заигрывают с темами из фашистского прошлого и крайнего национализма. Все это — эхо 30-х годов. Но в 30-х и 40-х люди буквально были готовы умереть за эти идеи. Сегодня все иначе — отдать жизнь за ультраправые идеи готовы относительно немногие. И здесь кроется основное различие между [нашей реальностью] и Второй мировой войной.

Вторая мировая была безграничной войной. Из такой войны очень сложно найти выход. Именно об этом немцы начали задумываться летом 1943 года: а может, лучше сейчас заключить мир с США и Британией, даже если это потребует от нас свергнуть режим? И даже когда они пытались придать той войне какие-то границы, никто не хотел выходить из войны с Советским Союзом. На ранних стадиях войны, когда Польша уже была оккупирована, а СССР еще никак не участвовал, по Германии уже ходили слухи о мирном соглашении с Британией, люди смотрели в будущее с оптимизмом, они хотели такого разрешения конфликта.

Но чем безграничнее становится война, чем больший масштаб она приобретает, тем сложнее найти выход.

В соответствии с этой логикой государство создает для гражданина все больше препятствий к выражению несогласия. В конце концов, сказать «нет» становится просто опасным, и с каждым разом ставки повышаются.

— Вы смогли ответить себе на вопрос, как такая трансформация произошла с гражданами свободной Веймарской республики? Понятно, что общество было разделено и экономически нестабильно, но как получилось, что немцы дошли до крайности и так просто повелись на нацистскую пропаганду?

— Свобода редко уживается с бедностью. В конце 1920-х крах Уолл-стрит приводит к массовой безработице, а сложная система репараций после Первой мировой, завязанная на американских займах, приводит к тому, что долги Германии растут и, по прогнозам, будут расти еще 50 лет. Это просто раздолье для антисемитской пропаганды: «евреи с Уолл-стрит» и так далее.

Граждане также увидели, что демократия не работает. Есть 28 партий, но никто не может сформировать правящую коалицию. Страна управляется декретами и чрезвычайными указами. Все это привело к коллапсу Веймарской республики.

— Люди искали стабильности?

— Конечно, нужен был кто-то, кто найдет решение социально-экономических проблем. И появляется один политик — Гитлер. Но главное здесь — огромный срез населения просто не верил в легитимность Веймарской республики и парламентской демократии как таковой. Правящие круги пришли к власти на волне революции; они, как считали немцы, предали народ в конце Первой мировой.

При этом совсем необязательным условием смены режима было, чтобы к власти пришел именно Гитлер или любой другой антисемит, не говоря уже о том, чтобы новый лидер реально желал новой мировой войны. Было много антисемитски настроенных людей, но они не хотели убивать всех евреев.

— Какую роль в этой трансформации сыграла пропаганда?

— Пропаганда помогла создать единое настроение и показать одну-единственную интерпретацию событий. При этом нацисты очень старались не создавать унифицированную, централизованную прессу. Немецкая журналистика богата региональными газетами (даже сейчас), и нацисты позволили региональным изданиям продолжить работу. Они позволили этим газетам сохранить свои различия и свой почерк, не стали прекращать работу американских журналистов. Это создало ложное чувство нормальности. И все же Геббельс спускал инструкции по освещению инфоповодов в соответствии с основной пар-

тийной линией, когда речь заходила о топовых новостях.

Интересно, особенно в контексте войны, что полиция еженедельно составляла отчеты об общественных настроениях, чтобы затем власти могли использовать их в создании сообщений для СМИ.

Это не просто пропаганда, спущенная сверху, это своего рода диалог, в котором какие-то тезисы запускаются в общество, а затем власть смотрит, какого рода дискуссия возникнет среди граждан.

Каждую неделю Геббельс немного подстраивал свои пропагандистские тезисы, беря в расчет механизмы обратной связи.

Кроме того, у людей оставались альтернативные источники информации. Многие слушали иностранное радио, включая британское вещание. Когда в конце войны британские и американские специалисты прибыли в оккупированную Германию, они обнаружили, что у немцев сохранилась резистентность к западной пропаганде. Они слушали радиостанции противника, только чтобы узнать факты. Они понимали, что власти Германии врут им, но точно так же не верили интерпретациям, звучащим на зарубежных волнах. Даже когда в 1943 году население начало относиться к пропаганде в целом критично, никто не ставил под сомнение основные тезисы Геббельса о «евреях, которые контролируют Лондон и Вашингтон и организуют бомбардировки Германии, потому что только евреи являются беспощадными врагами, желающими полного уничтожения мирных немцев». Это просто принималось как факт.

Это дает нам понять, что даже если люди уже готовы отвергать какие-то навязанные тезисы, они не всегда делают это в рамках либерально-демократических воззрений.

Это очень специфическая, заряженная национализмом схема восприятия. Очень важно учитывать такие моменты, когда имеешь дело с населением, внутри которого уже заведомо сформированы свои особенные с политической и культурной точек зрения представления о мире. Они способны видеть все те же вещи, но все равно вписывают их в абсолютно иной контекст.

— Вы могли бы сказать, что нацистская пропаганда была на 100 процентов эффективной по отношению к населению Германии?

Немцы убеждали себя:

кроме войны, выхода нет

— Некоторые вещи нацистская пропаганда пыталась подать очень изощренно, но они все равно не доходили до получателя. Одно из первых преступлений, на которое идут нацисты, — это уничтожение пациентов психиатрических клиник. Чтобы оправдать это, они создают сценарии пропагандистских фильмов, но Геббельсу кажется, что это не сработает. В конце концов он создает картину об эвтаназии женщины с рассеянным склерозом (*фильм «Я обвиняю» 1941 года, запрещен после войны. — Ред.*). Врач пытается помочь своей подруге, которая испытывает сильнейшую боль и глубокое отчаяние, [уйти из жизни]. Фильм сделан как судебная драма, где аудитории предлагается побыть судьями на процессе над врачом, которого судят за убийство. Это очень и очень мягкая попытка открыть дискуссию на тему медицинского убийства, и показанное разительно отличается от убийств, которые в это время происходят в Германии. Это многое говорит о разрыве между тем, что режим делал в реальности, и как он мог об этом рассказать.

То же самое происходит с радикальной пропагандой антисемитизма. В 1941 году вводится «еврейская звезда», и в то же время Геббельсу докладывают, что пожилым еврейкам уступают места в берлинских трамваях. Геббельс раздосадован, он садится и пишет статью о том, что немцам следует думать, прежде чем уступать место в трамвае старым еврейкам, ведь их племянники в Нью-Йорке прямо сейчас подталкивают американцев к вступлению в войну.

Но и это не работает. На этом Геббельс временно заканчивает свои эксперименты с экстремальными формами пропаганды, потому что они создают очень разрозненную реакцию в обществе.

Следующий пример такой пропаганды — 1943 год, когда обнаруживаются массовые захоронения [польских военных] в Катыни [Смоленской области]. Геббельс пытается использовать в своей пропаганде могилы польских офицеров, расстрелянных НКВД и захороненных в Катынском лесу. Они предстают в образе неких прокси-немцев, и это вновь разделяет общественное мнение в Германии.

По большей части инфоповод был эффективным, потому что немцев шокировал образ «варваров, готовых убить нас всех». Но католические и либеральные слои выражают несогласие. Они отмечают, что Германия уже убила не меньше евреев, поляков и русских и если раскопать Катынский лес чуть подальше, то можно найти массовые захоронения жертв немецкой армии. В итоге режим получает три разные реакции на свой тезис. С одной стороны, это критически настроенное меньшинство, с другой — большинство, которое просто никак не реагирует на пропаганду, с третьей — убежденное нацистское меньшинство, которое спрашивает у режима, почему он останавливается на малом. Почему мы недостаточно безжалостны к врагу?

Проблема Геббельса в том, что он запускал в народ очень жесткие пропагандистские тезисы, в которые почти наверняка верил сам. Но они не объединяли народ.

Пропаганда показывала куда лучшие результаты, если сбавляла обороты и начинала играть не на сугубо нацистских убеждениях, а на идеях,

с которыми согласны более широкие слои населения.

Из докладов тайной полиции становится понятно, что пропаганда имела дело не с гомогенным социумом. В нем были и бывшие социалисты, и бывшие коммунисты, и бывшие избиратели Партии католического центра (*старейшая партия Германии и одна из самых влиятельных в Веймарской республике; восстановлена после войны, но утратила свои позиции.* — Ред.), бывшие либералы. Нацистская Германия — это постдемократическое общество, где у режима есть монополия на СМИ, но нет настоящей монополии на идею. Ему все время приходилось вести дебаты, убеждать людей, тщательно отбирать пропагандистские тезисы.

— Ваш вывод — далеко не большинство немцев поддерживало национал-социализм как идею. Но как трансформировалось мнение тех, кто предпочитал отмалчиваться или не желал заявлять о протесте вслух?

— Я обнаружил дневник одного квалифицированного индустриального рабочего из промышленного центра Германии. Из пропаганды и слухов, пришедших из восточных городов страны, он понимает, что Германия на самом деле уничтожает евреев. Брат его жены возвращается из восточной части страны, подтверждает эти слухи, но начинает оправдывать убийства. Он говорит что-то вроде «если не мы — их, то они — нас». Они вступают в спор, но автор дневника понимает, что ему лучше прекратить возражать. Даже не потому, что шурин может сдать его гестапо, а просто чтобы не создавать конфликт в семье.

Он уже понимает, что в каком-то смысле находится в меньшинстве, и начинает цензурировать себя сам.

В большинстве случаев это происходит даже до угроз донести в полицию. Конечно, известны истории, как люди обсуждали что-то крамольное публично и на них доносили, но гораздо важнее проследить, как меняется моральный компас внутри людей. То, что каких-то десять лет назад считалось позицией большинства, теперь кажется точкой зрения совсем слабого меньшинства.

Вместе с этим меняются и параметры того, во что можно верить, с чем себя можно ассоциировать. Люди начинают существовать в иных морально-политических рамках. И война поможет режиму установить эти рамки, так как в мирное время власти не могут иметь такой же степени контроля. В мирное время можно ожидать смены режима или либерализации без поражения. А во время войны — нет.

— Сотни тысяч граждан Германии, включая политэмигрантов, покинули страну до войны и до наступления самых темных времен диктатуры Гитлера. Их ли вина в том, что в стране не появилось вооруженной или сугубо политической оппозиции, способной свергнуть режим?

— До войны Германию покинуло около 200 тысяч евреев, некоторые остались и не смогли выбраться. Если говорить о нееврейской политической эмиграции — это гораздо, гораздо меньшие цифры. Около 100 тысяч человек были арестованы и отправлены в лагеря в первые годы установления режима. Причем большинство из них впоследствии отпущены на свободу. Это очень похоже на то, что Джордж Оруэлл описывал в романе «1984»: безусловная победа над политическим оппонентом — это оставить его жить в обществе как бесправное, маргинализованное существо. Это гораздо эффективнее, чем держать людей в застенках. Конечно, многие из них были арестованы снова в 1939 году.

— В книге «Мобилизованная нация» вы также рассказываете истории ветеранов Первой мировой, которые, несмотря на мясорубку прошедшей войны, все так же хотят продолжать сражаться за Германию во Второй мировой. Почему, по вашему мнению, они не вынесли уроков из бессмысленной бойни?

— У меня был докторант, который занимался темой капелланов в британской и немецкой армиях. Он заметил, что протестантские священнослужители с обеих сторон видели войну одинаково: нет никаких естественных ограничений на то, сколько жизней унесет война, ведь все это — жертва во имя обновления нации, во имя очищения от пороков современности, от упадка индустриального общества и больших городов. Это особое отношение к жизни, когда любое количество жертв войны будет оправданным.

Во время Второй мировой войны мы реже наблюдаем подобные религиозные оправдания для войны. Я нашел письма студентов-католиков, где идея об очищении общества через войну уже почти не прослеживается.

Люди шли на эту войну с более пессимистическими ожиданиями. Для них это был, возможно, не сулящий ничего хорошего, но долг. Конечно, молодые едут на фронт, ожидая стать героями. Но ветераны Первой мировой относились к происходящему со скепсисом. У них наблюдалось четкое ощущение того, что война не будет быстрой.

Если во Вторую мировую у немецких солдат и появляется оптимизм, то это, как иронично бы ни звучало, происходит осенью 1941 года, когда вермахт уже направляется к Москве. После легкой победы над Францией они воодушевлены, и им уже кажется, будто война почти позади. Но на протяжении всего остатка Второй мировой никто не знает, когда и чем кончится война. Люди могут загадывать, может быть, на еще один год вперед, не больше, это их способ психологически справляться с действительностью. Ведь на самом деле трудно вообразить себе, когда кончится то, у чего не может быть конца. Почему они продолжают сражаться? Возможно, патриотический миф действительно укрепился в умах.

— Даже несмотря на то, что они, прошедшие Первую мировую, уже видели, насколько родине может быть плевать на собственную армию?

— Первая мировая показала, что теперь война — это когда машины кромсают людей, когда тела разрывают артиллерийские снаряды. Человек оказался слишком хрупким существом перед лицом оружия индустриальной эпохи. Но люди все равно находили способ изолировать мысли об этом.

Меня порой поражает тот факт, что хорошо информированные граждане времен Второй мировой все еще могли убедить себя в том, что они должны идти на войну. Не просто кто-то должен сражаться за них, а они сами должны встать под ружье.

Интересная мысль, на которую я наткнулся в письмах и дневниковых записях, — это идея о межпоколенческой ответственности. Это была вторая подряд война, которую уже второе поколение немцев вело в тех же местах — в России. Ветераны Первой мировой понимали, насколько это ужасно, не были согласны с тем, что творилось на фронте, но осознавали, что им придется сделать все, чтобы победить в этой войне и спасти третье поколение от этой участи.

Один из дневников, которые я исследовал, принадлежит школьному учителю Роберту Р.

Немцы убеждали себя:

кроме войны, выхода нет

(мы не знаем его настоящего имени). Он открыто пишет о военных преступлениях, которые совершало его подразделение, об увиденных ужасах войны. Он мог бы убиваться со стыда, мог бы порвать на себе форму, но, пишет Роберт, он считает важным закончить начатое. Потому что не хочет, чтобы его двухлетний сын вырос и через 20 лет снова проделал тот же путь. Здесь речь идет не о долге перед государством, а о долге перед следующим поколением.

— Вы считаете, что военное поколение немцев смогло выбраться из травмы диктатуры или же оно было обречено жить с этими установками?

— Одна из, пожалуй, наиболее шокирующих вещей в послевоенной Германии — это то, насколько люди не хотели задумываться о том, что они натворили.

Поражение в войне тут же поставило вопрос о вине и ответственности немцев. Но Геббельс заранее предупреждал их о том, что союзники будут «навязывать» немцам вину за то, что те сделали с евреями.

Когда американцы вошли в первый немецкий город на западе страны в ноябре 1944 года, военные психологи начали интервьюировать мирное население. Люди ожидали наказания за расправы над евреями, но это ожидание уживалось в них с убеждением, что евреи каким-то образом участвовали в войне против Германии.

Летом 1945 года католический священник, посещавший союзнические части, пишет, что немцы не понимают, почему американцы бомбили их города. Они винили в этом евреев.

Американцы изучали общественное мнение в Германии не так, как это делала нацистская тайная полиция. Они прогоняли немцев по опроснику — то, что мы сегодня называем методом Gallup poll. Это нормальный и статистически точный способ, но у него был недостаток по сравнению с нацистской системой замеров общественных настроений. Эти опросы не рассказывают нам, о чем люди говорили между собой. В них содержатся лишь ответы на вопросы. Под конец исследования, в 50-х, в опросах все чаще поддержку находит мысль о том, что национал-социализм был хорошей идеей, просто плохо реализованной.

Немцы знали, что проиграли, но не могли критично отнестись к самим себе из прошлого. Это

становится видно каждый раз, когда в Германию возвращаются эмигранты. Марлен Дитрих возвращается, но в ней видят предательницу, сражавшуюся на стороне врага, потому что она, немецкая актриса, снималась в Голливуде во время войны, вела передачи на американском радио.

Происходит разрыв между «патриотами» и изгнанниками, которых рассматривали как «анти-немцев».

Ханна Арендт не возвращается в Германию еще два-три года после войны. А когда она все-таки приезжает, никто не хочет говорить о прошедшем — момент уже упущен. Но зато все хотят поговорить об обиде, о жалости к себе, они начинают выворачивать историю в свою пользу.

Это проявляется и в отношении к Нюрнбергскому процессу. Немецкая общественность обращает внимание на вещи, которые, как людям точно известно, являются неправдой. Так, например, Германии в качестве одного из эпизодов обвинений был предъявлен Катынский расстрел. Как теперь установлено, расстрел произвел НКВД, используя немецкое оружие и боеприпасы. Но СССР с 1943 и до 1990 года утверждал, что это преступление совершили немцы. Но так как немецкие следователи уже проводили там эксгумацию в 43-м, граждане Германии не были готовы поверить в советскую версию. И это стало удобным поводом, чтобы зацепиться и сказать, что весь процесс несправедлив.

Беседовал

Никита Кондратьев,

Берлин

Что в следующем номере?

- «ВАГНЕР» В АФРИКЕ.

Кто его туда зазвал, что ему там нужно и чем он там уже отличился.
Документальная повесть

- НЕМЫСЛИМЫЙ АЛЬЯНС.

О союзнических отношениях
с «англосаксами»
во Второй мировой

- Как атеист Горбачев помогал верующим отстаивать свои права и почему церковь оказалась не готова к новым возможностям

- «ПОПАДАНЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА».

Как поп-литература о героях,
заброшенных в российское прошлое,
стала частью реваншистской
пропаганды

Периодическое печатное издание — журнал «Горби»
Учредитель и главный редактор — А.Е. Липский
Порядковый номер — № 1, дата выхода в свет — 30.08.2023
Тираж — 999 экземпляров
Рекомендуемая розничная цена — 999 рублей

Адрес редакции — г. Москва, gorbyjournal@gmail.com
Адрес издателя — г. Москва, Хохловский пер., д. 10, стр. 7, комната 21
Адрес типографии — г. Москва, 1-й Дорожный проезд, д. 6, стр. 3

Возрастное ограничение — 18+

Afternoon!

Несмотря на многочисленные попытки, Роскомнадзор не зарегистрировал журнал «Горби/ Gorby» как СМИ на территории РФ. Проясним: у создателей журнала нет второго гражданства! Роскомнадзор требует справку об этом, но ни один орган власти в РФ таких справок не дает. Плановое безумие этого отказа укрепило наше желание делать нормальный журнал.

Чтобы не нарушать репрессивные законы, мы вынуждены ограничить тираж 999 экземплярами, это разрешено.

Но поступят эти 999 действительно в свободную продажу...

Каждый наш журнал «номерной».

Обладатели журнала #203(2.03 — день рождения Горбачева) и журнала #501 (5.01 — день рожденья Р.М Горбачевой) получают книги Михаила Горбачева с его личной росписью.

Купить этот журнал, который стал благодаря Роскомнадзору библиографической редкостью в день его выхода, можно на сайте shop.diletant.media и в магазине редакции «Новой газеты» novayagazeta.shop.

Связь с редакцией: gorbyjournal@gmail.com

№.....

**ГОРБИ
GORBY**